

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ**

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

**TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

N 8

St. Petersburg
2013

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 8

С.-Петербург
2013

ББК 63.4
Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013.
№ 8. 216 с.

ISBN 978-5-86007-714-0

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: «DMITRY BULANIN»,
2013. N 8. 216 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (отв. редактор), В. А. Алёкшин, С. В. Белецкий, Л. Б. Вишняцкий, Л. Б. Кирчо (отв. секретарь)

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, L. B. Vishnyatsky, L. B. Kircho (executive secretary)

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, Е. В. Бобровская, В. Я. Стеганцева

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva

Оформление обложки: Г. А. Кузнецова

Layout: G. A. Kuznetsova

В № 8 «Записок ИИМК РАН» публикуются научные работы, отражающие новейшие аналитические разработки, открытия и исследования в области археологии и древней истории. Статьи В. Е. Шелинского, А. А. Зейналова, В. В. Питулько, А. Э. Басилян, Е. Ю. Павловой, Е. Ю. Гири, Х. Кимура, И. И. Разгильдеевой и Г. В. Григорьевой посвящены материалам памятников каменного века и новым методикам их изучения. В работах М. Б. Рысина и М. Т. Кашубы на широком культурно-историческом фоне проведен систематический анализ важных категорий артефактов эпохи бронзы и раннего железа. В. А. Алёкшин подробно рассмотрел стратиграфию Намазга-депе периода поздней бронзы. В статье Д. Абдуллоева прослежено развитие структуры домовладения средневековой Средней Азии по данным археологии, этнографии и письменных источников. Работа А. Н. Егорькова подводит итоги многолетнему изучению роли свинцово-оловянных сплавов в производстве ювелирных изделий у ранних славян. А. В. Курбатов и А. К. Каспаров впервые вводят в научный оборот новейшие или ранее не публиковавшиеся материалы по кожевенному ремеслу и скотоводству средневековых Новогрудка и Выборга. Антропологический состав позднесредневекового населения Терского берега Белого моря рассмотрен в статье И. Г. Широкова и М. М. Шахновича.

В разделе «Хроника» приводится информация о расширенных заседаниях Отдела палеолита, посвященных юбилеям В. П. Любина и С. Н. Астахова.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The 8th issue 6 of the «Transactions of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences» contains papers reflecting the newest developments in research ideas and empirical inquiries in various fields of archaeology and ancient history. The papers by V. E. Shchelinsky, A. A. Zeinalov, V. V. Pitulko with coauthors, E. Yu. Giryra with coauthors, and G. V. Grigorieva are devoted to the materials of the Paleolithic period and some new approaches to their study. M. B. Rysin's and M. T. Kashuba's works provide a systematic analysis of some important categories of the Bronze and Early Iron Age artifacts, respectively, considering them against a wide cultural and historical background. V. A. Alekshin scrutinizes the stratigraphy of the Late Bronze Age layers of Namazga-depe. D. Abdulloev in his paper uses archaeological, ethnographic and written records to trace the structural changes the Central Asian buildings underwent during the Middle Ages. A. N. Egor'kov's work summarizes the results of his long-term studies of the role played by lead-tin alloys in the production of jewelry by the early Slavs. A. V. Kurbatov describes hitherto unpublished leather objects from medieval Novogradok, while A. K. Kasparov introduces new materials on stock-breeding in Old Vyborg. I. G. Shirobokov and M. M. Shakhnovich analyze the anthropological composition of the Late Medieval population of the Tersk coast of the White Sea.

The section of «Chronicles» contains information about the extended sessions of the Paleolithic Department, dedicated to V. P. Liubin's and S. N. Astakhov's jubilees.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

© Институт истории материальной культуры РАН, 2013

© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2013

ISBN 978-5-86007-714-0

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>В. Е. Шелинский.</i> Пики раннепалеолитической стоянки Родники 1 на Таманском полуострове	7
<i>А. А. Зейналов.</i> Палеолитическая пещерная стоянка Газма в Азербайджане	26
<i>В. В. Питулько, А. Э. Басилян, Е. Ю. Павлова.</i> Массовые скопления костных остатков мамонтов с признаками деятельности древнего человека (р. Илин-Сыалах, север Яно-Индибирской низменности)	34
<i>Е. Ю. Гиря, Х. Кимура, И. И. Разгильдеева.</i> О разнообразии морфологических значений изделий с резцовыми сколами. Резцы стоянок Хороказава пункт Тома, Студеное-2 и Костенки	53
<i>Г. В. Григорьева.</i> Охотничьи костяные орудия верхнепалеолитических памятников Подесенья	81
<i>М. Б. Рысин.</i> Зооморфные фигурки из поселения строителей дольменов Старчики	87
<i>В. А. Алёшкин.</i> Степная керамика эпохи бронзы в стратиграфическом контексте «Вышки» поселения Намазга-депе и проблема датирования периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага	107
<i>М. Т. Кашуба.</i> Переносные деревянные конструкции в предскифских захоронениях Северного Причерноморья	130
<i>Д. Абдуллоев.</i> Двор в структуре жилища Средней Азии периода раннего и развитого средневековья (VII–XIX вв.)	147
<i>А. Н. Егорьков.</i> Свойства и роль свинцово-оловянных сплавов в производстве ювелирных изделий ранними славянами Восточной Европы	160
<i>А. В. Курбатов.</i> Кожаные предметы из Новогрудка (по материалам раскопок 1985 г.)	168
<i>А. К. Каспаров.</i> Костные остатки животных из Старого Выборга	176
<i>И. Г. Ширококов, М. М. Шахнович.</i> Антропологический состав позднесредневекового населения Терского берега Белого моря (по материалам раскопок некрополя Свято-Никольской церкви с. Варзуга)	193

ХРОНИКА

<i>С. А. Васильев.</i> Расширенное заседание Ученого совета и Отдела палеолита ИИМК РАН, посвященное юбилею В. П. Любина	203
<i>С. А. Васильев.</i> Юбилей Сергея Никитича Астахова	205

IN MEMORIA

Памяти Александра Ефимовича Матюхина (16.08.1940–11.05.2013)	207
Список сокращений	210
Правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН»	212

CONTENTS

RESEARCH PAPERS

<i>V. E. Shchelinsky</i> . Picks from the Early Paleolithic site of Rodniki 1 in the Taman' Peninsula	7
<i>A. A. Zeynalov</i> . Paleolithic cave site Gazma in Azerbaijan	26
<i>V. V. Pitulko, A. E. Basilyan, E. Y. Pavlova</i> . Mass accumulations of mammoth remains with traces of past human activity (Ilin-Syalakh river, north of the Yana-Indighirka lowland)	34
<i>E. Yu. Girya, Kimura Hideaki, I. I. Razgildeeva</i> . Diversity of morphological traits of pieces with burin facets. Burins from the sites of Horokozawa (Toma locality), Studenoye 2 and Kostenki	53
<i>G. V. Grigorieva</i> . Bone tools for hunting from the Late Paleolithic sites of the Desna basin	81
<i>M. B. Rysin</i> . Zoomorphic figurines from the dolmen-builders' site of Starchiki	87
<i>V. A. Alekshin</i> . Steppe pottery of the Bronze Age in the stratigraphic context of "Vyshka" at Namazga-depe, and the problem of dating the Namazga VI period in the Kopet Dag piedmont belt	107
<i>M. T. Kashuba</i> . Portable wooden constructions in the Pre-Scythian burials of the North Black Sea region	130
<i>D. Abdulloev</i> . Court in the structure of the Early and Late Medieval dwellings of Central Asia (VII–XIX cc.)	147
<i>A. N. Egor'kov</i> . Properties and role of lead-tin alloys in the production of jewelry by the early Slavs of East Europe	160
<i>A. V. Kurbatov</i> . Leather objects from Novogradok (excavations of 1985)	168
<i>A. K. Kasparov</i> . Faunal remains from Old Vyborg	176
<i>I. G. Shirobokov, M. M. Shakhnovich</i> . Anthropological composition of the Late Medieval population of the Tersk coast, the White Sea (with particular reference to the materials from necropolis of the Saint Nicolas' Church at the village of Varzuga)	193

CHRONICLE

<i>S. A. Vasiliev</i> . Extended session of the Academic Board and Department of Paleolithic Archaeology of IHMC RAS, dedicated to V. P. Liubin's jubilee	203
<i>S. A. Vasiliev</i> . Jubilee of Sergei Nikitich Astakhov	205

IN MEMORIA

In memory of Alexander Efimovich Matyukhin (16.08.1940–11.05.2013)	207
List of abbreviations	210
Instructions to contributors	212

СТАТЬИ

ПИКИ РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ РОДНИКИ 1 НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ¹

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

Исследование древнейших раннепалеолитических стоянок эоплейстоценового возраста, открытых в последние годы на Таманском п-ове в Южном Приазовье, показывает, что каменные индустрии этих стоянок содержат разнообразные, в том числе довольно сложные в технико-типологическом отношении формы орудий. При этом некоторые из них не вполне могут быть описаны по эталонным образцам, известным из других археологических комплексов.

К таким орудиям относятся, в частности, так называемые пики, именуемые в англоязычной литературе «picks» и «pick-like tools». Эти орудия обычно немногочисленны в коллекциях. Однако, будучи довольно сложными по структуре и, вполне вероятно, специализированными орудиями, они имеют особо важное значение для выявления хронологических и культурных различий археологических комплексов раннего палеолита.

Пики до недавнего времени рассматривались исключительно в контексте двусторонне обработанных орудий и с учетом свойственных им таких признаков, как острый дистальный конец, образованный сходящимися боковыми краями, массивная пятка и резко выраженное трехгранное поперечное сечение, противопоставлялись ручным рубилам, хотя и не вычленились из группы бифасов (Bordes 1961). Эти классические пики-трехгранники (рис. 1, *Л*), наряду с ручными рубилами и кливерами, считаются типичными орудийными формами ашеля Европы и Юго-Западной Азии.

Две другие разновидности пиков, пополнившие список этих форм орудий, были описаны М. Лики в материалах Олдувайского ущелья в Танзании в слоях с ручными рубилами стоянок EF-HR и ВК.

Пики одной из разновидностей — продолговатые пики (oblong picks) «как правило, трехгранные, с более или менее плоской нижней стороной и пирамидальной верхней. Поперечное сечение, обычно треугольное, но может быть и

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Проект № 1.5 «Олдованские традиции и их развитие в раннем палеолите Южного Приазовья (по материалам стоянок Родники 1 и 4 на Таманском полуострове)».

приблизительно четырехугольным, когда обивка боковых краев не достигает до центра дорсальной стороны. Концы иногда заостренные, но чаще округлые» (Leakey 1971: 5) (рис. 1, 2). Пики другой разновидности — тяжелые пики (*heavy-duty picks*) — характеризуются как «массивные орудия с толстой, широкой пяткой, быстро сужающейся к относительно узкому резко заостренному концу» (Ibid.) (рис. 1, 3).

Пики первой разновидности относятся к раннему ашелю, а второй — к позднему развитому олдовану В (Ibid.: 132, 204, 283, 288). В более древних олдованских индустриях этого ущелья пики не были зафиксированы. Выявлены лишь протобифасы (*proto-bifaces*), которые можно трактовать по-разному. Примечательно, что обе разновидности пиков рассматриваются М. Лики в группе бифасов.

Нетрудно заметить, что первая разновидность пиков мало чем отличается от классических трехгранников. Вместе с тем к этой же разновидности отнесены и изделия с подчетырехугольным поперечным сечением. Налицо выделение нового диагностического признака, характеризующего пики. Вторая разновидность пиков, описанная М. Лики, отличается от первой прежде всего выраженным противопоставлением особенно массивной пятки и резко заостренного толстого дистального конца.

Вообще говоря, на пики и пиковидные орудия впервые обратили внимание исследователи палеолита Африки. Несколько позже эти орудия были выявлены и описаны в раннем палеолите Юго-Западной Азии. Однако дефиниции их были и остаются различными, что затрудняет сравнительный анализ материалов.

Это хорошо показал В. П. Любин, исследовавший палеолит западноафриканской республики Кот-д'Ивуар, и на конкретном материале столкнувшийся с необходимостью более точного определения этих орудий. Используя наработки предшественников, он предложил свой вариант определения понятия «пик» и на этом основании классифицировал такого рода орудия из изучавшихся им африканских позднеашельских (сангоанских) коллекций.

К категории пиков В. П. Любин относит «тяжеловесные орудия с массивными корпусами (толщина поперечного сечения часто мало уступает ширине), на которых отсутствуют продольные лезвия; единственными рабочими элементами на них являются специально оформленные мощные дистальные концы (острые, узколезвийные, скребковидные). Круто оббитые ребра, наблюдаемые на корпусах, лишены приострения и следов работы. Они возникли при грубом оконтуривании этих корпусов. Центр тяжести последних находится в их базальных, удобных для захвата частях». При этом, как полагает исследователь, различаются две разновидности пиков: короткие грубокonusовидные и овальные орудия с подчетырехугольным, полигональным или несколько уплощенным подпрямоугольным поперечным сечением и плоско-выпуклые орудия с подтреугольным или куполообразным поперечным сечением». Сходные орудия, но имеющие боковые лезвия, исследователь относит к переходным формам от пиков к ручным рубилам (Любин, Геде 2000: 32–34; Любин, Беляева 2004: 26–27).

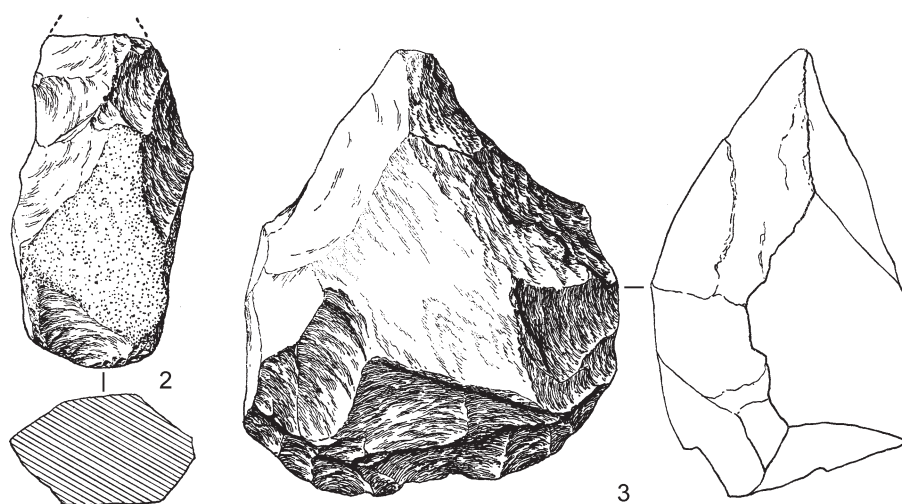
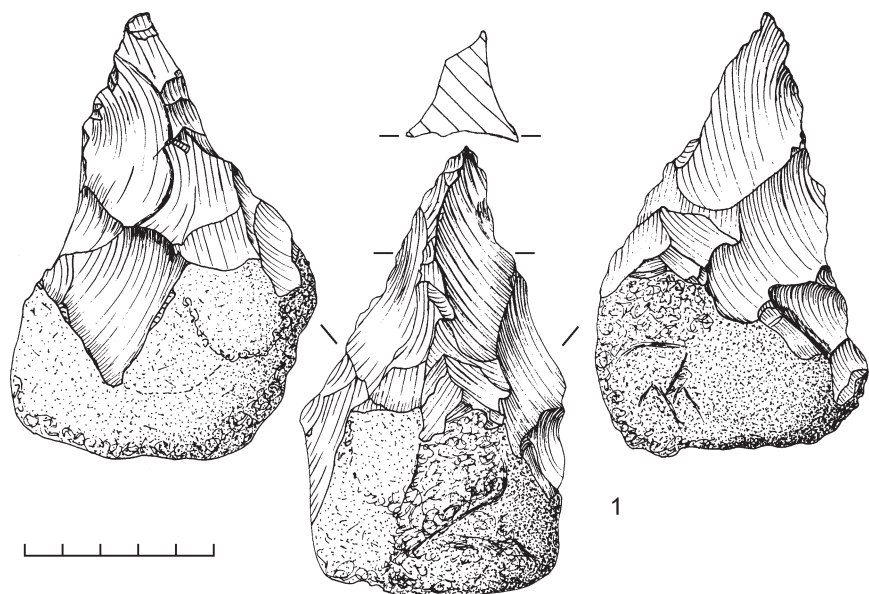

Рис. 1. Образцы пиков: 1 — классический пик-трехгранник из ашельской стоянки Убейдия в Израиле (по Stekelis 1966); 2 — продолговатый пик; 3 — тяжелый пик. 2 и 3 — из стоянок развитого олдована в Олдувайском ущелье в Танзании (по Leakey 1971)

Иное определение пиков, основанное на анализе материалов раннепалеолитических стоянок Центрального Дагестана, дает Х. А. Амирханов. По его наблюдениям, пики отличаются от других орудий следующим стандартным набором признаков: «а) массивная заготовка с максимальным утолщением в нижней — пяточной части; б) наибольшая толщина изделия составляет $\frac{2}{3}$ и более максимальной ширины; в) трехгранное поперечное сечение близко к равнобедренному треугольнику с более широкой нижней плоскостью; г) пересечение плоскостей, образованных полной или частичной обработкой краев заготовки, образует на спинке орудия более или менее симметричную срединную продольную грань, распространяющуюся не менее чем на одну треть длины заготовки; д) нижняя плоскость орудия всегда уплощенная или естественным образом, или искусственно; е) пятка тяжелая, массивная и, как правило, необработанная; ж) конец образован равномерно сходящимися краями, обработанными оббивкой, и более или менее заострен» (Амирханов 2012: 12).

Перечисленные признаки во многом совпадают с признаками классических пиков-трехгранников, но в данном случае они фиксируются на более архаичных образцах такого рода орудий.

Таким образом, в определении пиков пока не удастся выработать единого согласованного мнения. В немалой степени это связано с тем, что эти орудия весьма разнообразны и их технико-типологические особенности могут иметь не только хронологический, но и региональный характер. Не вызывают разногласий у исследователей лишь некоторые общие признаки, присущие этим орудиям и отличающие их, в частности, от ручных рубил (объемность, наличие узкого прочного дистального конца и пятки, трех- четырехгранное или полигональное поперечное сечение).

Тем не менее, как мне кажется, накопленные материалы все же позволяют в какой-то мере систематизировать эти варьирующие по форме орудия и предварительно разделить их, независимо от возраста и территориальной принадлежности, по крайней мере на две большие технико-типологические группы:

К первой группе могут быть отнесены пики с хорошо выраженной массивной пяткой (в той или иной степени обработанной или целиком естественной), выделяющейся крупным размером по сравнению с узким дистальным концом, резко или плавно смыкающейся с более или менее выраженными боковыми лезвиями, образующими при схождении узкий дистальный конец в виде острия или короткого лезвия. Поперечное сечение орудий треугольное, подчетырехугольное, ромбическое или полигональное. Пики, описанные В. П. Любиным (Любин, Геде 2000; Любин, Беляева 2004) и Х. А. Амирхановым (2012), очевидно, можно отнести именно к этой группе.

Ко второй группе целесообразно относить пики, не имеющие четко выраженной пятки. Проксимальный конец их специально не выделен, хотя нередко частично приспособлен обработкой для захвата рукой. Максимальная толщина и ширина у этих орудий приходится не на пятку, а на среднюю часть их корпуса. Пятка плавно смыкается с обработанными лезвиями, образующими при схождении узкий дистальный конец в виде острия или короткого лезвия.

Орудия часто продолговатые. Поперечное сечение их подтреугольное, подчетыреугольное, подтрапециевидное, подсегментовидное.

Пики в обеих группах могут иметь двустороннюю, частично двустороннюю и одностороннюю обработку. Поэтому, на мой взгляд, нет смысла рассматривать их в одном контексте с бифасами. Вполне понятно, что в конкретных комплексах внутри этих больших групп пиков (если они представлены) могут быть выделены специфические формы или типы этих орудий. При этом важными различительными признаками являются размеры, общая форма, тип исходной заготовки, форма рабочего конца, характер обработки лезвий и пятки орудий.

Пики из раннепалеолитической стоянки Родники представляют особый интерес. Это связано, в первую очередь, с весьма ранним возрастом этой стоянки. Она датируется эоплейстоценом (ранним плейстоценом). Пики, происходящие из стоянок такого возраста, являются довольно большой редкостью и недостаточно изучены.

Стоянка Родники в физико-географическом отношении находится непосредственно на границе Западной Азии и Юго-Восточной Европы. Она располагается в Западном Предкавказье, на северном (азовском) берегу Таманского п-ова, в 25 км к западу от г. Темрюка, в 500 м к северу от пос. «За Родину» и в 400 м к востоку от устья Синей балки. Поблизости от нее находится известное раннепалеолитическое местонахождение Богатыри/Синяя Балка, являющееся также стратотипом таманского фаунистического комплекса эоплейстоцена.

Стоянка занимает обширную площадь и имеет четыре обособленных участка (Родники 1–4), рассматриваемые как самостоятельные местонахождения. В настоящее время лучше изучен восточный участок (Родники 1), на котором производились раскопки и систематически собирался и документировался археологический материал, происходящий из обнажений интенсивно разрушающегося под воздействием морской абразии культуросодержащего слоя стоянки. На этом участке культуросодержащий слой располагается в четких геологических условиях и, несомненно, залегает *in situ*. Это позволяет достаточно надежно определить возраст и функциональный тип памятника.

Стоянка связана с ненарушенной многометровой толщей эоплейстоценовых отложений, сложенной прибрежно-морскими песками и субаэральными суглинками. Культуросодержащий слой приурочен к базальному слою этой толщи, представленному переслаивающимся галечником с примесью слабоокатанного щебня и глыб различных осадочных пород (Щелинский, Кулаков 2007). Слой залегает на темно-серых глинах, имеющих, судя по обилию в них неокатанного грубообломочного материала, грязевулканическое происхождение. Слоистость культуросодержащего слоя, наличие в нем галек, многочисленных глиняных окатышей, линз песка и алеврита, а также раковин морских моллюсков указывает на то, что формирование его происходило в пляжной зоне берега моря. При этом образование этого слоя предшествовало накоплению перекрывающей его мощной толщи прибрежно-морских песков, коррелируемых с эоплейстоценовой апшеронской трансгрессией Понто-Каспийского бассейна (Shchelinsky et al. 2010). Уже этот факт определенно указывает на то, что

возраст стоянки составляет не менее 1 млн лет. Многочисленная фауна мелких млекопитающих, представленная в культуросодержащем слое, позволила уточнить и конкретизировать возраст стоянки. Эта фауна включает *Allophaiomys cf. pliocaenicus*, *Lagurodon arankae*, *Mimomys cf. savini*, *M. cf. pusillus*, *Mimomys sp.*, *Borsodia sp.*, *Ellobius sp.* и *Allocricetus cf. ehiki*. Данные таксоны характерны для таманского фаунистического комплекса. При этом, учитывая эволюционный уровень выявленного *Allophaiomys*, возраст стоянки может быть уверенно определен в интервале 1,6–1,2 млн л. н. (Shchelinsky, Dodonov et al. 2010; Титов и др. 2012). Костные остатки крупных млекопитающих в культуросодержащем слое стоянки единичны и представлены обломками. Некоторые из них принадлежат слону, другие неопределимы.

Каменные изделия в слое распределяются в основном в рассеянном виде поодиночке или по 2–3 предмета. Однако прослежены и небольшие концентрации изделий, в которых крупные предметы встречены совместно с мелкими отщепами.

Как было отмечено, культуросодержащий слой стоянки представляет собой субкавальные отложения, сформировавшиеся в пляжной зоне морского берега. И, казалось бы, залегающие в них каменные изделия должны были быть окатанными. Однако, как ни странно, окатанных изделий в коллекции оказалось совсем немного. В большинстве своем найденные в слое изделия неокатанные и сохранили острые края, хотя подверглись процессам химического выщелачивания. Это свидетельствует о том, что перемещение изделий прибойными потоками было незначительным. В связи с этим представляется вполне вероятным, что основная причина разбросанности и относительной малочисленности культурных остатков в слое связана не с природными факторами, а с кратковременным характером деятельности людей на стоянке. Есть все основания предполагать, что стоянка располагалась непосредственно на пляже мелководного опресненного бассейна, каковым могла быть морская лагуна. На сильно опресненный характер бассейна указывают обломки раковин дрейссен, встречающиеся в слое вместе с культурными остатками. Пляжная зона берега моря, надо полагать, обеспечивала безопасность ранним гоминидам от хищников, обитавших на прибрежной равнине, и вместе с тем она могла быть для них и местом получения дополнительной пищи в виде трупов морских животных и рыбы, выбрасываемых на берег во время шторма. Это хорошо видно по современному пляжу Азовского моря. После шторма, особенно во время мора, морской пляж бывает усеян дохлой рыбой, здесь же нередко можно встретить и трупы дельфинов.

Коллекция каменных изделий стоянки достаточно представительна как в количественном отношении, так и в плане состава технико-типологических категорий. В настоящее время она состоит из 701 предмета. Состав изделий свидетельствуют, что на стоянке осуществлялся полный цикл изготовления орудий — от первичного расщепления камня до оформления орудий вторичной обработкой. При этом исходным сырьем служил местный прочный окварцованный доломит, имевший по большей части форму плитчатых отдельнос-

тей и их обломков разных размеров. Коренные выходы этих доломитов на Таманском п-ове отсутствуют. Люди собирали это сырье в обнажениях грязевулканических отложений, содержащих его в большом количестве, и на древних пляжах водоемов поблизости от стоянки.

Каменная индустрия стоянки относится к олдовану, может быть, точнее, к раннему развитому олдовану (развитому олдовану А) в понимании М. Лики, впервые выделившей его на раннеплейстоценовых материалах Олдувайского ущелья в Танзании (Восточная Африка). Олдован, по ее наблюдениям, если брать только орудия и не учитывать отщепы и обломки, характеризуется, прежде всего, наличием в комплексах большого количества крупных (> 5 см) орудий (чопперов разных форм, многогранников, дискоидов, сфероидов и субсфероидов, массивных скребел) при небольшом числе мелких (< 5 см) орудий и единичности протобифасов. В индустриях же развитого олдована состав орудий заметно меняется, в них гораздо меньше таких крупных орудий, как чопперы, увеличивается количество мелких орудий, в том числе из отщепов, появляются крупные отщепы, использовавшиеся в качестве орудий, увеличивается также пропорция протобифасов, хотя ручные рубила все еще отсутствуют (Leakey 1971; 1975).

Примерно такая же картина наблюдается и в каменной индустрии стоянки Родники 1.

Технология первичного расщепления камня в ней архаичная. Расщеплялись неподготовленные нуклеусы, из-за чего практически все представленные отщепы имеют необработанную ударную площадку с корочным покрытием. Однако, несмотря на неразвитость приемов расщепления нуклеусов, изготавливались не только мелкие, но и сравнительно крупные отщепы. Применялись они и как готовые орудия, и в качестве заготовок для орудий некоторых категорий, оформляемых с помощью вторичной обработки. Важным отличительным признаком технологии первичной обработки камня в индустрии стоянки является широкое использование, наряду с изготовлением отщепов, простого раскалывания плитчатых отдельностей исходного сырья с целью намеренного получения заготовок для орудий в виде обломков определенных форм и размеров. Из таких заготовок-обломков на стоянке изготовлена весьма значительная часть орудий.

Орудия многочисленны и разнообразны в технико-типологическом отношении. Их 366 экз. или 52,2 % от всех изделий коллекции. Изготовлены они как из обломков плитчатых отдельностей сырья, так и из отщепов. Хорошо представлены чопперы разных типов. Однако пропорция этих орудий среди других типологически выраженных крупных орудий довольно невелика. Многогранники и тем более сфероиды единичны и невыразительны. Наиболее многочисленной категорией орудий являются разнотипные крупные и мелкие скребла, в составе которых много хорошо оформленных изделий. Выделяются орудия и других категорий такие как пики, нуклевидные скребки, острия, клювовидные орудия, зубчатые орудия, выемчатые орудия, скребки, проколки, аморфные бифасы, кливеровидные орудия и др. Однако эти орудия, нередко

имеющие законченную форму, малочисленны или единичны. Ручные рубила в индустрии отсутствуют, хотя техника частичной двусторонней обработки прослеживается на некоторых категориях орудий. В целом каменная индустрия стоянки Родники 1 имеет ряд несомненных специфических технико-типологических особенностей, что позволяет видеть в ней особый таманский вариант олдована (развитого олдована) (Щелинский 2010).

Перейду теперь к характеристике пиков, представленных в индустрии стоянки. Их 12 экз. (3,3 %). Они вариативны, и проследить в них серийность довольно трудно. Однако вполне четко различаются орудия двух модификаций: орудия с выраженной пяткой и орудия, не имеющие четко выраженной пятки. Тех и других по 6 экз. Опишу их подробнее.

Пики с выраженной пяткой

1. Пик крупный (14,7 × 7,2 × 6,9 см), овально-удлиненной формы, частично двусторонне обработанный, с узким долотовидным рабочим концом и подчетыреугольным поперечным сечением (рис. 2, 2). Орудие изготовлено из естественного обломка плитчатой отдельности доломита. Пятка угловато выпуклая, образована крутой плоскостью от откалывания края заготовки и дополнительно не обработана. Боковые лезвия протягиваются почти по всей длине орудия. Они угловатые, вогнуто-выпуклые, оббиты крупными и мелкими сколами. Одно лезвие вблизи рабочего конца тщательно выровнено мелкими сколами. Верхняя сторона частично оббита разнонаправленными сколами. Узкий долотовидный рабочий конец оформлен обработкой сходящихся боковых лезвий, снятием поперечного утончающего скола на верхней стороне и оббивкой плоскими сколами с нижней стороны орудия. Кромка рабочего конца слегка выкрошена от использования орудия в работе.

2. Пик крупный (12,8 × 10,2 × 5,3 см), подромбовидной формы, с узким заостренным рабочим концом и подчетыреугольным поперечным сечением (рис. 2, 1). Орудие изготовлено из искусственного обломка плитчатой отдельности доломита. Пятка угловато выпуклая и в основном представляет собой вертикальную плоскость раскалывания исходной заготовки. Верхний ее край притуплен мелкими сколами для удобства захвата рукой. Боковые лезвия занимают только верхнюю половину орудия. Они прямые и сформированы противоположащей оббивкой, ударами с верхней и нижней сторон орудия. Узкий приостренный рабочий конец оформлен обработкой сходящихся боковых лезвий и дополнительными поперечными и продольными сколами с верхней стороны. Кромка рабочего конца смята, очевидно, от использования орудия в работе.

3. Пик крупный (11 × 7,5 × 7 см), сердцевидной формы, частично двусторонне обработанный, с узким скребковидным рабочим концом и ромбовидным поперечным сечением (рис. 3, 2). Орудие изготовлено из крупного доломитового отщепа. Пятка угловато выпуклая и представляет собой две смежные широкие плоскости — ударную площадку отщепа, покрытую коркой, и плоскость раскалывания первичной отдельности доломита. При этом она имеет

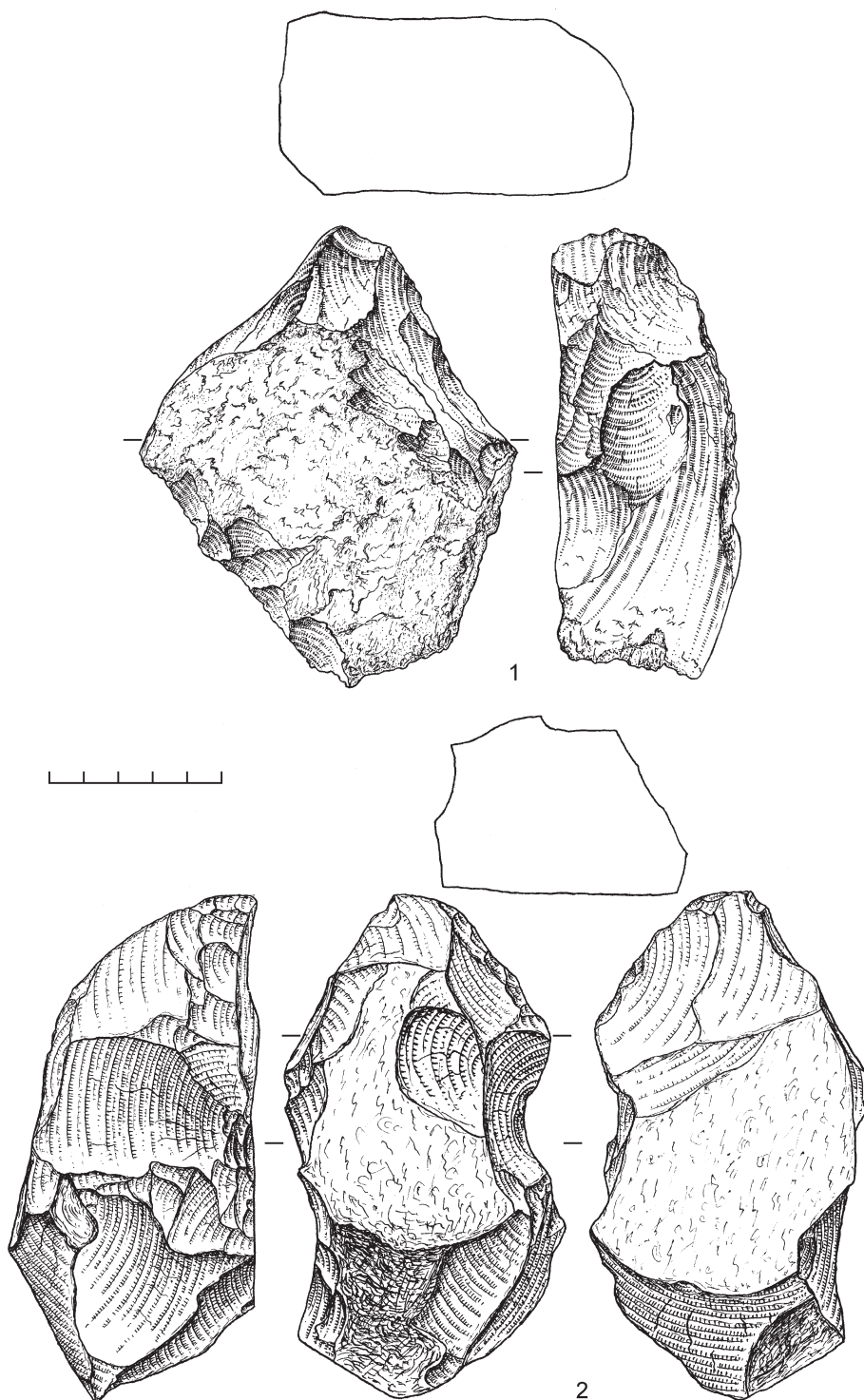

Рис. 2. Пики, раннепалеолитическая стоянка Родники 1

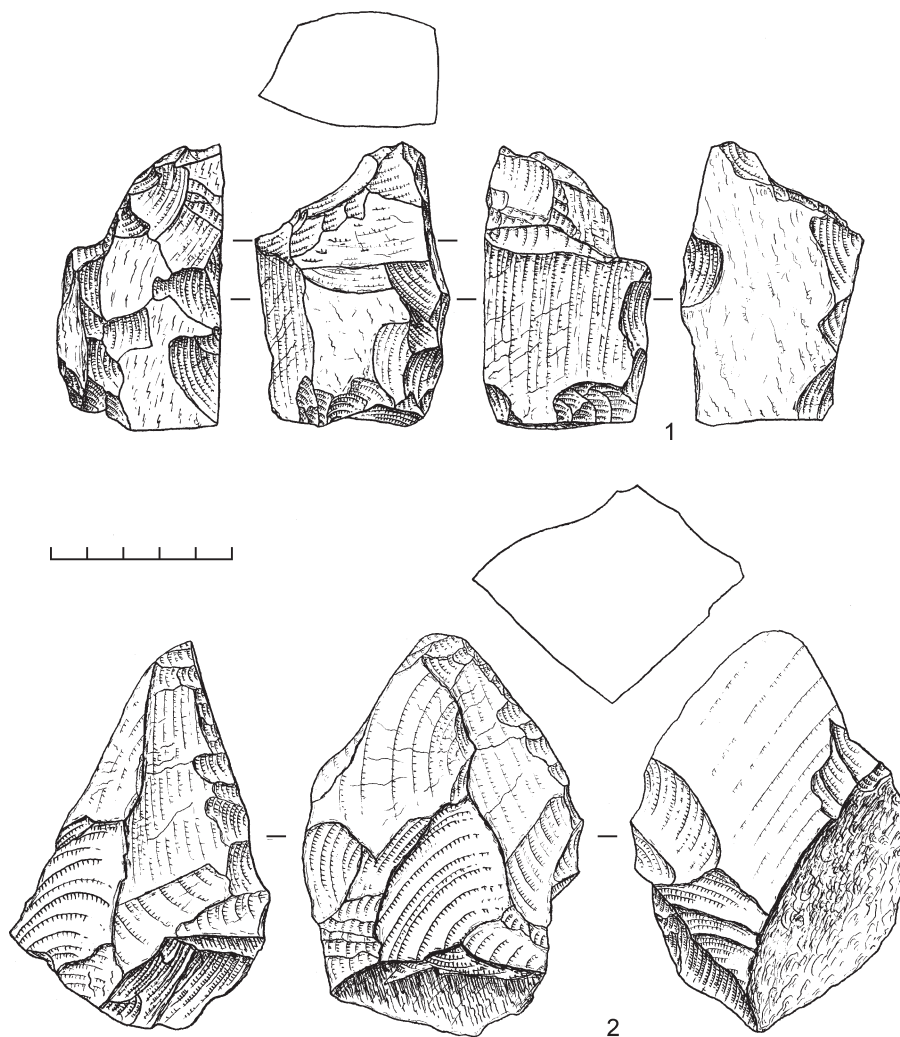

Рис. 3. Пики, раннепалеолитическая стоянка Родники I

частичную двустороннюю обработку разнонаправленными сколами. Боковые лезвия укороченные. Одно из них является скошенной гранью поверхности отщепа, оно почти прямое и не имеет дополнительной обработки. Другое более длинное лезвие — слабо выпуклое и обработано сколами и ретушью. Узкий скребковидный рабочий конец тщательно сформирован ретушью с продолговатыми фасетками. На рабочем конце и лезвиях нет грубого износа, что может косвенным образом указывать на использование орудия в качестве ножа для животных материалов.

4. Пик среднего размера ($7,5 \times 4,9 \times 4,4$ см), подтреугольной формы, слегка удлинённый, частично двусторонне обработанный, с узким долотовидным рабочим концом и подчетырёхугольным поперечным сечением (рис. 3, 1). Ору-

дие изготовлено из искусственного обломка плитчатой отдельности доломита. Пятка — вертикальная плоскость раскалывания исходной плитчатой отдельности, дополнительно обработанная по краям мелкими сколами для удобства захвата рукой. Верхняя, выпуклая сторона оббита разнонаправленными сколами и на ней сформировано продольное ребро (гребень), смещенное к боковому лезвию. Сколы оформления ребра ориентированы в направлении боковых лезвий. Оба боковых лезвия обработаны сколами и разрозненными фасетками ретуши в основном с верхней стороны и частично подправлены с противоположной стороны. Одно лезвие короткое и скошенное по отношению к продольной оси орудия, оно слегка вогнутое. Другое лезвие почти прямое и протягивается по всей длине орудия. Узкий долотовидный рабочий конец орудия выделен сколами и единичными фасетками ретуши главным образом с верхней стороны. Кромка рабочего конца не забита и хорошо сохранилась.

5. Пик среднего размера ($7,8 \times 4,6 \times 3,4$ см), овально-удлиненной формы, частично двусторонне обработанный, с узким заостренным рабочим концом и сегментовидным поперечным сечением (рис. 4, 2). Орудие изготовлено из искусственного обломка плитчатой отдельности доломита. Пятка — неровная вертикальная плоскость раскалывания исходной отдельности сырья, дополнительно оббитая по краям с обеих сторон разнонаправленными сколами для удобства захвата рукой. Боковые лезвия протягиваются по всей длине орудия, они извилистые, грубо обработаны сколами и разреженными фасетками ретуши. Одно из них слабо выпуклое, другое — немного вогнутое. Заостренный рабочий конец сформирован сколами и ретушью преимущественно с нижней стороны. Выраженного износа на нем не наблюдается.

6. Пик среднего размера ($9,7 \times 4,8 \times 4,4$ см), подтреугольной формы, удлиненный, с клиновидным рабочим концом и подчетыреугольным поперечным сечением (рис. 4, 1). Орудие изготовлено из искусственного обломка плитчатой отдельности доломита. Пятка орудия — вертикальная плоскость одной из поверхностей плитчатой отдельности доломита, покрытая выветрелой коркой, дополнительно обработанная довольно интенсивной оббивкой краев для удобства захвата рукой. Боковые края на этом орудии не имеют лезвий и представляют собой вертикальные плоскости раскалывания исходной плитчатой отдельности сырья. Клиновидный рабочий конец тщательно обработан крупной ретушью по одному краю. Кромка рабочего лезвия не имеет следов забитости и хорошо сохранилась.

Как видим, пики в рассмотренной группе довольно разные. Интересно распределение их по некоторым основным признакам. В одинаковых пропорциях представлены крупные (> 10 см) орудия и орудия среднего размера (5–10 см). 2 орудия имеют подтреугольную удлиненную форму, 2 — овально удлиненную, 1 — сердцевидную и 1 — подромбовидную. Из 6 орудий 5 изготовлены из обломков плитчатых отдельностей доломита. Причем в четырех случаях в качестве заготовок были использованы намеренно полученные обломки. Еще одно орудие изготовлено из крупного отщепа. Большинство орудий (4 экз.) имеет частично двустороннюю обработку. Орудий с треугольным поперечным сечением

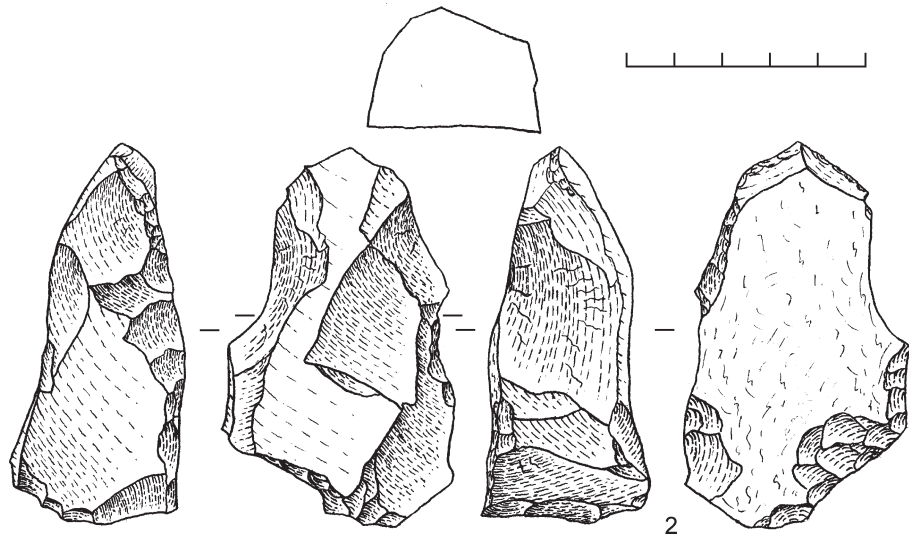
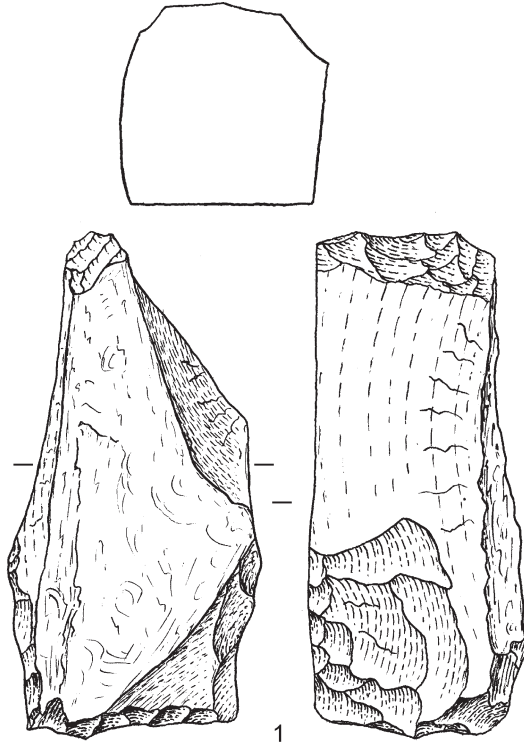

Рис. 4. Пики, раннепалеолитическая стоянка Родники 1

нет. У четырех орудий оно подчетыреугольное, у одного — ромбовидное и еще у одного — сегментовидное. При этом орудия имеют разную форму рабочего конца. Только у двух пиков рабочий конец заостренный. У других пиков он долотовидный (2 орудия), скребковидный (1 орудие) и клиновидный (1 орудие).

Пики, не имеющие четко выраженной пятки

1. Пик крупный ($14,4 \times 8 \times 4$ см), подтреугольной формы, удлинненный, с заостренным рабочим концом и подчетыреугольным поперечным сечением (рис. 5). Орудие изготовлено из искусственного обломка плитчатой отдельности доломита. Проксимальный конец орудия, служивший рукояткой, представляет собой вертикальную плоскость раскалывания плитчатой заготовки и не имеет дополнительной обработки. На верхней стороне выражено слегка обработанное продольное ребро. Боковые лезвия протягиваются по всей длине орудия. Они извилистые, оббиты крупными и мелкими сколами. Интенсивно обработано одно лезвие. Заостренный рабочий конец оформлен обработкой боковых лезвий и продольными сколами с верхней стороны. Кромка его не затуплена.

2. Пик крупный ($12,4 \times 9,1 \times 5,7$ см), бесформенный, с рабочим концом в виде тонкого острия и подтреугольным поперечным сечением (рис. 6, 2). Орудие изготовлено из естественного обломка плитчатой отдельности доломита. Проксимальный конец орудия, служивший рукояткой, представляет собой вер-

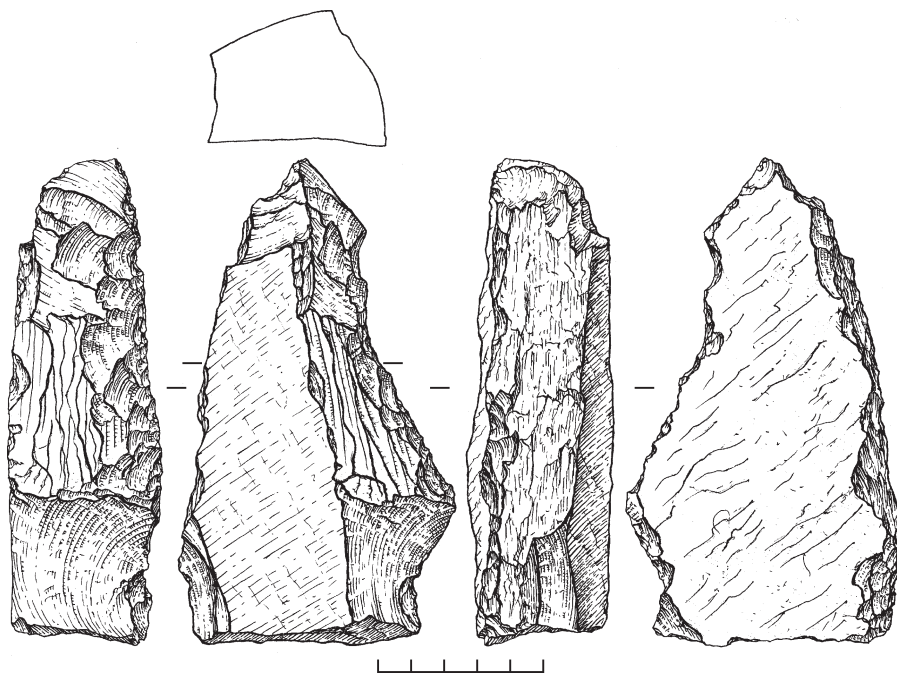

Рис. 5. Пик, раннепалеолитическая стоянка Родники 1

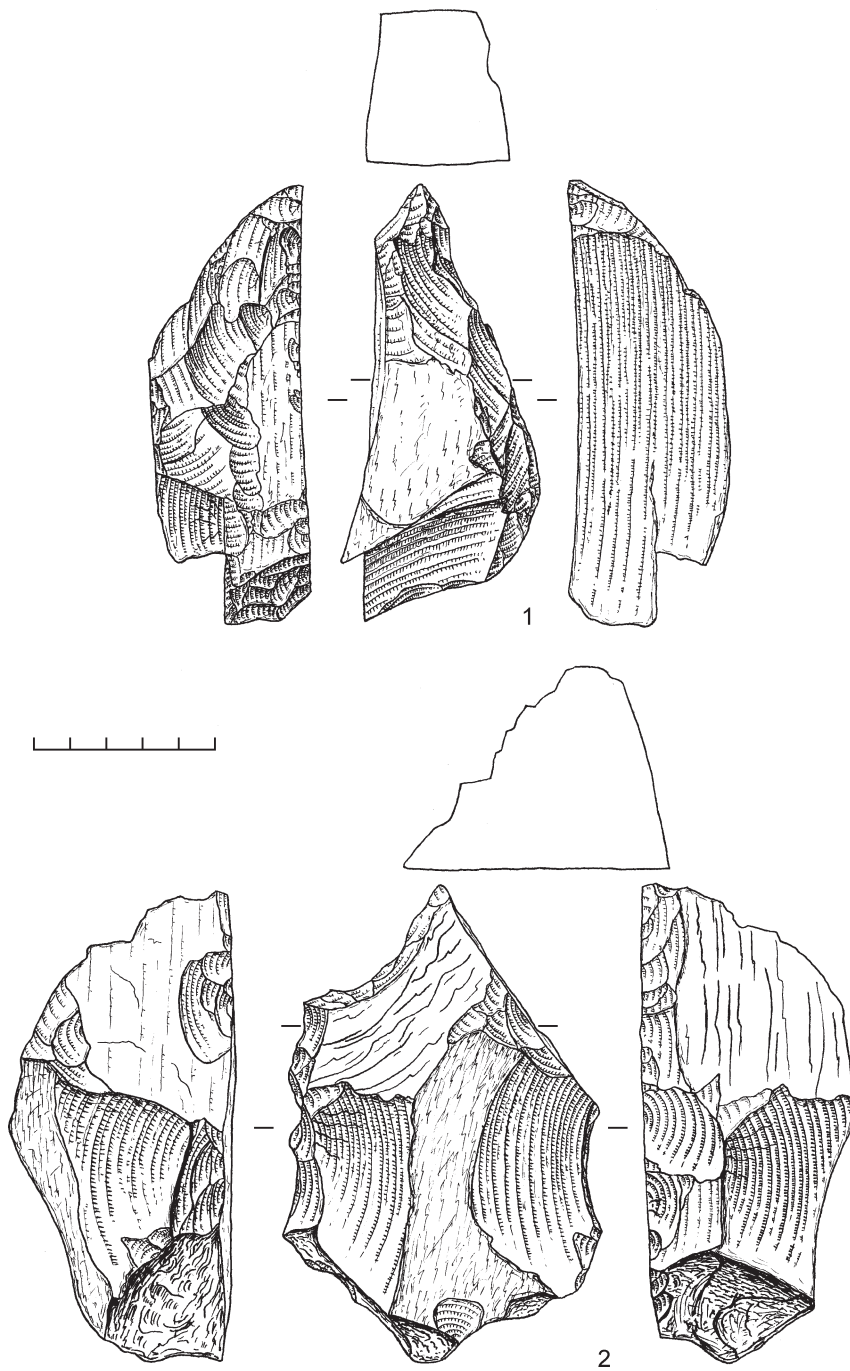

Рис. 6. Пики, раннепалеолитическая стоянка Родники 1

тикальную плоскость откалывания края заготовки и не имеет обработки. На верхней стороне имеется скошенное ребро, частично обработанное сколами. Боковые лезвия угловато выпуклые и оббиты крупными и мелкими сколами. Острый рабочий конец тонкий, колющий, оформлен ретушью и не имеет макроскопических следов от использования.

3. Пик крупный ($12 \times 4,8 \times 4$ см), подтреугольной формы, удлиненный, с рабочим концом в виде тонкого острия и подчетыреугольным поперечным сечением (рис. 6, 1). Орудие изготовлено из искусственного обломка плитчатой отдельности доломита. Проксимальный конец, служивший рукояткой, значительно тоньше срединной части корпуса орудия. Он прямой и интенсивно обработан мелкими вертикальными сколами. Орудие имеет одно боковое лезвие. Оно почти прямое, извилистое, зазубренное и обработано сколами и ретушью. Другой боковой край является вертикальной плоскостью раскалывания плитчатой заготовки. Острый рабочий конец тонкий, колющий и тщательно оформлен продолговатыми сколами и ретушью. Кромка острия отчасти выкрошена и заметно истерта от использования в работе (вероятно, резание животных материалов).

4. Пик особенно крупный ($20 \times 9,5 \times 7$ см), миндалевидной формы, удлиненный, частично двусторонне обработанный, с узким рабочим концом и с подтреугольным поперечным сечением (рис. 7). Орудие изготовлено из искусственного обломка плитчатой отдельности доломита. Проксимальный конец, служивший рукояткой орудия, угловато выпуклый и грубо обработан несколькими разнонаправленными сколами. Орудие имеет одно длинное выпуклое боковое лезвие, тщательно обработанное оббивкой с обеих сторон. Противоположный край представляет собой вертикальную плоскость раскалывания плитчатой отдельности. Верхняя часть узкого рабочего конца, судя по всему, заостренного, была отломана в древности, вероятно, в процессе использования орудия.

5. Пик среднего размера ($9,2 \times 5,7 \times 3,9$ см), неправильно овальной формы, удлиненный, частично двусторонне обработанный, с заостренным рабочим концом и с полигональным поперечным сечением (рис. 8, 1). Орудие изготовлено из искусственного обломка плитчатой отдельности доломита. Проксимальный конец, служивший рукояткой орудия, тонок и представляет собой крутую плоскость раскалывания плитчатой заготовки. Он слегка подработан сколом и ретушью с нижней стороны. Верхняя сторона орудия выпуклая, нижняя — более уплощенная в результате частичной оббивки ее плоскими сколами. Боковые лезвия протягиваются не по всей длине орудия. Одно из них, более длинное, вогнутое и изготовлено сколами. Лезвие на другом боковом крае короткое, естественное и не имеет дополнительной обработки. Большая часть этого края является вертикальной (нависающей) плоскостью негатива крупного краевого скола. Заостренный рабочий конец довольно тонкий и режущий, оформлен сколами с обеих сторон. Кромка его сохраняет режущие свойства.

6. Пик среднего размера ($7,8 \times 5,6 \times 4,5$ см), ромбовидной формы, двусторонне обработанный, с заостренным рабочим концом и с подчетыреугольным поперечным сечением (рис. 8, 2). Орудие изготовлено из искусственного об-

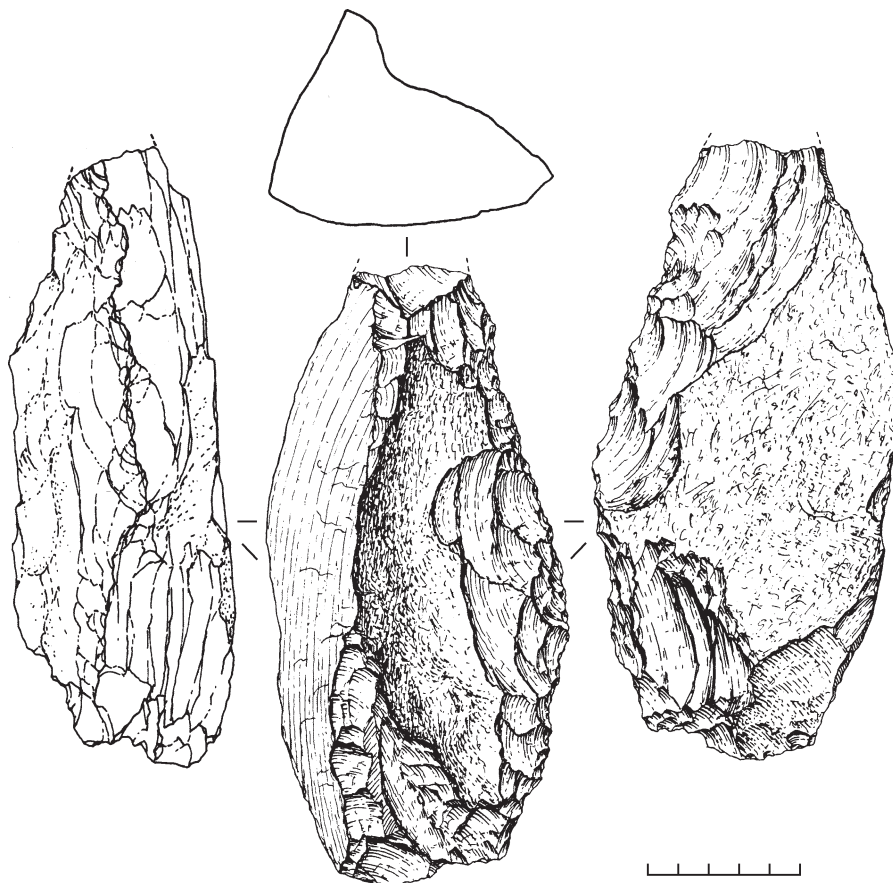

Рис. 7. Пик, раннепалеолитическая стоянка Родники 1

ломка плитчатой отдельности доломита. Проксимальный конец, служивший рукояткой орудия, угловато выпуклый и образован смежными плоскостями раскалывания плитчатой заготовки, дополнительно не обработан. Обе стороны орудия оббиты сколами. На верхней стороне оббивка частичная, на нижней — сплошная, уплощающая. Боковые лезвия короткие, протягиваются от рабочего конца до середины орудия. Заостренный рабочий конец выделен относительно крупными сколами, формирующими заодно примыкающие к нему боковые лезвия. Кромка рабочего конца истерта от использования (вероятная функция — резание животных материалов).

Отчетливо видно, что пики и этой группы так же разнообразны, как и пики с выраженной пяткой. Среди них имеются крупные и среднего размера экземпляры. Форма орудий неустойчивая — подтреугольная удлинённая (2 экз.), миндалевидная удлинённая (1 экз.), овальная (1 экз.), ромбовидная (1 экз.), одно орудие — бесформенное. Три орудия обработаны с одной стороны, три других — двусторонне обработанные (в двух случаях обработка частично дву-

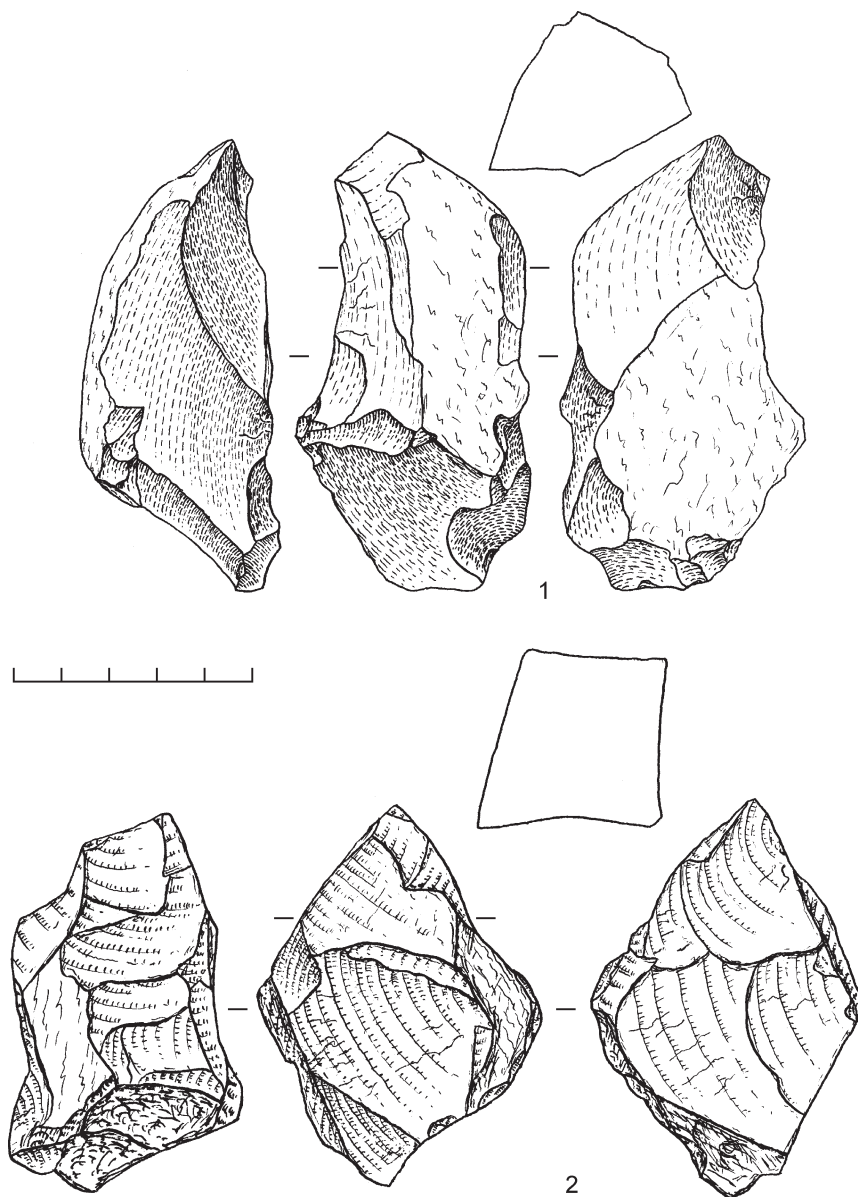

Рис. 8. Пики, раннепалеолитическая стоянка Родники 1

сторонняя). Подтреугольное поперечное сечение имеет только одно орудие. У других орудий оно подчетыреугольное (4 экз.) и полигональное (1 экз.). Однако у этих орудий есть два общих и объединяющих их признака (помимо отсутствия у них выраженной пятки). Все они изготовлены из обломков плитчатых отделностей доломита (5 искусственно полученные, 1 естественный) и имеют заостренный рабочий конец.

Таким образом, можно констатировать, что пики стоянки Родники 1 довольно вариативны в технико-типологическом отношении. Это объясняется, очевидно, в первую очередь недостаточно высоким еще общим уровнем технологии обработки камня на раннем этапе палеолита, к которому относится стоянка. Незрелость технологии проявляется и в том, что орудия изготавливались главным образом из обломков исходного сырья. Специальные крупные отщепы как заготовки для этих орудий использовались очень редко. Этот технологический недостаток отчасти восполнялся применением техники частично двусторонней обработки орудий.

Вместе с тем уверенно можно сделать также вывод, что пики разной формы изготавливали на стоянке и вполне намеренно. При этом, наряду со стилистическими предпочтениями, учитывалось функциональное назначение изготавливаемых орудий. В индустрии стоянки четко различаются две морфологические группы пиков: пики с хорошо выраженной пяткой (изготовление их требовало специального отбора соответствующих заготовок) и пики, у которых рукоятчатая часть практически ничем не выделяется на корпусе орудия. Обращает на себя внимание неоднородность пиков первой группы. Среди них представлены орудия с разной формой рабочего конца, что, несомненно, указывает на некоторые различия орудий в функциональном отношении. Имеются орудия с заостренным, долотовидным, скребковидным и клиновидным рабочими концами. Учитывая наличие у них пятки, можно предполагать, что они использовались главным образом как ударно-пробивающие и раскалывающие орудия. Пики второй морфологической группы могли иметь другое функциональное назначение. Эти орудия все остроконечные, и, очевидно, в основном они выполняли функцию ножей.

Проведенный анализ пиков стоянки Родники 1 ясно показывает, что эти орудия являются органичной составляющей индустрии стоянки. Они представляют собой вполне выработанную категорию орудий, очевидно, игравших важную роль в хозяйственной деятельности обитателей стоянки. Функции этих орудий, на мой взгляд, ничем существенно не отличались от функций ручных рубил ашельских индустриальных комплексов.

Амирханов 2012 — *Амирханов Х. А.* Категория пика в технокомплексах олдована и раннего ашеля // *Российская археология*. 2012. № 2. С. 5–14.

Любин, Геде 2000 — *Любин В. П., Геде Ф. Й.* Палеолит республики Кот-д'Ивуар (Западная Африка). СПб., 2000.

Любин, Беляева 2004 — *Любин В. П., Беляева Е. В.* Стоянка *Homo erectus* в пещере Кударо I: Центральный Кавказ. СПб., 2004.

Титов и др. 2012 — *Титов В. В., Тесаков А. С., Байгушева В. С.* К вопросу об объеме псекупского и таманского фаунистических комплексов (ранний плейстоцен, юг Восточной Европы) // *Палеонтология и стратиграфические границы*. 58-я сессия палеонтологического общества. СПб., 2012. С. 142–144.

Щелинский 2010 — *Щелинский В. Е.* Памятники раннего палеолита Приазовья // *Человек и древности. Памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009)*. М., 2010. С. 57–77.

Щелинский, Кулаков 2007 — *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Новые данные о раннем палеолите на Таманском полуострове (Южное Приазовье) // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 155–165.

Bordes 1961 — *Bordes F.* Typologie du paléolithique ancien et moyen. Bordeaux, 1961.

Leakey 1971 — *Leakey M. D.* Olduvai Gorge. Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Vol. 3. Cambridge, 1971.

Leakey 1975 — *Leakey M. D.* Cultural Patterns in the Olduvai Sequence // Butzer K. W., Issak G. L. (eds.). After the Australopithecines. Stratigraphy, ecology, and culture change in the Middle Pleistocene. Paris, 1975. P. 477–493.

Shchelinsky, Dodonov et al. 2010 — *Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V.* Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov Sea region, Russia): Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki // QI. 2010. Vol. 223–224. P. 28–35.

Shchelinsky et al. 2010 — *Shchelinsky V., Tesakov V., Titov V.* Early Paleolithic sites in the Azov Sea Region: stratigraphic position, stone associations, and new discoveries // Quaternary stratigraphy and paleontology of the Southern Russia: connections between Europe, Africa and Asia: Abstracts of the International INQUA — SEQS Conference (Rostov-on-Don, June 21–26, 2010). Rostov-on-Don, 2010. P. 148–149.

Stekelis 1966 — *Stekelis M.* Archaeological excavations at 'Ubeidiya, 1960–1963. Israel Academy of Sciences and Humanities. Jerusalem, 1966.

PICKS FROM THE EARLY PALEOLITHIC SITE OF RODNIKI 1 IN THE TAMAN' PENINSULA

V. E. Shchelinsky

Picks represent one of the main components in the stone industry of the Early Paleolithic site of Rodniki 1, dated (on the basis of its stratigraphy and faunal remains) to the period between 1,2–1,6 mya. These tools (12 items, or 3,3 percents of all the tools in the collection) are rather variable in both typological and technological respect, which is due, first of all, to insufficiently high level of stone working technology characteristic of the early time the site is dated to. Tools were primarily made of rock fragments, and only very few of them are on intentionally produced large flakes. There are two morphologically distinct groups of picks: those with a well expressed butt or *talon* (their production demanded for the special selection of suitable pre-forms), and those showing no distinguished accommodation part. The first group contains tools with differently shaped working ends (pointed, chisel-like, scraper-like, wedge-shaped), which is indicative of some functional differences. The presence of the *talon* suggests that the tools served mainly for punching and breaking. The picks of the second group have sharpened ends and seem to have been used as knives. In the author's view, the functions of the picks from Rodniki did not differ in any substantial way from the functions of the Acheulean handaxes.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕЩЕРНАЯ СТОЯНКА ГАЗМА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

А. А. ЗЕЙНАЛОВ

История изучения

Открытие в 1953 г. грота Дамджылы положило начало планомерным исследованиям палеолита в Азербайджане. Экспедициями Института археологии и этнографии АН Азербайджана были исследованы западные районы республики, области Малого Кавказа и Талышские горы на юго-востоке. Результатом этих исследований стало открытие более 30 палеолитических памятников, 8 из которых являются стоянками пещерного типа.

На территории нынешней Нахичеванской автономной республики Азербайджана первые целевые поиски следов каменного века были предприняты еще в конце XIX в. Осенью 1879 г. И. С. Поляковым были проведены разведочные работы в Закавказье с целью обнаружения следов древнего человека. В основном поиски были сосредоточены в районе с. Килит Ордубадского р-на. Исследованию подверглись несколько пещер, расположенных недалеко от села, а основные работы проводились в пещере Килит, самой крупной среди них. Однако поиски оказались безуспешными: ни в пещере Килит, ни в других пещерах, исследованных Поляковым на территории Нахичевани, следов каменного века обнаружено не было (Поляков 1882). Следующая попытка найти каменный век в Нахичевани была предпринята лишь спустя более ста лет.

В 1983 г. при проведении в Нахичевани разведочных работ экспедицией Института истории АН Азербайджана под руководством М. М. Гусейнова была открыта мустьерская пещерная стоянка Газма (Гусейнов 1985).

Местоположение памятника

Пещера Газма расположена в Шарурском р-не Нахичеванской автономной республики, в 3 км юго-восточнее с. Тананам и в 11 км северо-восточнее с. Гараблаглар на левом склоне сухой долины в бассейне р. Арпачай, на высоте 1508 м над уровнем моря и 30 м над уровнем р. Арпачай (рис. 1; Гусейнов и др. 1991). Она находится в доломитизированных известняках верхнего триаса и представляет собой пещеру коридорного типа. Высота привходовой части — чуть более 2 м, ширина — около 6 м. В 12 м от капельной линии пещера расходится на два рукава: левый продолжается горизонтально на расстояние около 7 м, правый, длиной около 13 м, ступенчато (высота ступеней 0,5–1,0 м) поднимаясь к кровле пещеры под углом в 60°, завершается тупиком. Разница по высоте конца и начала пещеры достигает 10 м (Эйюбов, Алиев 1973). Пещера имеет северо-западную экспозицию. Вход в нее обращен к ущелью Газма.

Рис. 1. Пещера Газма, общий вид

Рельеф региона определяется наличием здесь Зангезурского и Даралагезского хребтов, склоны которых расчленены многочисленными реками и их притоками на ряд массивов. Исследуемый район расположен в северо-западной части Нахичевани, принадлежащей в основном к области юго-западных отрогов Даралагезского хребта (Азизбеков 1961). Геологические образования состоят из осадочных (морских и континентальных) и интрузивных пород, сильно дислоцированных и часто покрытых постплиоценовыми галечниками, конгломератами и травертинами. Начиная с конца палеогена территория Нахичевани подвергалась интенсивным тектоническим поднятиям и горообразовательным процессам, а в конце миоцена окончательно освободилась от морских вод (Абасов 1970).

Палеогеографические данные

В рамках комплексных исследований в пещере Газма был проведен палинологический и гранулометрический анализ отложений. Палинологическому исследованию подверглись 12 образцов, взятых из поперечного разреза пещеры.¹ Для гранулометрического анализа было отобрано 6 образцов: по одному из III и VI слоев и по два — из IV и V слоев.² Судя по полученным в итоге данным, в районе пещеры были распространены светлые дубовые леса и аридные

¹ Обработка образцов производилась в 1990 г. в Лаборатории эволюционной географии Института географии АН СССР.

² Обработка образцов производилась в 2003 г. в отделе палеогеографии Института географии НАН Азербайджана.

можжевеловые редколесья с ксерофильными травами. Условия проживания для человека были намного благоприятнее современных. Климат был хотя и аридным, но все же намного более влажным, чем сейчас. Вполне возможно, что несколько выше протягивался и лесной пояс. Благодаря палинологическому и гранулометрическому анализу отложений пещеры Газма было установлено, что человек в эпоху мустье на территории Азербайджана проживал не только в лесах, но и в полосе редколесья. Интересен и тот факт, что обитание человека в пещере совпадает с периодом увлажнения климата в регионе. Когда же влажность стала уменьшаться, то люди покинули пещеру (Зейналов и др. 2010).

Стратиграфия отложений

Раскопки в пещере проводились в 1987–1990 и 2008–2010 гг. Было вскрыто более 35 м² площади пещеры на уровне мустьерских слоев (рис. 2). Получен шестиметровый поперечный разрез в привходовой части пещеры и почти трехметровый — в глубине пещеры.

Выявлено шесть литологических слоев общей мощностью около 3 м. Литологических слоев с археологическими материалами выделено четыре — слои I, IV, V и VI. Слой I — позднеголоценовый, содержит фрагменты керамики энеолитического, бронзового и средневекового периодов и немногочисленные кости домашних животных. Слои II и III представляют собой суглинок различных оттенков, содержащий большое количество мелкообломочного материала. Археологических находок нет. Наибольший интерес представляют слои IV–VI, содержащие мустьерские артефакты и следы охотничьей и хозяйственной деятельности, в частности, большое количество костей животных и очаги. В целом вся толща палеолитических культурных слоев (слои IV–VI) представляет собой легкий суглинок, варьирующий по цвету, с очажными и илистыми прослойками и известняковым щебнем.

Обнаружено четыре очага, по два в V и VI слоях. Самый крупный из них выявлен в V слое на стыке квадратов С-6, D-6. Диаметр очага достигал 1,5 м, а толщина пепла — 20 см. Интересен очаг из VI слоя в квадрате С-4. Особенность данного очага в том, что он с трех сторон был обложен плоскими камнями для защиты от ветра. Открытая сторона очага была обращена в пещеру. Площадь его достигала 0,5 м². Мощность очажной прослойки превышала 10 см.

Фауна

В отложениях пещеры Газма найдено более 22 000 костей животных. В основном это остатки крупных млекопитающих, грызунов и птиц, принадлежащих, согласно определениям Д. В. Гаджиева и С. Д. Алиева, 26 видам. Кости крупных млекопитающих наиболее многочисленны, но представлены в основном фрагментами и мелкими обломками диафизов трубчатых костей, что затрудняло определение их видовой принадлежности. Во всех трех мустьерских слоях обнаружены кости плейстоценового осла, джейрана, оленя и козла, ко-

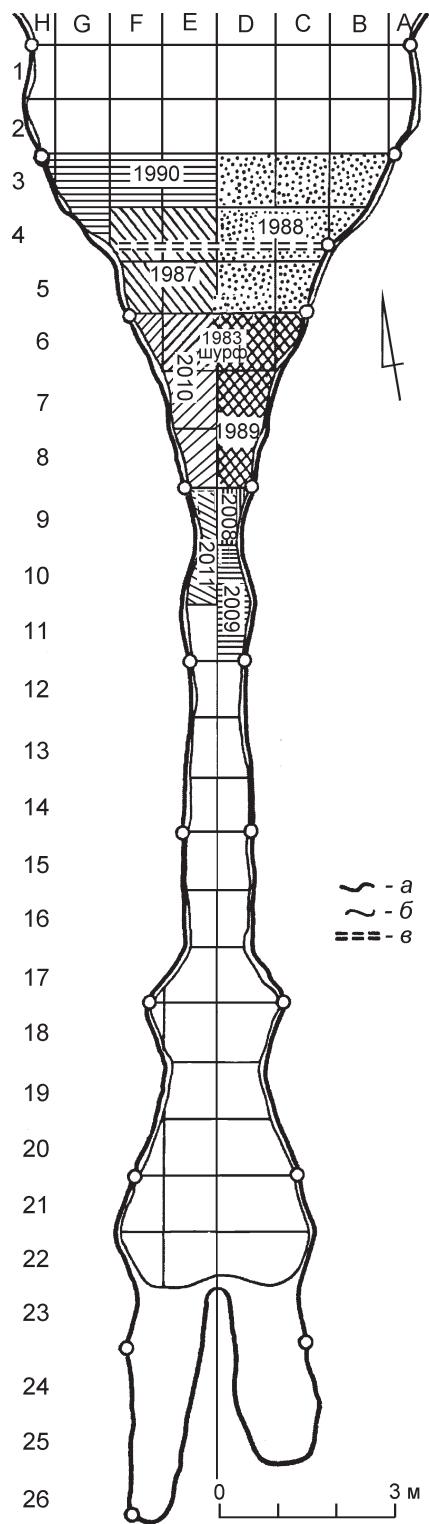

Рис. 2. Пещера Газма, план:
a — план по нулевой линии; *б* — земляной пол пещеры; *в* — современная капельная линия

торые, по-видимому, являлись основными объектами охоты первобытных обитателей пещеры.

Распределение костей по слоям неравномерно. Больше всего их содержится в культурных слоях IV (7191), V (7609) и VI (4552), содержащих каменный инвентарь среднепалеолитического времени. Значительно меньшее количество костей в VI слое связано, видимо, с тем, что скальное дно пещеры наклонено ко входу, вследствие чего по мере углубления в пещеру мощность VI слоя, лежащего на скальном дне, значительно уменьшается, а в 7–8 м от капельной линии он вообще выклинивается.

В остеологической коллекции пещеры обнаружено несколько костей, подвергшихся обработке. Некоторые из них имеют только следы изношенности, но три изделия, вероятно, были подвергнуты сверлению (Зейналов 1991; 2010). Две поделки из кости имеют сквозное отверстие. Одна из них (из IV слоя) представляет собой тонкую расколотую трубчатую кость с отверстием на верхнем краю. Отверстие имеет форму правильного круга диаметром 3 мм. Кость имеет трапециевидную форму, по краю она утончена и отшлифована. Длина кости — 3 см (рис. 3, 1). В более ранней публикации отверстие было интерпретировано как погрыз (Зейналов 2012). Основанием для этого явилось сравнение с похожими костями из других палеолитических стоянок, анализ которых показал, что аналогичные отверстия оставляют гиены (D'Errico, Villa 1997). Однако в 2012 г. кость из Газмы была исследована в Экспериментально-трасологической лаборатории ИИМК РАН (СПб.) руководителем лаборатории В. Е. Щелинским и в Отделе каменного века ИА РАН (М.). На стенках отверстия были обнаружены концентрические круги, свидетельствующие о его искусственном происхождении.

Вторая находка происходит из VI слоя. Это таранная кость джейрана, также имеющая сквозное отверстие (рис. 3, 2). Кроме того, на другой ее стороне имеется неглубокая насечка: по-видимому, отверстие пытались просверлить и там. По всей вероятности, кость использовали в качестве украшения либо амулета. На краю отверстия заметно небольшое углубление, возможно оставшееся от шнура, на котором висела подвеска. На еще одном фрагменте кости, также из слоя VI, имеется несквозное отверстие (рис. 3, 3).

Каменная индустрия

В мустьерских слоях раскопанной части пещеры Газма обнаружено 898 каменных артефактов: 387 экз. — в слое VI, 362 экз. — в слое V, 139 экз. — в слое IV и еще 10 экз. — в смешанном слое. В качестве сырья использовался в основном обсидиан (800 экз.; 89,1 %), намного реже — кремьен и кремнистый сланец (97 экз.; 10,8 %), 1 изделие (0,1 %) изготовлено из окремненного туфа. Обсидиан обитатели пещеры находили в аллювиальных отложениях р. Арпачай, находящейся в 14 км от пещеры. Коренные же источники обсидиана находятся в верховьях р. Арпачай на Кельбаджарском вулканическом нагорье.

Нуклеусов найдено 3. Изготовлены они из обсидиана (2 экз.) и кремня (1 экз.) Два из них предельно сработаны и представляют собой остаточные формы. Тре-

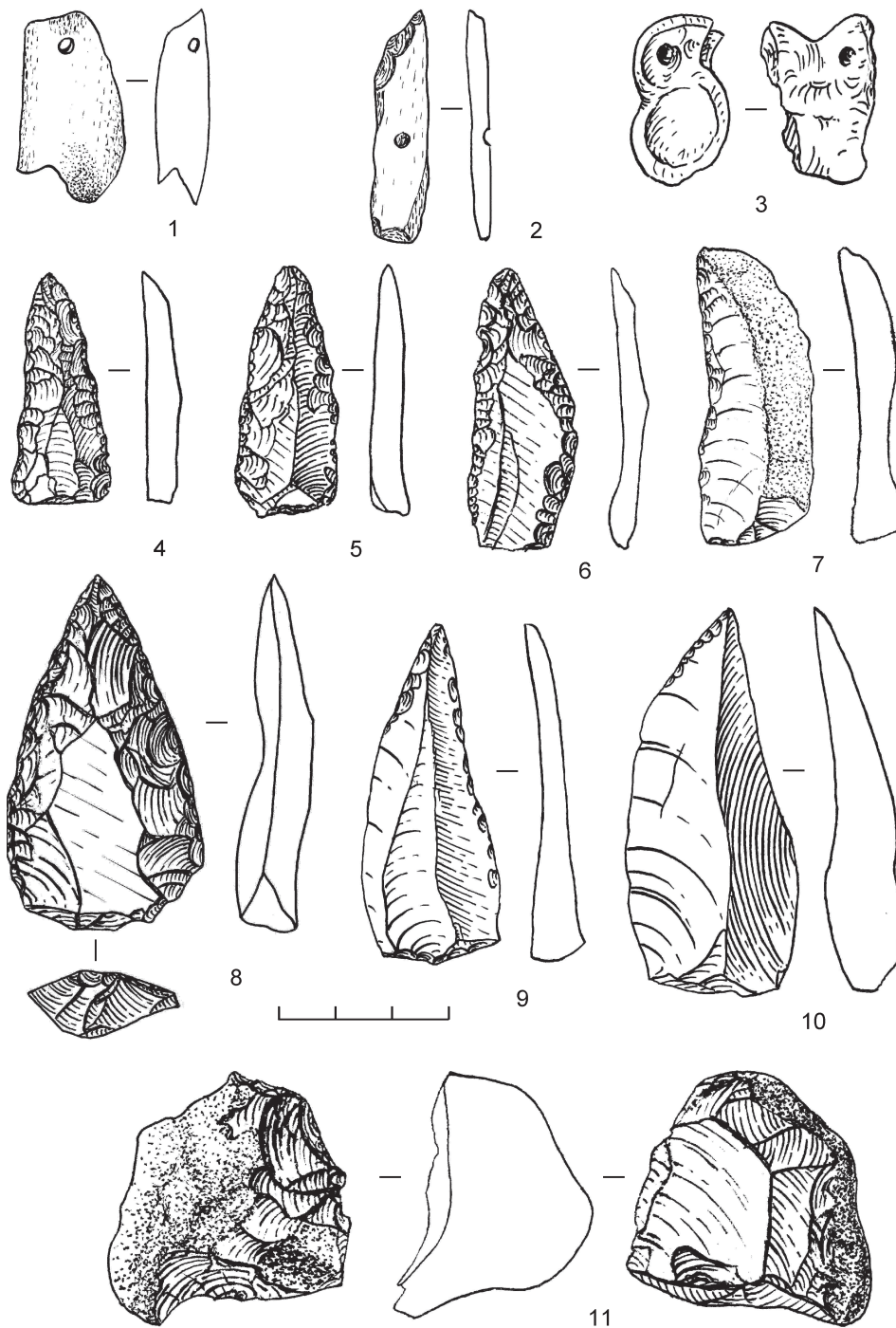

Рис. 3. Пещера Газма: 1-3 — обработанные кости; 4-10 — каменные орудия; 11 — нуклеус

тий (кремневый) представляет собой массивное двухфронтальное двухплощадочное ядрище (рис. 3, 11). На одной из его сторон частично сохранилась корка.

В коллекции насчитывается 712 сколов и различных обломков и осколков. Из них 116 экз. — заготовки, исполненные в технике леваллуа, 189 экз. — заготовки нелеваллуазского типа и 407 экз. — невыразительные обломки и осколки.³ Как видно, нелеваллуазских заготовок значительно больше, чем леваллуазских, что, собственно, характерно для любой мустьерской коллекции полного состава (Любин 1965).

Всего в Газме выделено 227 орудий (включая сколы-заготовки с ретушью утилизации), что составляет четвертую часть от общей численности каменных изделий. Из IV слоя происходит 40 орудий (28,8 %), из V слоя — 97 орудий (26,8 %), из VI слоя — 90 орудий (23,4 %). По характеру вторичной обработки каменные изделия можно разделить на несколько групп. Среди них выявлены леваллуазские острия, мустьерские остроконечники, различные скребла, лимасы, ножи, скребки (рис. 3, 4–10).

Основное место среди орудий из палеолитической пещерной стоянки Газма занимают леваллуазские острия, мустьерские остроконечники и скребла. Некоторые из них имеют близкие аналогии в III слое Азыха (Гусейнов 2010) и в Тагларской пещере. В частности, угловатые скребла — одна из самых многочисленных разновидностей скребел в тагларской коллекции (Джафаров 1983). Интерес представляет единственное скребло с противоположной ретушью из V слоя Газмы. Аналогичное орудие в тагларской коллекции также единично (Там же). В коллекции Газмы выделяются обушковые формы орудий и остроконечники с утонченным основанием. В целом каменную индустрию пещерной стоянки Газма можно охарактеризовать как мустье типичное, пластинчатое. Эта индустрия находит параллели в индустриях Южного Кавказа и Ближнего Востока, относимых к типично мустьерской линии развития и характеризующихся господством леваллуазской техники расщепления и преобладанием пластинчатых заготовок (Любин 1977; Коробков 1978; Ранов 1978).

Тип памятника

Большое количество раздробленных костей животных и отходов от производства орудий, а также наличие четырех очагов на небольшой площади позволяют определить памятник как долговременную базовую стоянку.

Пещерная стоянка Газма является первым и пока единственным хорошо стратифицированным палеолитическим памятником на территории Нахичеванской автономной республики Азербайджана. Однако наличие в этом регионе карстовых пещер дает основание надеяться на обнаружение здесь в будущем и других палеолитических стоянок.

Абасов 1970 — Абасов М. А. Геоморфология Нахичеванской АССР. Баку, 1970.

Азизбеков 1961 — Азизбеков Ш. А. Геология Нахичеванской АССР. М., 1961.

Гусейнов 1985 — Гусейнов М. М. Работы в Нахичеванской АССР // АО 1983 года. 1985. С. 484.

³ Учтены только находки 1983–1990 гг.

- Гусейнов 2010 — *Гусейнов М. М.* Древний палеолит Азербайджана. Баку, 2010.
- Гусейнов и др. 1991 — *Гусейнов М. М., Джафаров А. К., Зейналов А. А.* Палеолитическая стоянка Газма // Известия АН Азербайджана. Серия истории, философии и права. 1991. № 1. С. 78–85 (на азерб. яз.)
- Джафаров 1983 — *Джафаров А. К.* Мустьерская культура Азербайджана (по материалам Тагларской пещеры). Баку, 1983.
- Зейналов 1991 — *Зейналов А. А.* Обработанные кости из пещеры Газма // Труды науч. конф., посвящ. дню восстановления Азербайджанской государственности. Баку, 1991. С. 3–5.
- Зейналов 2010 — *Зейналов А. А.* Мустьерская стоянка Газма в Нахчыване // Карабах в каменном веке: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию открытия палеолитической пещерной стоянки Азы в Азербайджане. Баку, 2010. С. 148–162.
- Зейналов 2012 — *Зейналов А. А.* Исследование палеолита в Нахчыванском регионе Азербайджана // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Междунар. науч. конф. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012. С. 50–52.
- Зейналов и др. 2010 — *Зейналов А. А., Велиев С. С., Тагиева Е. Н.* Палеоэкологические условия обитания человека в Нахичевани в эпоху мустье (по материалам пещерной стоянки Газма, Азербайджан) // АЭАЕ. 2010. № 2. С. 2–6.
- Коробков 1978 — *Коробков И. И.* Палеолит Восточного Средиземноморья // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л., 1978. С. 9–185 (Палеолит мира).
- Любин 1965 — *Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Палеолит и неолит СССР. М.; Л., 1965. Т. 5. С. 7–75 (МИА. № 131).
- Любин 1977 — *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.
- Поляков 1882 — *Поляков И. С.* Дневник археологических работ веденных в Закавказском крае. Осень 1879 года // Пятый Археологический съезд в Тифлисе: Протоколы Подготовительного Комитета. М., 1882. С. 157–215.
- Ранов 1978 — *Ранов В. А.* Палеолит переднеазиатских нагорий // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л., 1978. С. 189–241 (Палеолит мира).
- Эйюбов, Алиев 1973 — *Эйюбов Ф. Д., Алиев А. А.* Условия развития карстовых пещер в Нахичеванской АССР и их основные морфологические особенности // Известия АН Азербайджанской ССР. Серия наук о земле. 1973. № 3. С. 41–46 (на азерб. яз.).
- D'Errico, Villa 1997 — *D'Errico F., Villa P.* Holes and grooves: the contribution of microscopy and taphonomy to the problem of art origin // Journal of Human Evolution. 1997. Vol. 33. P. 1–31.

PALEOLITHIC CAVE SITE GAZMA IN AZERBAIJAN

A. A. Zeynalov

Cave Gazma is situated in the Nakhichevan autonomous region of Azerbaijan. It was discovered in 1983 by M. M. Guseinov. Three lowermost layers of the cave yielded Middle Paleolithic stone artifacts associated with numerous faunal remains. The latter include bones of Pleistocene ass, gazelle, deer, goat, as well as rodents and birds. The available faunal, palynological and granulometric evidence indicates that the Middle Paleolithic inhabitants of Gazma lived under humid climatic conditions; when the level humidity began to decrease they seem to have left the cave. On the basis of its typological characteristics the industry of Gazma can be defined as Typical Mousterian. The assemblage contains numerous Levallois products, with many blades among blanks. It shows certain parallels with the Mousterian industries of the Southern Caucasus and Middle East. The cave appears to have served as a long-term base camp.

**МАССОВЫЕ СКОПЛЕНИЯ
КОСТНЫХ ОСТАТКОВ МАМОНТОВ
С ПРИЗНАКАМИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА
(р. Илин-Сылах, север Яно-Индибирской низменности)**

В. В. ПИТУЛЬКО, А. Э. БАСИЛЯН, Е. Ю. ПАВЛОВА

Наличие связи между массовыми скоплениями костных остатков мамонтов («кладбищами») и следами деятельности человека («стоянками») является широко известным научным фактом. Много лет назад о такой взаимосвязи писал Н. К. Верещагин (1977), анализируя материалы Берелёхского костыща в Якутии. В последнее время этой проблемы не раз касались М. В. Аникович (Аникович и др. 2010), П. Ю. Павлов (2008), А. А. Чубур (1998) и другие исследователи верхнего палеолита Центральной и Восточной Европы (Svoboda et al. 2005; Iakovleva et al. 2012). При этом П. Ю. Павлов выделяет «стоянки на кладбищах» как характерный тип памятников верхнего палеолита Северной Евразии, а А. А. Чубур причисляет к таковым практически любой объект, культурные отложения которого содержат костные остатки мамонтов. Это, разумеется, крайность, но связь между массовыми скоплениями костных остатков мамонтов и свидетельствами человеческой деятельности несомненна, в отдельных случаях это действительно то, что принято именовать «стоянкой».

В стояночных комплексах скопления костных остатков мамонтов играют существенную роль. В ряде случаев говорят, с различной степенью доказательности, о наличии жилых конструкций, созданных с использованием костей мамонтов. Трудно сказать, так ли это, но в любом случае такие образования являются важными структурными элементами стоянок. Весьма интересно, что тафономия подобных скоплений часто позволяет говорить о том, что кости мамонтов находились в условиях мелководного слабопроточного водоема, что отмечалось, в частности, на моравских памятниках (Соффер 1993), в Гонцах (Iakovleva et al. 2012) и на Янской стоянке (Basilyan et al. 2011). В отношении Янского «кладбища» мамонтов следует подчеркнуть, что это единственный объект такого рода, для которого доказано не только его рукотворное происхождение, но и факт систематической охоты древнего человека на этих животных (Nikolskiy, Pitulko 2012).

В то же время концентрации костных остатков мамонтов могут иметь различную естественную природу — чаще всего аллювиальную, как в Берелёхе (Верещагин 1977), Севске (Maschenko et al. 2005) и Гарях (Сериков 2007), или солончаковую, как в Шестаково (Деревянко и др. 2003), Волчьей Гриве (Зенин 2002) и Луговском (Лещинский 2006).

Следы человеческой деятельности на каждом из таких объектов представлены в разном объеме, от практически нулевого на Аччагый-Аллаиховском костыше (Nikolskiy et al. 2010) до хорошо выраженного специфическим (хотя и малочисленным) комплексом инвентаря в Шестаково (Деревянко и др. 2003) или в Шлёнке (Лисицын 2000). В ряде случаев эти признаки маловыразительны (Берелёх, Волчья Грива, Луговское), иногда эфемерны, как, например, в случае с Аччагый-Аллаиховским костышем (Питулько 2011). Таким образом, эксплуатация человеком массового скопления костных остатков мамонтов не обязательно оставляет заметные следы.

Со времени открытия вблизи Берелёхского костыша «стоянки» Берелёх (Верещагин, Мочанов 1972) этот комплекс георхеологических объектов оставался единственным в своем роде.

В 2000 г. на севере Яно-Индибирской низменности и Новосибирских о-вах в рамках проекта «Жохов-2000» были начаты поиски памятников каменного века, в результате которых были открыты Янская стоянка (Pitulko et al. 2004; Питулько, Павлова 2010) и Янское «кладбище» мамонтов (Basilyan et al. 2011), составляющее часть ее пространственной структуры, проведено изучение Берелёхского комплекса (Питулько и др. 2011), а также открыты новые местонахождения костей мамонтов, связанные с деятельностью человека (Питулько и др. 2013).

Два подобных объекта обнаружены нами в 2011 г. в среднем течении небольшой речки Илин-Сылах — правого притока р. Сылах, впадающей в Янский залив с востока. Район расположен к востоку от Янской стоянки, в Яно-Индибирском междуречье (рис. 1). «Кладбище» Илин-Сылах было обнаружено местными жителями в результате действий по добыче бивня. Его координаты $70^{\circ} 47' \text{ с. ш. и } 140^{\circ} 45' \text{ в. д.}$ Второй объект — пункт Илин-Сылах 034 — находится в 2 км к северо-западу, его координаты $70^{\circ} 48' \text{ с. ш. и } 140^{\circ} 42' \text{ в. д.}$

Р. Илин-Сылах неширокая, она состоит из чередующихся глубоких и перекатистых участков и свободно меандрирует в довольно широкой (до 4–5 км) долине. Генеральное направление течения — запад–северо-запад, ориентация меандров — запад–восток. Склоны речных берегов повсеместно отличаются сильной задернованностью.

В русле обнажается кровля расланцованных аргиллитов, вследствие чего имеются многочисленные перекаты. Большинство отдельностей камня — угловатые или слабоокатанные, галька отсутствует. Вследствие слабой способности к врезанию река меандрирует. В результате отложения, заполняющие долину р. Илин-Сылах, в течение голоцена неоднократно подвергались переработке, чему способствовало также неуклонное повышение уровня Северного Ледовитого океана, начавшееся после 15 000 л. н. Соответственно, по берегам реки преобладают протяженные низкие участки — уровни поймы, высокой поймы и гипсометрически им соответствующие днища подрезанных рекой котловин термокарстовых озер. В вершинах излучин обычно располагаются массивы плотных древних осадков (останцов поверхностей III и II надпоймен-

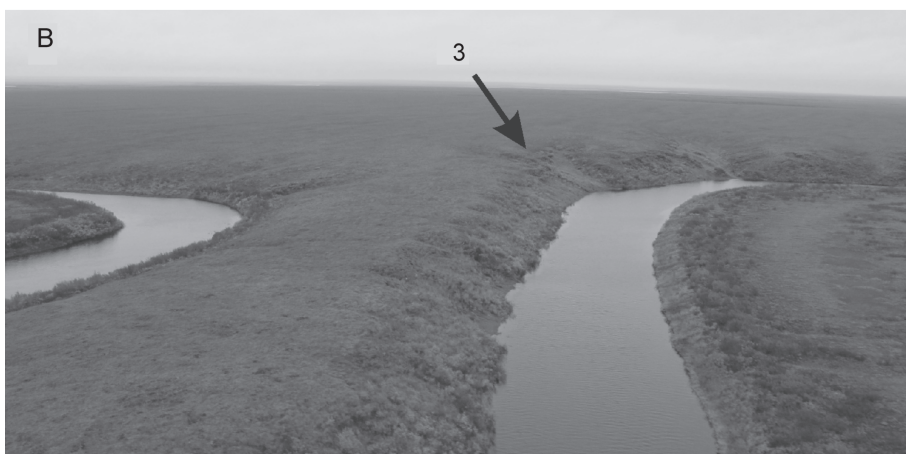
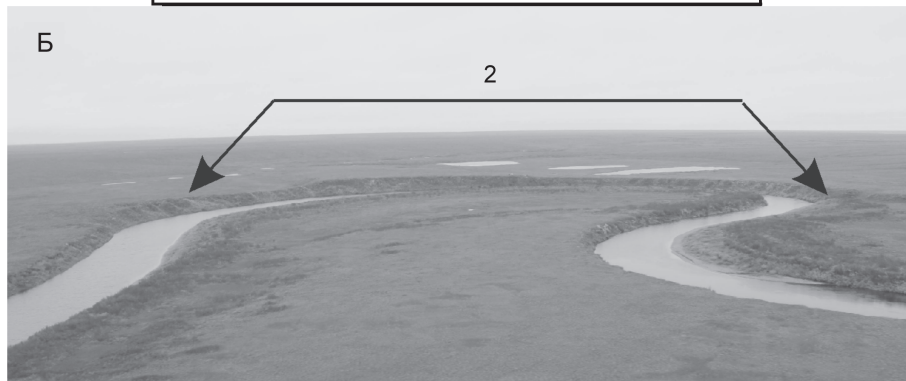
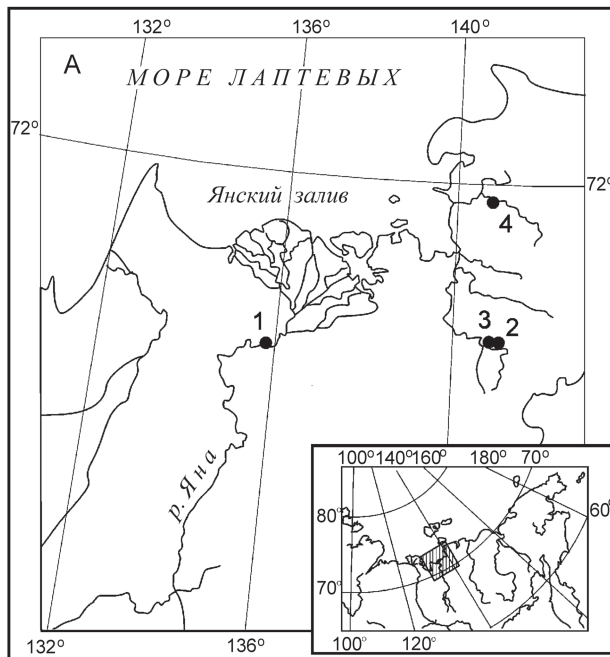

Рис. 1

ных [н/п] террас), находящихся в многолетнемерзлом состоянии, часть из которых имеет цоколь из коренных пород.

Костеносная линза на р. Илин-Сыалах вскрыта в вершине одной из таких излучин. Это подбойный участок правого берега реки, образованный массивом древних осадков, относительно устойчивых к размыву (рис. 1, *Б*; 2, *А*). Гипсометрически это наиболее высокий уровень (максимальные превышения — 12–13 м над урезом реки), постепенно повышающийся к востоку в направлении склона водораздельной поверхности. Он сложен многолетнемерзлыми отложениями с полигональной сетью повторно-жильных льдов (ПЖЛ), в кровлю которых врезаны обширные термокарстовые котловины голоценового возраста (аласы, котловины спущенных термокарстовых озер).

Представления о строении всех тел, слагающих разрез излучины правого берега р. Илин-Сыалах, получены на основании изучения отложений, вскрытых в расчистках в месте обнаружения «кладбища» мамонтов (рис. 2, *А*). Были проведены поиски археологического материала и просмотрена коллекция костных остатков плейстоценовой фауны, извлеченной из штолен бивнеискателями. Здесь, как и на Берелёхском и Янском «кладбищах», встречены кости почти исключительно мамонтов, с небольшой примесью иных видов — северного оленя, лошади, бизона и носорога, а также зайца; по словам добытчиков бивня, встречались изредка кости птиц. Часть «кладбища», причем неизвестно какая, размыва ранее рекой, в русле костные остатки мамонтов видны в ясную тихую погоду. На основании сделанных наблюдений можно предполагать, что в 2011 г. были извлечены костные остатки примерно десяти животных небольшого размера (рис. 2, *Б*). Подлинное их количество было, безусловно, намного больше.

С целью изучения строения геологического разреза «кладбища» было заложено пять расчисток (снизу вверх по течению — расчистки 038, 041, Bs372, 039, 042). Их положение вынесено на план (рис. 2, *А*) и профиль правого берега р. Илин-Сыалах (рис. 3), построенные на основе инструментальной съемки. Таким образом, были задокументированы гипсометрическое положение, последовательность и характер залегания отложений, их криологические характеристики. Указанные расчистки охватывают все основные геологические тела, принимающие участие в строении разреза (рис. 2–3), из них получен материал для датирования отложений и «кладбища» мамонтов (таблица 1).

На основании полевых наблюдений, геолого-геоморфологического строения участка и результатов датирования можно заключить, что расчистками

Рис. 1. Местоположение археологических памятников на западе Яно-Индибирской низменности: А — карта-схема западной части Яно-Индибирской низменности (1 — Янская стоянка; 2 — Илин-Сыалахское «кладбище» мамонтов; 3 — пункт Илин-Сыалах 034; 4 — стоянка Никита на р. Максунуохе); Б — вид с запада на участок правого берега р. Илин-Сыалах в месте обнаружения «кладбища» мамонтов (2); В — вид с запада на участок правого берега р. Илин-Сыалах в точке 034 (3)

Таблица 1

**Радиоуглеродные датировки
Илин-Сылахского «кладбища» мамонтов и пункта Илин-Сылах 034¹**

№ п/п	Возраст ¹⁴ C л. н.	Индекс лаборатории	Материал	Местоположение
1	> 43 500	Beta-309154	коллаген	Илин-Сылах, «кладбище» мамонтов
2	23 270 ± 100	Beta-309155	коллаген	
3	> 43500	Beta-309156	древесина	
4	12 450 ± 50	Beta-309158	трава	
5	10 870 ± 50	Beta-309159	алеврит с р/о	Илин-Сылах, «кладбище» мамонтов, расчистка 039
6	12 530 ± 50	Beta-309160	алеврит с р/о	Илин-Сылах, «кладбище» мамонтов, расчистка 041
7	9530 ± 50	Beta-309161	алеврит с р/о	Илин-Сылах, «кладбище» мамонтов, выше по течению от норы, расчистка 042
8	12 300 ± 85	Ле-9494	коллаген	Илин-Сылах, «кладбище» мамонтов
9	14 250 ± 100	Ле-9503	алеврит с р/о	
10	16 200 ± 450	Ле-9504	алеврит с р/о	
11	13 600 ± 200	Ле-9505	алеврит с р/о	
12	12 260 ± 220	Ле-9507	коллаген	
13	19 300 ± 350	Ле-9516	коллаген	
14	23 900 ± 400	Ле-9517	коллаген	
15	22 700 ± 300	Ле-9506	коллаген	

вскрыты отложения верхней части тела II (расчистки 041, 042) и I (расчистка 039) н/п террас. Расчистка 038 (нижняя по течению) вскрывает отложения юго-восточного борта аласа, вложенного в тело II н/п террасы и подрезанного рекой. Алас представляет собой плоскую ровную поверхность, его пологие склоны плавно поднимаются в направлении в глубь берега от бровки и вверх по течению реки.

Расчистка 041 вскрывает верхнюю часть синкриогенной толщи отложений II н/п террасы правого берега р. Илин-Сылах в 60 м ниже по течению от «кладбища». Верхняя часть отложений протаяла с потерей мощности. Высота поверхности над урезом реки 11 м. В правой части расчистки вскрыта жила полигонально-жильного льда. Снизу вверх описаны:

¹ Датировки Beta (Beta Analytic, США) получены ¹⁴C AMS методом, датировки Ле (ИИМК РАН) — сцинтилляционным методом. Алеврит с р/о — алеврит с растительными остатками; положение датировок в разрезе см. рис. 2–4.

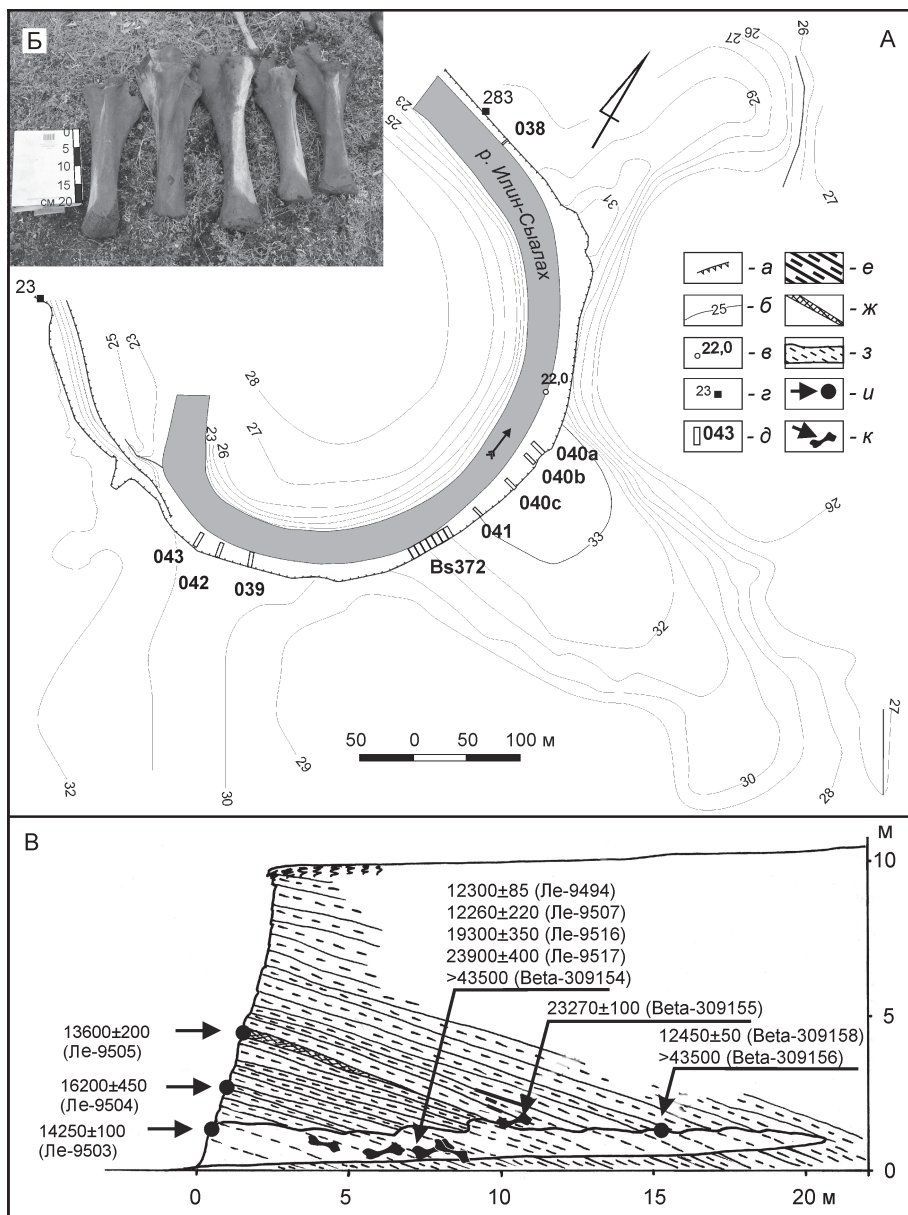

Рис. 2. Илин-Сылахское «кладбище» мамонтов: А — карта-схема участка долины р. Илин-Сылах в месте обнаружения «кладбища» мамонтов; Б — локтевые кости мамонтов из «кладбища»; В — поперечный геологический разрез правого берега р. Илин-Сылах в месте обнаружения «кладбища» мамонтов. Условные обозначения: а — бровка террасы; б — горизонталь и ее абсолютная отметка (м); в — урез реки и абсолютное значение (м); г — пикеты топографической съемки и их номера, обозначающие начало и конец вертикального профиля, построенного вдоль бровки правого берега реки; д — расчистки и их номера, е — наклонно и косослоистые алевриты; ж — прослой растительного детрита; з — штольня, промытая в глубь берега; и — местоположение ¹⁴С датировок, полученных по растительному материалу; к — местоположение ¹⁴С датировок, полученных по коллагену костей плейстоценовых млекопитающих

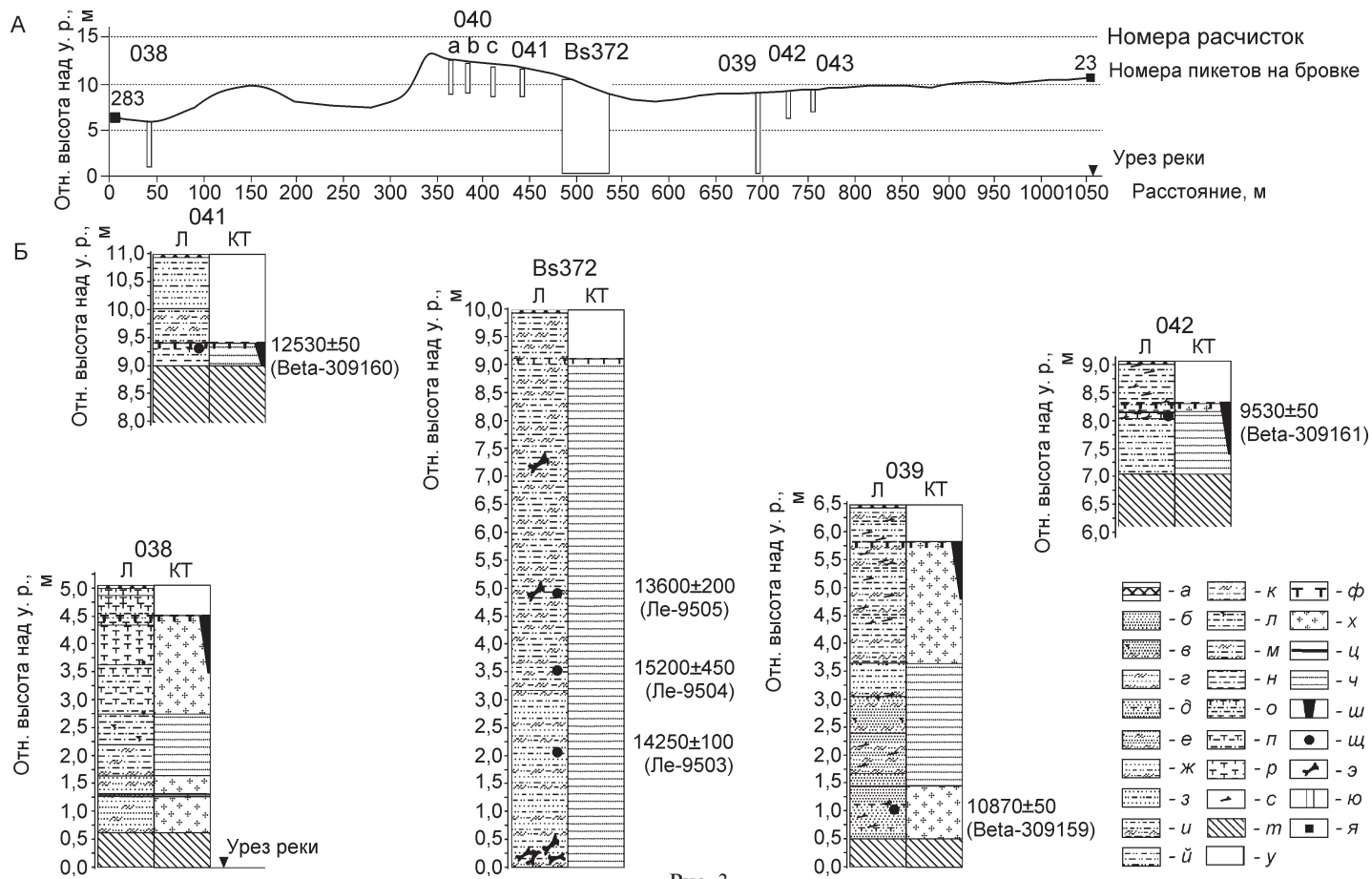

Рис. 3

№ слоя	Криолитология	Мощность
	Осыпь	9,0 м
1	Пылеватые алевриты коричневатого-серого цвета с тонкими корешками травянистых растений в прижизненном положении. Слой разбит синкриогенной жилой льда горизонтальной мощностью не менее 2–3 м, видимой вертикальной мощностью 50 см. Жильный лед серого цвета, матовый, трещиноватый, с нитевидными субвертикальными линиями пузырьков, алевритовых частиц. Криотекстура (КТ) отложений — волнисто-микрошлировая до массивной. Шлиры задираются вверх к жиле.	0,4 м
2	Волнисто-слоистые тонко-песчаные алевриты коричневатого-серого цвета с корешками травянистых растений в прижизненном положении, переслаивающиеся с горизонтально-волнистыми прослойками аллохтонной органики (растительного детрита) бурого цвета мощностью 4–6 мм. Мощность прослоек алеврита — 4–15 см. Слой перекрывает кровлю протаявшего ПЖЛ. В нижней части слоя из прослоя аллохтонной органики, перекрывающей кровлю жилы, отобран образец на ^{14}C датирование, показавший возраст 12530 ± 50 л. н. (Beta-309160).	0,6 м
3	Горизонтально-волнисто-слоистые песчаные алевриты желтовато-серого цвета. Слоистость обусловлена наличием железистых тонко-зернисто-песчаных прослоек и прослоек алеврита серого цвета.	1,0 м
4	Почвенно-растительный слой.	0,04 м

Рис. 3. Гипсометрический профиль левого берега р. Илин-Сылах в районе «кладбища» мамонтов (А) и сводная схема расчисток (Б).

Условные обозначения: *a* — почвенно-растительный слой; *b* — переслаивание прослоек тонко- и среднезернистых песков; *b* — переслаивание прослоек среднезернистого и тонкозернистого песка, обогащенного органикой; *z* — тонко-мелкозернистые пески с прослойками растительного детрита; *d* — переслаивание прослоек тонко-мелкозернистого песка с прослойками торфа; *e* — переслаивание прослоек тонкозернистого песка и растительного детрита; *ж* — переслаивание прослоек песчаного алеврита, растительного детрита и мелкозернистого песка; *з* — переслаивание прослоек песчаных алевритов, тонкозернистого песка и алеврита; *u* — переслаивание, прослоек песчаного алеврита, пылеватого алеврита и редких прослоек органики; *й* — песчаный алеврит; *к* — переслаивание прослоек песчаного алеврита и растительного детрита; *л* — алеврит с нитевидными корешками травянистых растений; *м* — алеврит с тонкими прослойками растительного детрита; *н* — суглинок; *o* — переслаивание прослоек торфа и песчаного алеврита; *n* — переслаивание прослоек торфа и пылеватого алеврита; *p* — торф; *c* — древесные ветки, корни; *m* — осыпь; *y* — сезонно-талый слой (СТС); *ф* — граница СТС; *x* — массивная КТ; *ц* — шпир льда; *ч* — тонкошлировая КТ; *ш* — ПЖЛ; *щ* — место отбора образцов растительного материала на ^{14}C датирование; *э* — кости плейстоценовых млекопитающих; *ю* — местоположение расчисток на гипсометрическом профиле; *я* — пикеты топографической съемки, обозначающие начало и конец вертикального профиля, построенного вдоль бровки правого берега реки

Сходные по основным признакам строения и составу отложения вскрыты на правом берегу р. Илин-Сылах в 220 м выше по течению от «кладбища» расчисткой 042, заложенной на бровке берега высотой 9,0 м (рис. 3). Общая мощность вскрытых отложений — 2,0 м. В правой части расчистки вскрыта жила полигонально-жильного льда. Снизу вверх описаны:

№ слоя	Криолитология	Мощность
	Осыпь	7,0 м
1	Горизонтально-волнисто-слоистый песчанистый алеврит коричневатого-серого цвета с тонкими корешками травянистых растений в прижизненном положении. КТ — волнисто-тонкошлифовая. В слое отмечается жила полигонально-жильного льда. Лед серого цвета, матовый, трещиноватый, с нитевидными субвертикальными линиями пузырьков, включениями алевритовых частиц. Горизонтальная мощность жилы — 2–2,5 м, видимая вертикальная мощность — 1,5 м. Ширы льда в отложениях задираются вверх к жиле.	1,3 м
2	Торф буро-коричневого цвета, содержит отдельные древесные корни. ^{14}C дата — 9530 ± 50 л. н. (Beta-309159).	0,1 м
3	Суглинок желтовато-серого цвета.	0,6 м

Возраст отложений, вскрытых расчисткой 042, может быть оценен лишь косвенно, однако это определенно доголоценовые образования. Датировка 9530 ± 50 (Beta-309159), полученная из зоны термического контакта (уровня протаивания отложений в прошлом), относится во времени активной деградации многолетнемерзлых отложений на севере Яно-Индибирской низменности (Безродных и др. 1986).

Таким образом, данными расчистками вскрыты отложения двух фрагментов тела II н/п террасы, в нижней части представленные тонкими пылеватыми алевритами и песчанистыми алевритами пойменной фации аллювия. Отложения II террасы сильно протаяли с поверхности, но тем не менее на значительной части мощности сохраняют решетку сингенетичных полигонально-жильных льдов, определяющих формирование холмисто-байджарахового рельефа берега с образованием регулярной сети байджарахов размерами 10×12 м и понижений между ними шириной 3–4 м. Датировки $12\,530 \pm 50$ (Beta-309160) и 9530 ± 50 (Beta-309159) из расчисток 041 и 042, в соответствии с их положением в разрезе, обозначают различные этапы термоденудации, соответственно, на рубеже и в начале голоцена.

Первый из двух останцов II н/п террасы представляет собой своего рода «остров» — вытянутую в восточном направлении мысовидную поверхность, образованную меандром палеорула. Его поверхность имеет наивысшие в пределах изучаемого участка отметки и достигает 12–13 м (рис. 2–3). Второй останец постепенно повышается вверх по течению (рис. 3). В районе расчистки 042 его высота в зоне контакта лишь на 1,5 м превышает высоту поверхности I н/п террасы, фрагмент которой находится ниже по течению.

Расчистка 039, расположенная в 40 м ниже по течению от расчистки 042, вскрывает отложения I н/п террасы р. Илин-Сылах. Высота поверхности над уровнем реки составляет 7,5 м. Общая мощность вскрытых расчисткой отложений — 7,0 м. Снизу вверх описаны:

№ слоя	Криолитология	Мощность
	Осыпь	0,1 м
1	Горизонтально- и наклонно-волнисто-слоистые тонко-мелкозернистые пески серого цвета с волнистыми горизонтально вытянутыми прослойками торфа бурого цвета мощностью 1–2 см и с линзами среднезернистого песка желтого цвета мощностью 1–15 см. В слое отмечаются пятна ожелезнения, древесные веточки и корни. КТ — массивная. ^{14}C датировка аллохтонного торфа из верхней части слоя — 10870 ± 50 (Beta-309159).	1,0 м
2	Горизонтально-волнисто-слоистые песчаные отложения, представленные переслаивающимися прослойками тонкозернистого песка серого цвета с прослойками среднезернистого песка желтого цвета. Мощность прослоев 1,5–2 см. КТ — волнисто-тонкошлифовая.	0,2 м
3	Горизонтально-волнисто-слоистые отложения, представленные переслаивающимися прослойками тонкозернистого песка серого цвета мощностью от 0,5–1,0 см до 4 см и обогащенными органикой прослойками бурого цвета мощностью 0,5–2,0 см. В слое встречаются корни и веточки древесных растений. КТ — волнисто-тонкошлифовая.	0,7 м
4	Горизонтально-волнисто-слоистые отложения, представленные переслаивающимися прослойками среднезернистого песка палевого цвета и прослойками тонкозернистого песка, обогащенного органикой бурого цвета. Наблюдаются отдельные косые серии. В слое встречаются <i>in situ</i> корни водных растений, возможно, хвощей, вертикально растущие, бурого цвета. КТ — волнисто-тонкошлифовая.	0,7 м
5	Толща переслаивания прослоев песчаных алевритов палевого цвета (мощность 8–10 см) с прослойками органики бурого цвета (мощность 1 см), с волнистыми линзообразными прослойками мелкозернистого песка желтого цвета (мощность 0,5–1,5 см).	0,6 м
6	Толща переслаивания, представленная песчано-пылеватыми алевритами. Встречаются волнистые прослойки аллохтонной органики коричневого цвета. Слой насыщен корнями и ветками древесных растений, в верхней части в том числе корнями современных растений.	2,77 м

Вскрытые расчисткой 039 отложения I н/п террасы представлены фациями прируслового, пойменного и, в верхней части, старичного аллювия. Дата для слоя 1 из нижней части отложений $10\ 870 \pm 50$ (Beta-309169) показывает, что осадки накапливались, начиная с рубежа голоцена, заполняя береговую эрозионную форму, образовавшуюся в результате деятельности реки.

Сам костеносный горизонт находится примерно в 1 м над урезом воды в реке и вскрывается на узком фронте в крест простирания костеносной линзы, перекрытой косослоистой толщей переслаивающихся алевритов, суглинков и супесей с растительными остатками (рис. 2, В; 3). Характерной особенностью разреза на этом участке является полное отсутствие в нем, на протяжении примерно 40 м, любых полигонально-жильных льдов. В то же время они представлены в отложениях соседних участков (рис. 3), как в останцах II, так и в теле I н/п террасы.

Высота берега от уреза воды до бровки в излучине правого берега, где расположено «кладбище», составляет около 9–10 м. Его отложения вскрыты расчисткой Bs372 (основной разрез «кладбища» мамонтов). Здесь в береговом обрыве от уреза реки вскрывается толща наклонно слоистых алевритов аллювиального происхождения (рис. 2–3). Снизу вверх описаны:

№ слоя	Криолитолия	Мощность ²
1	Песчаные алевриты буровато-серого цвета, в свежем состоянии серые с голубоватым оттенком и с наклонной косой слоистостью, подчеркнутой прослоями, обогащенными растительными остатками травянистых растений. Иногда встречаются линзовидные прослои мелкозернистого песка с алевритовым заполнителем желтоватого цвета. На уровне 1–1,6 м от уреза реки встречаются костные остатки крупных млекопитающих, преимущественно мамонтов: кости конечностей, тазовые, ребра, позвонки и фрагменты черепов. КТ в слое массивные, мелкошлировые (1 × 12 мм), иногда сгущаются, формируя в отдельных слоях поясковидные текстуры. В слое развиты редкие ледогрунтовые жилки шириной 2–5 см. ¹⁴ C датировки: 14250 ± 100 (Ле-9503) и 16200 ± 450 (Ле-9504) по растительным остаткам, 23270 ± 100 (Beta-309155) по коллагену рога северного оленя.	3,1 м
2	Алевриты, подобные слою 1, с большим количеством растительных травянистых остатков. В основании линзовидный прослой бурого цвета мощностью до 0,4 м, состоящий почти нацело из растительных остатков в виде растительного детрита, трухи и фрагментов травянистых растений. В слое иногда встречаются рассеянные кости мамонтов. КТ — массивные и мелкошлировые. ¹⁴ C датировки: 13600 ± 200 (Ле-9505) по растительным остаткам из линзовидного прослоя бурого цвета в основании слоя 2; > 43500 (Beta-309156) по древесине из штольни, 12450 ± 50 (Beta-309158) по травянистым остаткам с обломка древесины.	6,5–7 м

Слои имеют субпараллельную слоистость с наклоном 10–15° на север, в сторону берега, по этой причине гипсометрически низко расположенная датировка 12 450 ± 50 (Beta-309158), полученная по остаткам травы, извлеченным из-под куска дерева с запредельным возрастом (рис. 2, В), не является инверсионной,

² Мощности слоев подсчитаны с учетом наклонного напластования, поэтому их суммарная мощность несколько больше, чем высоты обрыва.

а лежит в разрезе выше более древней даты $13\,600 \pm 200$ (Le-9505). Два образца, отобранных выше кровли штольни (слой 1), тем не менее имеют близкий возраст, но лежат по разрезу в обратном порядке, что связано, скорее всего, с особенностями формирования отложений.

Из расчистки $Vs372$ получено наибольшее число радиоуглеродных датировок (рис. 2–3). Кроме того, был обследован основной туннель, промытый местными жителями в основании разреза с целью добычи бивней мамонтов. Три образца (дерево, растительные остатки, рог оленя) были отобраны непосредственно из штольни (рис. 2, В). По словам добытчиков бивня, ими было найдено немного, около десятка, бивней небольшого размера, что соответствует представлениям о размере зверей, сформированным на основании просмотра костных остатков, сосредоточенных в костеносной линзе (рис. 2, Б).

Для оценки возраста костища получено шесть датировок костных остатков мамонтов и иных зверей, представленных в материале (табл. 1). Результаты датирования довольно разнообразны и в целом, видимо, отражают общую композицию материала, в котором представлено несколько хронологических групп. Наиболее многочисленны датировки сартанского возраста, полученные по костям северного оленя, плейстоценовой лошади и носорога, — соответственно, $23\,270 \pm 100$ (Beta-309155), $23\,900 \pm 400$ (Le-9517) и $19\,300 \pm 350$ л. н. (Le-9516); датировки костей мамонтов — $12\,300 \pm 85$ (Le-9494) и $12\,260 \pm 220$ (Le-9507). Следует подчеркнуть, что раннесартанские даты лишь относительно многочисленны, поскольку датированы ископаемые виды, представленные единичными находками костей, тогда как кости мамонтов многочисленны и имеют сходный тип сохранности, свойственный старично-болотным условиям. Особняком стоит датировка единственного найденного здесь артефакта из бивня, показавшая запредельный возраст $> 43\,500$ (Beta-309154).

На основании предварительных результатов изучения разреза можно предположить, что «кладбище» мамонтов приурочено к отложениям тылового шва П н/п террасы р. Илин-Сыалах. Судя по датировкам костных остатков плейстоценовой фауны, основной материал костеносной линзы накапливался чуть ранее $12\,000$ л. н. Датировки костных остатков некрупных мамонтов $12\,260 \pm 220$ и $12\,300 \pm 85$ л. н. отвечают времени формирования костища. Помимо датировок, синхронных осадконакоплению, имеется ряд более древних дат, свидетельствующих об обогащении костеносной линзы существенно более древними остатками, поступавшими из размываемых рекой отложений, а также об использовании людьми в прошлом материала, заведомо более древнего, чем время формирования костища.

Можно предполагать, что костище формировалось около $12\,200$ – $12\,500$ л. н. на участке русла р. Илин-Сыалах вблизи крутого подбойного берега в вершине меандра. После перехвата меандра данный участок русла находился, по-видимому, в старичных условиях, а затем оказался быстро заполнен материалом, поступавшим со склона. Накопление по крайней мере нижней части толщи, заполняющей палеорусло, охватывает около 4000 лет и происходит на заключительном этапе позднего неоплейстоцена (причем, по крайней мере частич-

но, в субэаральных условиях), а верхняя часть толщи накопилась уже в голоцене. Криологическая характеристика разреза костища, наиболее яркой чертой которой является отсутствие ПЖЛ, также говорит о том, что его осадки сформированы преимущественно в голоцене в условиях увлажнения, не предполагающих рост ПЖЛ.

Данный механизм близок установленному для Берелёха (Питулько и др. 2011). Археологический материал в ближайших окрестностях памятника отсутствует, однако в материалах самого «кладбища» Илин-Сылах выявлены следы прошлой человеческой деятельности в виде трехгранной стержневидной заготовки колющего орудия (наконечника копья?) из бивня мамонта длиной 39 см. Отсутствие или малое количество артефактов, извлеченных непосредственно из костища, вполне обычно. Так, непосредственно в Берелёхском костище археологического материала нет вообще, а в Янском — такие находки единичны, хотя и выразительны (Basilyan et al. 2011; Nikolskiy, Pitulko 2012). В то же время сам по себе характер костных остатков мамонтов, извлеченных из Илин-Сылахской костеносной линзы, указывает на определенную избирательность в размерном классе животных. Это некрупные молодые особи. Как показано (Nikolskiy, Pitulko 2012), подобная избирательность может служить указанием на антропогенный характер скопления либо отмечать заметный вклад людей в накопление костных остатков, т. е. в любом случае указывает на прошлую человеческую деятельность, связанную с формированием «кладбища».

В 3 км вниз по течению от Илин-Сылахского «кладбища», по тому же правому берегу реки (рис. 1; 4), в пункте Илин-Сылах 034 был обнаружен небольшой шлейф подъемного материала, представленный костными остатками плейстоценовой фауны. Данный участок берега образует протяженный меандр, подрезающий останец высокой (14–16 м) поверхности, являющейся, по-видимому, фрагментом II н/п террасы.

Собрано 15 обломков костей, принадлежащих мамонту, бизону, лошади, северному оленю. В ходе поисков источника материала было собрано дополнительно 22 фрагмента костей перечисленных животных, к которым добавились кости лося. Находки костных остатков в целом немногочисленны и представлены обломками ребер, единичными позвонками, мелкими костями конечностей. Они встречаются на узком фронте полосой около 7–8 м.

В расчистке пункта Илин-Сылах 034 (рис. 4) выявлен слабонасыщенный костеносный горизонт, в котором встречены фрагменты рога лося (в осыпи), ребро и нижняя челюсть мамонта. Ее возраст составил $22\,700 \pm 300$ л. н. (Le-9506). Часть ребер мамонта имеет искусственные повреждения (рис. 5). Скопление, вероятнее всего, связано с деятельностью человека: оно компактно, содержит остатки довольно большого количества видов животных, скелетные элементы представлены вполне хаотично (и они относятся к различным размерным классам — от нижней челюсти мамонта до пяточной кости северного оленя), а тафономия этих остатков не предполагает возможности их переноса потоком с последующей концентрацией в естественной ловушке. Снизу вверх по разрезу средней части отложений II н/п террасы в расчистке 034 описана следующая последовательность:

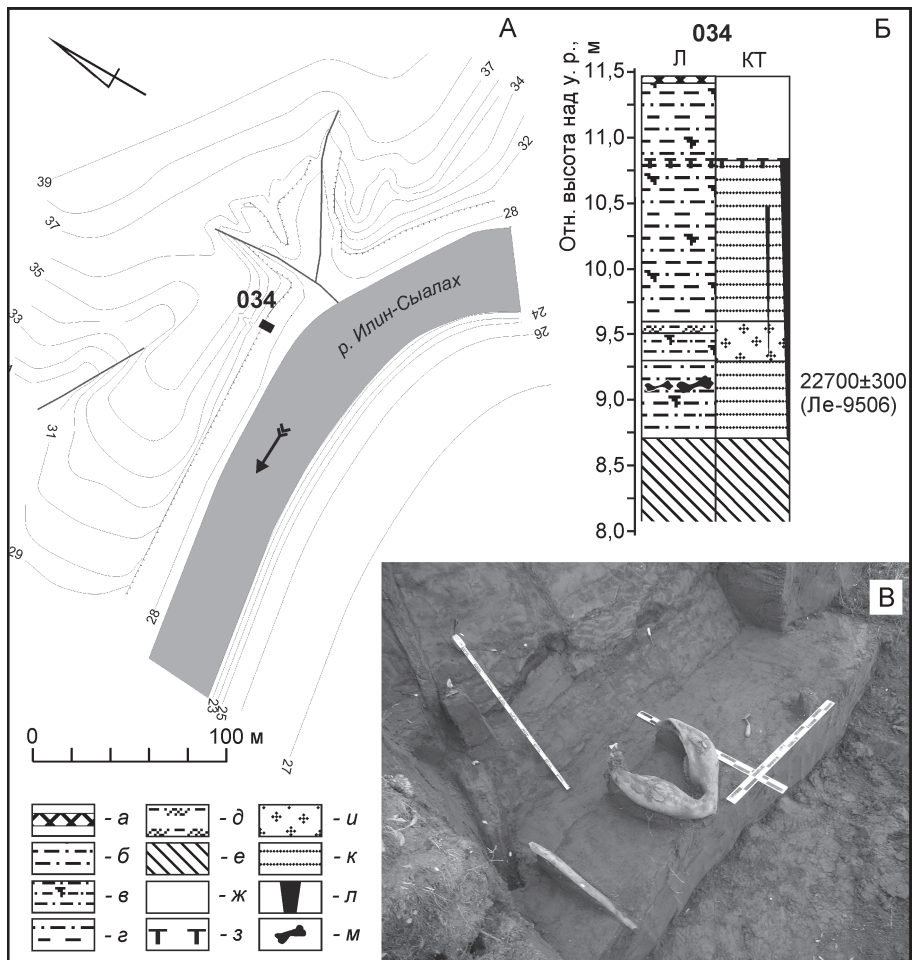

Рис. 4. Правый берег р. Илин-Сылах в районе пункта Илин-Сылах 034:
 А — карта-схема; Б — криолитологическая колонка расчистки; В — находки ребра и нижней челюсти мамонта в расчистке. Условные обозначения: *a* — почвенно-растительный слой; *b* — алевроит с тонкими корешками травянистых растений в прижизненном положении; *v* — алевроит, насыщенный множеством тонких корешков травянистых растений в прижизненном положении; *z* — пылеватый алевроит с тонкими корешками травянистых растений в прижизненном положении; *d* — прослой растительной трухи; *e* — осыпь; *ж* — СТС; *з* — граница СТС; *u* — массивная КТ; *к* — тонкошлировая КТ; *л* — ПЖЛ; *м* — кости плейстоценовых млекопитающих

№ слоя	Криолитология	Мощность
	Осыпь	8,75 м
1	Алеврит коричневатого-серого цвета с тонкими корешками травянистых растений в прижизненном положении. КТ — волнисто-микрошлировая до массивной. В слое отмечается ПЖЛ шириной 18 см.	видимая мощность — 0,5 м
2	Пылеватые алевриты серо-коричневого цвета, насыщенные множеством корешков травянистых растений в прижизненном положении, переслаивающиеся с горизонтально-волнистыми тонкими прослойками аллохтонной органики (растительного детрита) бурого цвета. К кровле слоя приурочен прослой органики в виде растительной трухи мощностью 4–5 см. В слое отмечаются разрозненные редкие кости мамонта (ребро, нижняя челюсть, редкие разрозненные мелкие обломки неопределимых костей). Из прослоя отобраны фаунистические остатки и растительный детрит на ^{14}C датирование. ^{14}C датировка нижней челюсти мамонта $22\,700 \pm 300$ л. н. (Le-9506). КТ — массивная. В слое отмечается ПЖЛ шириной 20 см.	0,4 м
3	Пылеватый глинистый алеврит серого цвета (в мерзлом состоянии) и серо-палевого цвета (в талом сухом состоянии) с тонкими корешками травянистых растений в прижизненном положении. КТ — волнисто-микрошлировая. В слое отмечается ПЖЛ шириной 18 см и тонкая жилка шириной 2 см.	1,8 м
4	Почвенно-растительный слой.	0,04 м

Связь рассматриваемого местонахождения с человеческой деятельностью в настоящий момент обосновывается в основном соображениями косвенного характера. В то же время следы человеческого воздействия на костные остатки мамонта, на наш взгляд, вполне убедительны (рис. 5). Подобная ситуация не раз возникала при интерпретации местонахождений остатков плейстоценовой фауны (Bonnichsen, Sorg 1989; Holen 2006). В данном случае наиболее важен возраст объекта — $22\,700 \pm 300$ л. н., самое начало последней ледниковой эпохи (сартанского времени по сибирской климатостратиграфической шкале), когда многие территории Сибири, как считается, обезлюдели вследствие необыкновенно суровых условий (см., например, Goebel 2002; Graf 2005).

Открытие двух новых памятников эпохи позднего палеолита на севере Яно-Индибирской низменности имеет большое значение, поскольку насыщает материал карту одного из наиболее труднодоступных регионов Арктической Сибири. Илин-Сылахское «кладбище» мамонтов имеет возраст, близкий возрасту находок на Берелёхе (Питулько 2011; Питулько и др. 2011) и Аччагый-Аллаихе (Nikolskiy et al. 2010). Наравне с памятниками, открытыми на р. Максу-

Рис. 5. Археологический материал из Илин-Сылахского «кладбища» мамонтов (1–2) и из пункта Илин-Сылах 034 (3–6):

1 и 2 — трехгранная заготовка стержня из бивня мамонта (фотография и прорисовка);
3 и 4 — фрагмент ребра мамонта со следами охотничьего воздействия;
3а и 4а — крупные планы поврежденных участков соответственно к 3 и 4

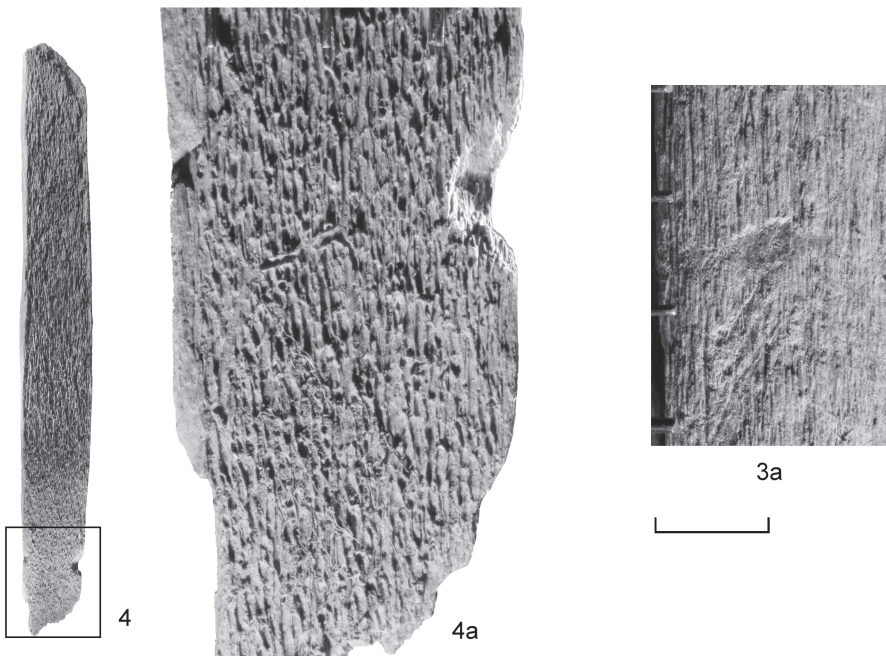
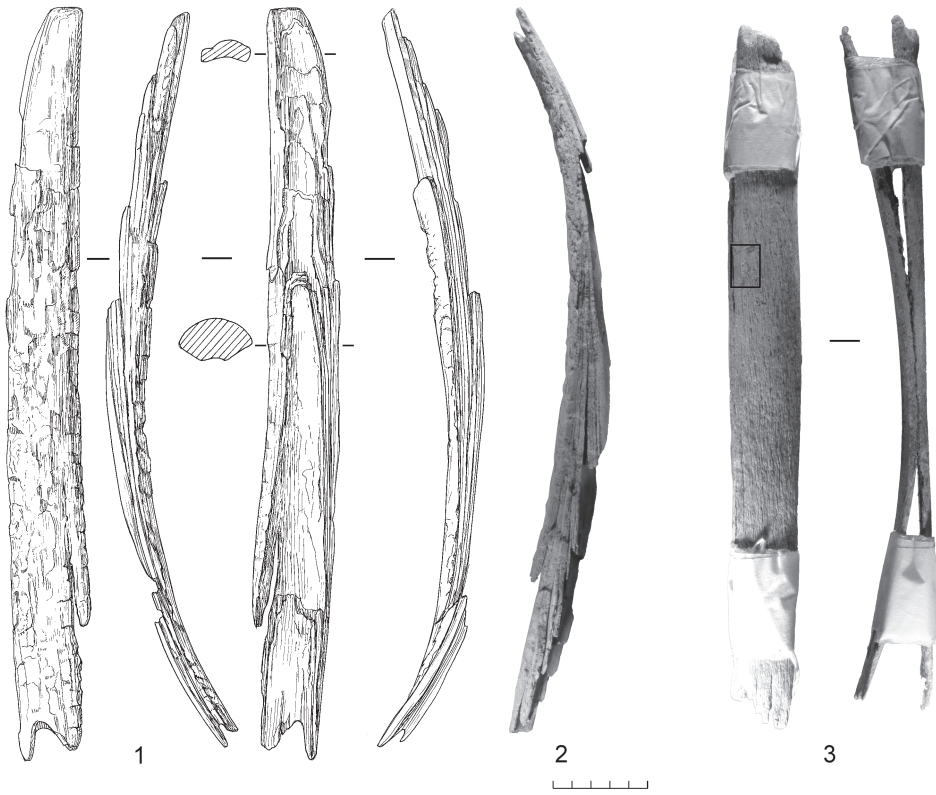

Рис. 5

нуохе (рис. 1), они характеризуют заключительный этап позднего палеолита региона. Обращает на себя внимание крайняя малочисленность каменного инвентаря, обнаруженного даже на объектах, достоверно связанных с деятельностью человека, — местонахождениях Никита и Урез-22 (Питулько и др. 2013). В местонахождении Илин-Сыалах, кладбище мамонтов единственный найденный артефакт изготовлен из бивня мамонта (рис. 5). В этой связи отсутствие каменных артефактов в точке 034 не кажется удивительным, и само оно, вероятно, также является следом прошлой человеческой деятельности. Культурная принадлежность обоих местонахождений в настоящий момент обсуждаться не может. Однако в отношении Илин-Сыалахского «кладбища» можно отметить, что здесь представлена технология получения заготовок из бивня, аналогичная янской.

Следует отметить, что на памятниках, непосредственно связанных с многочисленными костными остатками мамонтов, артефакты вообще малочисленны, причем не только на памятниках Яно-Индибирской низменности, включая, помимо упомянутых выше, и Янское «кладбище» мамонтов (Basilyan et al. 2011). Аналогичная картина наблюдается также, например, в Севске — полтора десятка кремней (Maschenko et al. 2005), памятниках Сосьвы, где каменные изделия немногочисленны (Сериков 2007), Волчьей Гриве — полсотни кремней за все годы раскопок (Зенин 2002), Луговском — первые десятки кремней (Зенин и др. 2004).

Местности и условия, в которых формировались и были открыты все эти памятники, разнообразны по геологии, тафономии, доступности каменного сырья. На Яно-Индибирской низменности ситуация усугубляется еще и тем, что каменное сырье здесь встречается в редких местах. Например, отложения междуречья Яны и Индибирки по своей природе не предполагают не только изобилия, но и простого наличия каменного материала, который мог бы быть использован древними обитателями этих мест. По этой причине малочисленность находок на памятниках, видимо, не может рассматриваться как свидетельство кратковременности их существования.

Новооткрытые памятники, сведения о которых изложены в настоящей работе, обозначают несомненную перспективу поисков объектов палеолитического возраста на севере Яно-Индибирской низменности, список которых десятилетиями исчерпывался лишь Берелёхской археологической стоянкой. В то же время сами по себе эти объекты нуждаются в проведении уточняющих исследований, поскольку на данный момент неясным остается прежде всего их культурный тип. В отношении финально-плейстоценового Илин-Сыалахского «кладбища» можно предполагать, что эти материалы, по крайней мере на основании возраста костища, могут быть соотнесены с кругом объектов, подобных Берелёху. Материалы из пункта Илин-Сыалах 034, на наш взгляд, указывают на перспективу заполнения «сартанской лакуны» в археологической летописи Северо-Востока.

Безродных и др. 1986 — *Безродных Ю. П., Векслер В. С., Савваитов А. С., Стелле В. Я.* Корреляция по ^{14}C палеогеографических событий позднего плейстоцена и голоцена отдельных районов Арктики // *Изотопно-геохимические исследования в Прибалтике и Белоруссии*. Таллин, 1986. С. 5–12.

Верещагин 1977 — *Верещагин Н. К.* Берелёхское «кладбище» мамонтов // *Труды Зоологического института АН СССР*. 1977. Т. 72. С. 5–50.

Верещагин, Мочанов 1972 — *Верещагин Н. К., Мочанов Ю. А.* Самые северные в мире следы верхнего палеолита // *СА*. 1972. № 3. С. 332–336.

Деревянко и др. 2003 — *Деревянко А. П., Молодин В. И., Зенин В. Н., Лещинский С. В., Машенко Е. Н.* Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. Новосибирск, 2003.

Зенин 2002 — *Зенин В. Н.* Основные этапы освоения Западно-Сибирской равнины палеолитическим человеком // *АЭАЕ*. 2002. № 4. С. 22–44.

Зенин и др. 2004 — *Зенин В. Н., Васильев С. К., Лещинский С. В., Орлова Л. А.* Находка мамонта в Колывани (Новосибирская область) // *Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий*. Новосибирск, 2004. Т. 10, ч. 1. С. 101–104.

Лещинский 2006 — *Лещинский С. В.* Палеоэкологические исследования, тафономия и генезис местонахождения Луговское // *АЭАЕ*. 2006. № 1. С. 33–40.

Лисицын 2000 — *Лисицын Н. Ф.* Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб., 2000.

Павлов 2008 — *Павлов П. Ю.* Палеолит Северо-Востока Европы: новые данные // *АЭАЕ*. 2008. № 1. С. 33–45.

Питулько 2011 — *Питулько В. В.* Археологическая составляющая Берелёхского комплекса // *ЗИИМК*. 2011. № 6. С. 85–103.

Питулько и др. 2011 — *Питулько В. В., Басилян А. Э., Павлова Е. Ю.* Результаты изучения Берелёхского георхеологического комплекса объектов в 2009 году // *Проблемы палеогеографии и стратиграфии плейстоцена: Материалы Всерос. науч. конф. «Марковские чтения 2010 года»*. М., 2011. Вып. 3. С. 437–453.

Питулько и др. 2013 — *Питулько В. В., Басилян А. Э., Павлова Е. Ю.* Новые «кладбища» мамонтов с признаками деятельности древнего человека на севере Яно-Индибирской низменности // *VIII Всерос. совещание по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований»*. Ростов-на-Дону, 10–16 июня 2013 г. Ростов н/Д, 2013. С. 518–520.

Питулько, Павлова 2010 — *Питулько В. В., Павлова Е. Ю.* Георхеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб., 2010.

Сериков 2007 — *Сериков Ю. Б.* Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые вопросы уральского палеолитоведения. Нижний Тагил, 2007.

Соффер 1993 — *Соффер О. А.* Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты // *Проблемы палеоэкологии древних обществ*. М., 1993. С. 99–118.

Чубур 1998 — *Чубур А. А.* Роль мамонта в культурной адаптации верхнепалеолитического населения Русской равнины // *Восточный гравитт*. М., 1998. С. 309–329.

Basilyan et al. 2011 — *Basilyan A. E., Anisimov M. A., Nikolskiy P. A., Pitulko V. V.* Woolly mammoth mass accumulation next to the Paleolithic Yana RHS site, Arctic Siberia: its geology, age, and relation to past human activity // *Journal of Archaeological Science* 2011. Vol. 38. P. 2461–2474.

Bonnichsen, Sorg 1989 — *Bonnichsen R., Sorg M.* (eds). Bone Modification. Center for the Study of the First Americans, Institute for Quaternary Studies, University of Main, Orono, 1989.

Goebel 2002 — *Goebel T.* The «Microblade Adaptation» and recolonization of Siberia during the late Upper Pleistocene // *Elston R. G., Kuhn S. L.* (eds.). *Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization*. Arlington, 2002. P. 117–131 (Archaeological Papers of the American Anthropological Association. Vol. 12).

Graf 2005 — *Graf K. E.* Abandonment of the Siberian mammoth-steppe during the LGM: evidence from the calibration of ^{14}C -dated archaeological occupations // *Current Research in the Pleistocene*. 2005. Vol. 22. P. 2–5.

Holen 2006 — *Holen S. R.* Taphonomy of two last glacial maximum mammoth sites in the central Great Plains of North America: A preliminary report on La Sena and Lovewell // *QI*. 2006. Vol. 142–143. P. 30–43.

Iakovleva et al. 2012 — *Iakovleva L., Djindjian F., Maschenko E. N., Konik S., Moign A.-M.* The late Upper Palaeolithic site of Gontsy (Ukraine): A reference for the reconstruction of the hunter-gatherer system based on a mammoth economy // *QI*. 2012. Vol. 255. P. 86–93.

Maschenko et al. 2005 — *Maschenko E. N., Gablina S. S., Tesakov A. S., Simakova A. N.* The Sevsk woolly mammoth (*Mammuthus primigenius*) site in Russia: Taphonomic, biological and behavioral interpretations // *QI*. 2005. Vol. 142–143. P. 149–165.

Nikolskiy et al. 2010 — *Nikolskiy P. A., Basilyan A. E., Sulerzhitsky L. D., Pitulko V. V.* Prelude to the Extinction: Revision of the Achchagyi-Allaikha and Bereyokh mass accumulations of mammoth / *QI*. 2010. Vol. 219. P. 16–25.

Nikolskiy, Pitulko 2012 — *Nikolskiy P. A., Pitulko V. V.* Data from Upper Palaeolithic Yana RHS site, Arctic Siberia, suggest some clues to recognize mammoth hunt in those sites that have mammoth remains // International Conference European Middle Palaeolithic during MIS 8–MIS 3. Cultures — environment — chronology. Wolbrom, Poland, September 25th–28th, 2012 (in print).

Pitulko et al. 2004 — *Pitulko V. V., Nikolsky P. A., Giryay E. Y., Basilyan A. E., Tumskey V. E., Kulakov S. A., Astakhov S. N., Pavlova E. Y., Anisimov M. A.* Yana RHS Site: Humans in the Arctic before the Last Glaciation // *Science*. 2004. Vol. 303, no. 5654. P. 52–56.

Svoboda et al. 2005 — *Svoboda, J., Peřn, S., Wojtal, P.* Mammoth bone deposits and subsistence practices during Mid–Upper Palaeolithic in Central Europe: three cases from Moravia and Poland // *QI*. 2005. Vol. 126–128. P. 209–221.

MASS ACCUMULATIONS OF MAMMOTH REMAINS WITH TRACES OF PAST HUMAN ACTIVITY (Ilin-Syalakh river, north of the Yana-Indighirka lowland)

V. V. Pitulko, A. E. Basilyan, E. Y. Pavlova

The existence of connection between the mass accumulations of mammoth bones known as «cemeteries» and traces of human activity («occupation sites») is a widely known fact. However, in the overwhelming majority of cases the nature of such accumulations remains unclear. In fact, it is only for the Yana site in the north-east of Asia that the artificial origin of the mass accumulation of mammoth bones was proved. In addition, the fact of systematic mammoth hunting by ancient people was established. As a result of new field explorations, two new objects of similar kind were found in the middle reaches of the Ilin-Syalakh river in 2011. The age of one of them (the Ilin-Syalakh mammoth cemetery) is about 12 400–12 200 years ago. The materials found here seem to resemble those of Berelekh. The locality of Ilin-Syalakh No. 034 is sufficiently older and dates to the beginning of the last glacial stage. The paper provides information about these two new sites.

**О РАЗНООБРАЗИИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ
ИЗДЕЛИЙ С РЕЗЦОВЫМИ СКОЛАМИ.
РЕЗЦЫ СТОЯНОК ХОРОКАЗАВА ПУНКТ ТОМА,
СТУДЕНОЕ-2 И КОСТЕНКИ 1**

Е. Ю. ГИРЯ, Х. КИМУРА, И. И. РАЗГИЛЬДЕЕВА

В середине прошлого века основателем экспериментально-трассологического метода профессором С. А. Семеновым было весьма убедительно показано, что «наличие резцовых сколов на орудии не является бесспорным признаком использования его в качестве резца» (Семенов 1957: 122). Подчеркивая, что «присутствие резцовых сколов, которые считались характерным морфологическим признаком резцов, не может служить функциональным признаком этих орудий для всех случаев», С. А. Семенов указывал, что созданные резцовыми сколами элементы форм орудий имели в различных древних индустриях различное назначение. В каких-то индустриях они служили для оформления рабочих краев орудий, связанных со строганием, в иных индустриях использовались для прорезания пазов, в третьих этим же приемом могли оформляться рабочие концы сверл. Кроме того, резцовые сколы использовались как специфический «способ оформления рукояточной части» — формирования насада и/или для намеренного притупления кромок и образования обушков на орудиях различных типов (Там же). Среди «резцов» также часто выделяют резцы-скребки, резцы-нуклеусы и резцы-острия. Сколы с резцов могут быть как простыми отходами производства, так и намеренно изготавливаемыми сколами-заготовками орудий, что не исключает возможности использования резцов-нуклеусов в качестве орудий. А. К. Филиппов, посвятивший немало времени исследованию палеолитических резцов, лично осуществивший и описавший наиболее представительную в отечественной археологии серию экспериментов, связанных с их производством и использованием, подчеркивал, что «понятие “резцевидное изделие” — технико-морфологическое и по отношению к функции нейтрально» (Филиппов 1983: 14).

Т. е. морфологически «резцы» — изделия с резцовыми сколами — могут иметь различное значение. «Морфология» — термин, подразумевающий не только простое описание формы изделия (морфография и морфометрия), но и анализ его структуры, строения, организованного в соответствии с его функцией, материалом и способом изготовления. Пренебрегая аналитической частью значения данного термина, «морфологией» каменных изделий часто имеют их «иконографию» — описание на основе внешнего сходства. Образно выражаясь, «читать камень» и опознавать отдельные типы орудий иконографически (в соответствии с собственными представлениями, тип-листами, этнографическими аналогиями и т. д.) обучены многие, но глубина понимания прочтенного в зависимости от строгости подхода может быть различной.

В современной археологии наличие изделий с резцовыми снятиями до сих пор является основанием для выделения единой категории «резцов». По негласно установившейся традиции резцы часто рассматриваются как некий самостоятельный вид орудия, наряду с наконечниками, скребками, проколками и т. д. В качестве основной функции резцов-орудий обычно предполагается прорезание пазов в кости, роге, бивне и/или дереве. Без объяснения причин под рабочим краем подразумевается «резцовая кромка», «режущий угол» — «линейно заостренный рабочий элемент, полученный путем снятия одного или нескольких резцовых сколов с площадки» (Лев 2009: 79).

Общепринято также сравнивать различные каменные индустрии по проценту содержания изделий с резцовыми снятиями. Внутри отдельных индустрий совокупности резцов вполне логично распределяются в зависимости от расположения резцовых сколов на заготовке (срединные, угловые, поперечные, продольные, диагональные, дорсальные, вентральные, простые и т. д.) и способов подготовки площадок для их снятия (ретушные, на сломе, с выемки и т. д.), т. е. в основном по способу изготовления (см., напр., Inizan et al. 1999: 131–135). Однако при этом «удовлетворительных методических разработок, рассчитанных на классификацию резцов по единому основанию, до настоящего времени не существует. Обычной является эклектическая классификация, в номенклатуре которой одни группы выделены на основе техники получения резцовой кромки, другие — по морфологии рабочего элемента (резцовой кромки) и третьи — по сочетанию технических и морфологических показателей. Такая эклектичность сама по себе не обесценивает результатов типологического анализа, но ее одноуровневый характер затрудняет оценку типологической значимости получаемых в результате классификации групп, а говоря проще — выделение основных классификационных единиц, т. е. типов» (Амирханов 2000: 169–170).

Как известно, при разработке и построении типологии как упорядоченного описания и объяснения изучаемых объектов, следуя общепринятым правилам классификации, деление исследуемой совокупности артефактов должно производиться по какому-либо единому основанию. Т. е., прежде чем сравнивать имеющиеся формы, необходимо установить общность причин их возникновения и назначения. К примеру, вполне допустимо сравнение обушков, созданных резцовыми сколами с такими же обушками из коллекции другого памятника, рабочих кромок стругов типа «А» с кромками иных стругов — «В» и «С». В противоположность сказанному научная ценность сравнения сверл, нуклеусов и орудий с обушками внутри единых совокупностей (групп, классов или категорий) весьма сомнительна.

Именно поэтому, с нашей точки зрения, положения, высказанные С. А. Семеновым, отнюдь не утратили своей актуальности. Напротив, современный уровень исследований предполагает установление все более конкретных доказательств действительных причин возникновения различных форм изделий с резцовыми сколами в каждой конкретной индустрии. Простые морфографические описания резцевидных изделий в различных индустриях не могут и не

должны являться основанием для их отнесения к группам аналогичных орудий, поскольку таким образом можно проследить лишь аналогии в применении определенного способа обработки края — того или иного вида резцового скола. Поэтому без предварительного углубленного морфологического анализа следов обработки и следов использования польза от вычисления общего количества изделий с резцовыми сколами или отнесение к единой категории всех изделий с данным видом обработки на основе простого «иконографического» сходства может оказаться весьма сомнительной.

Следовательно, для преодоления «эклектичности», неоднородности состава изделий с резцовыми снятиями необходимо из всей совокупности «резцов» изучаемой индустрии выделить группы однородных (определяемых по общему основанию или основаниям). Дальнейшая аналитическая работа должна вестись внутри каждой из таких групп. Произвести такое деление материала возможно средствами экспериментально-трасологического метода С. А. Семенова.

Заметим, что сказанное актуально и при анализе изделий одной индустрии, и при сравнении коллекций различных памятников. До констатации эклектичности или однородности конкретной совокупности изделий с резцовыми сколами необходимо их объяснить, выяснить их генезис, понять их морфологию, т. е. по следам установить общность или различие актов человеческой деятельности, приведших к данному формообразованию. Это непростой и очень трудоемкий путь исследования, однако его не избежать, поскольку именно таким образом возможно выделить те формы каменных изделий, которые действительно представляют определенные культурные нормы в формообразовании — типы изделий.

Без применения такого подхода понимание многих продуктов расщепления может оказаться искаженным, неполным или даже ошибочным. Более того, совершенно очевидно, что многие формы каменных изделий, включая орудия труда, без применения указанного подхода определить как таковые попросту невозможно, поскольку они могут отсутствовать в тип-листах или просто быть внешне крайне невыразительными. К примеру, при обнаружении определенной корреляции следов использования и формы рабочего края, отражающих однообразные виды поведения, данный подход позволяет «ввести в круг» орудий изделия без ретуши или иных видов «вторичной обработки». Представляется возможным «вычленить» из безликой категории «пластин» пластины-орудия (вне зависимости от того, есть ли на них ретушь утилизации или нет). Ведь «просто пластины» — это зачастую готовые (завершенные) и уже бывшие в интенсивном употреблении орудия. Если установлено, что на данной стоянке пластины без «вторичной обработки» НЕ использовались — это как раз и есть нечто особенное, специфическое именно для данной каменной индустрии. Если таких пластин много или они обнаружены в особом контексте (например, клад), возможно, это означает, что сама стоянка — это мастерская, где количество использованных орудий может закономерно быть меньше, чем общее количество изготовленных.

Т. е. для достижения полноценного представления о древних культурных нормах при анализе любых форм каменных орудий необходимы технологические и/или трасологические объяснения. К исследованию следует привлекать как следы использования, так и следы обработки (представленные морфологией продуктов расщепления). Говоря конкретнее, кроме общего сравнительного анализа форм требуется понять их морфологию, получить достоверную информацию о видах макро- и микрорельефов поверхностей каменных изделий (и исходных, и измененных износом или обработкой), а также о технологических контекстах — совокупностях форм продуктов расщепления, связанных технологическими связями (взаимно технологически необходимых — Гири 1997: 60).

В данной статье мы хотим представить результаты исследования изделий со следами резцовых снятий, происходящих из трех различных стоянок, относящихся ко времени конца верхнего палеолита: Хороказава пункт Тома (Япония, о. Хоккайдо), Студеное-2 (Забайкалье) и Костенки 1 (I слой, второй жилой комплекс), расположенной на Среднем Дону. Выбор данных материалов для иллюстрации разнообразия морфологических значений резцов и случаен, и нет. Резцы стоянок Хороказава пункт Тома и Студеное-2 были выбраны как очень редкие, почти уникальные примеры устойчивого сочетания единой формы орудий, хорошо сохранившихся следов использования и следов обработки. Костенковские резцевидные изделия, напротив, чрезвычайно разнообразны. Они представлены целым набором форм, не связанных с каким-либо единым технологическим контекстом или какими-либо определенными следами использования. При их производстве применялись две различные технологии. Кроме того, в ходе их исследования было установлено, что часть резцовых сколов данной индустрии служила заготовками для производства специального типа острий. Следовательно, соответствующая им в технологическом контексте часть изделий с резцовыми сколами должна квалифицироваться как нуклеусы.

Таким образом, выбор и сопоставление результатов исследований резцевидных изделий указанных индустрий, с нашей точки зрения, вполне показателен для иллюстрации справедливости и актуальности положений, высказанных С. А. Семеновым более 50 лет назад.

Стоянка Хороказава пункт Тома находится на высокой террасе р. Юбецу, в северо-западной части района Ширатаки, на востоке о. Хоккайдо, в Японии. Возраст стоянки около 17 тыс. лет (Кимура 2012). Памятник представляет собой мастерскую, расположенную на выходах обсидиана. За 20 лет раскопок с площади около 100 м² (разборка культурного слоя пока не завершена) было собрано более 500 тыс. единиц различных продуктов расщепления. Среди них найдено 25 резцов, все они представляют собой резцы типа Арая (по названию эпонимного памятника в префектуре Нигата, на севере о. Хонсю). Большая часть резцов изготовлена из кремня (рис. 1) и кремнистого сланца, отдельные экземпляры сделаны из обсидиана (рис. 2).

Все резцы (и кремневые, и обсидиановые) изготовлены из широких крупных пластин или пластинчатых отщепов. На всех орудиях с установленными

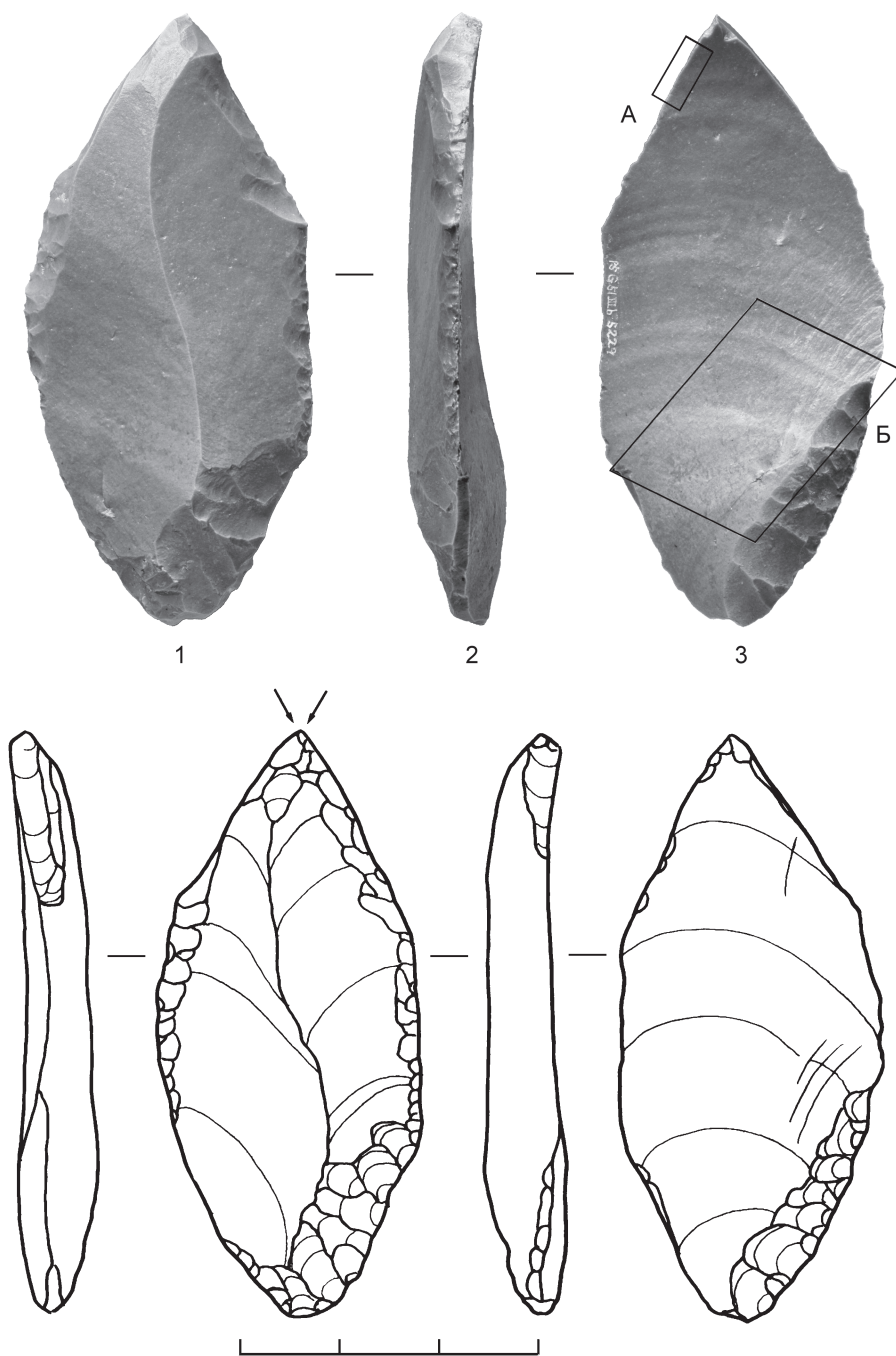

Рис. 1. Кремневый резец типа Арая со стоянки Хороказава пункт Тома, о. Хоккайдо, Япония: зона А — место наиболее интенсивного развития следов износа от строгания плотных материалов органического и/или растительного происхождения; зона Б — место наиболее интенсивного развития следов от контакта с рукоятью

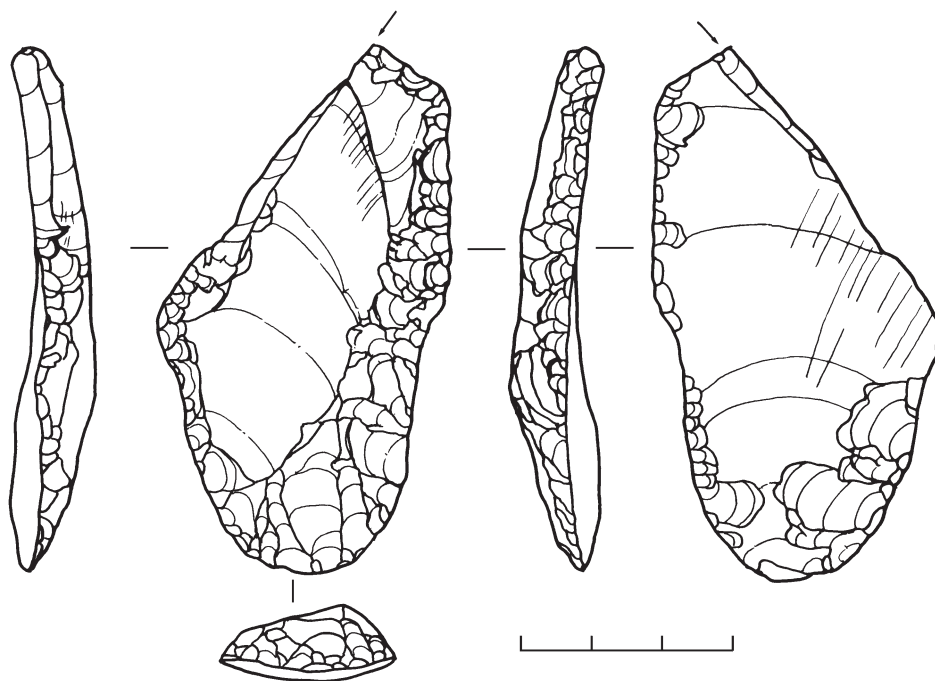
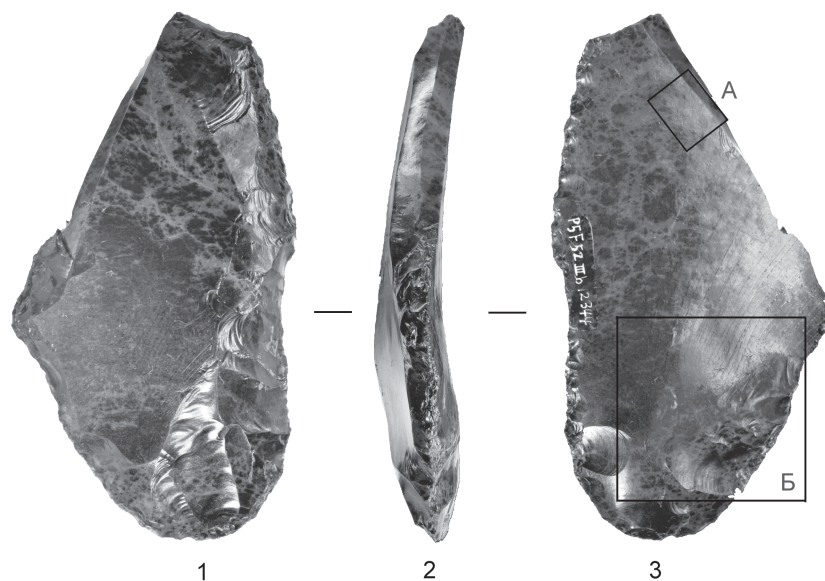

Рис. 2. Обсидиановый резец типа Арая со стоянки Хороказава пункт Тома, о. Хоккайдо, Япония: зона А — место наиболее интенсивного развития следов износа от строгания плотных материалов органического и/или растительного происхождения; зона Б — место наиболее интенсивного развития следов от контакта с рукоятью

следами использования рабочим участком является «боковая резцовая кромка» — ребро между брюшком заготовки и негативом резцового снятия (рис. 1, А; 2, А). Износ определяется как результат строгания плотных материалов органического и/или растительного происхождения — рога, кости и, возможно, дерева (более точные определения мы предполагаем сделать после проведения серии экспериментов с идентичными видами кремня и обсидиана). Данные следы использования (рис. 3, А; 4, А) по ряду признаков аналогичны следам, обнаруженным С. А. Семеновым на рабочих участках срединных резцов из Костенок 4: «Они представляли многочисленные линии, пересекающие брюшко с одного края на половину его ширины. На основании этого признака орудия определяются как строгальные ножи, или одноручные струги, по кости и дереву» (Семенов 1957: 122).

Резцовые снятия располагались в дистальных частях сколов-заготовок диагонально по отношению к их продольной оси. Этому предшествовала ретушная обработка обоих продольных краев, формировавшая площадки и определявшая направление первых резцовых снятий. Эта же обработка краев ретушью формировала обушки орудий. В отдельных случаях после ретушной обработки обушковые части оформлялись дополнительным резцовым сколом, в результате чего дистальная часть изделия приобретала вид срединного резца. Орудия со следами одновременного использования двух резцовых кромок (боковых) не обнаружены. Прослежены следы неоднократного обновления рабочих участков дополнительными резцовыми снятиями.

Базальные части большинства резцов скруглены или имеют вид тупоконечных острий. Обработка производилась как с основания, так и с обоих краев. Площадки и приплощадочные участки сколов-заготовок в большинстве случаев полностью удалялись одно- или двусторонней ретушью, противоположащей и/или альтернативной. По всей видимости, эта обработка была связана именно с адаптацией данной части орудий для крепления в рукояти. Есть основания полагать, что ее назначение состояло в уплощении и выравнивании, удалении нежелательных выпуклых участков рельефа поверхностей и краев проксимальных участков сколов-заготовок. Такая интерпретация исчерпывающе объясняет нерегулярность расположения фасеток ретуши, поскольку уплощающие снятия производились «по ситуации», именно там, где это было необходимо.

На всех орудиях, рабочие участки которых имеют развитый износ от строгания, на вентральных поверхностях базальных участков присутствуют следы от контакта с рукоятью (рис. 3, Б; 4, Б). Обычно они наиболее развиты на наиболее выпуклых участках поверхности брюшка — остатках рельефа ударного бугорка, в нижней трети длины заготовки. Этот износ всегда перекрывает фасетки ретуши адаптации основания резца под рукоять. Случаев обратной последовательности не обнаружено. Данное наблюдение свидетельствует в пользу того, что, в отличие от рабочего края, базальные части орудий, зафиксированные в рукояти, не нуждались в дополнительной подправке по мере использования. Отсутствие столь же выраженного износа этого типа на соответствующих участках дорсальных поверхностей резцов свидетельствует об односторон-

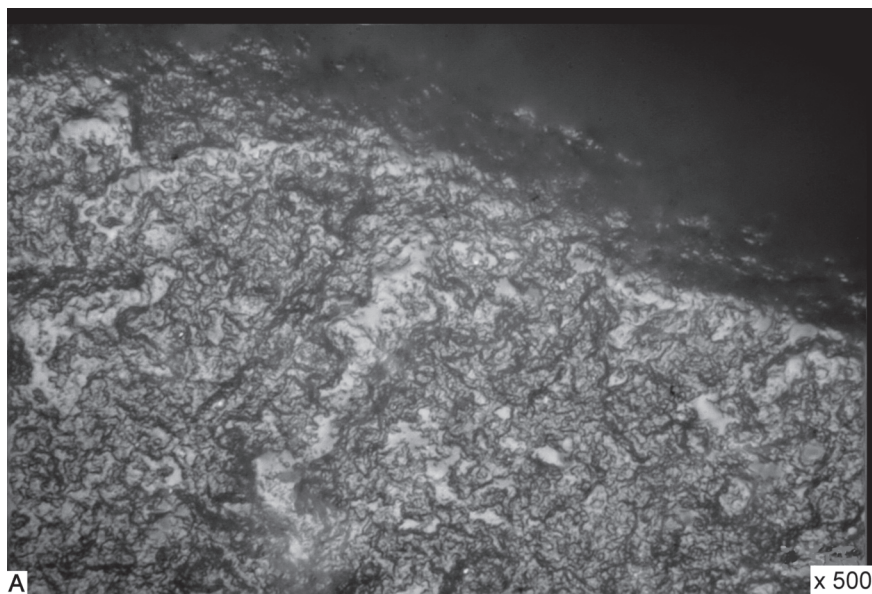

Рис. 3. Следы износа на кремневом резце типа Арая со стоянки Хороказава пункт Тома, о. Хоккайдо, Япония: А (увеличение $\times 500$) — следы износа в виде заполировки на рабочей кромке от строгания плотных материалов органического и/или растительного происхождения (здесь и далее для всех микрофотографий: прямое, проходящее через объектив освещение; цифровое изображение, полученное путем совмещения серии частично резких кадров с помощью программы Helicon Focus); Б (увеличение $\times 200$) — следы от контакта с рукоятью в виде заполировки и разнонаправленных мелких борозд и царапин

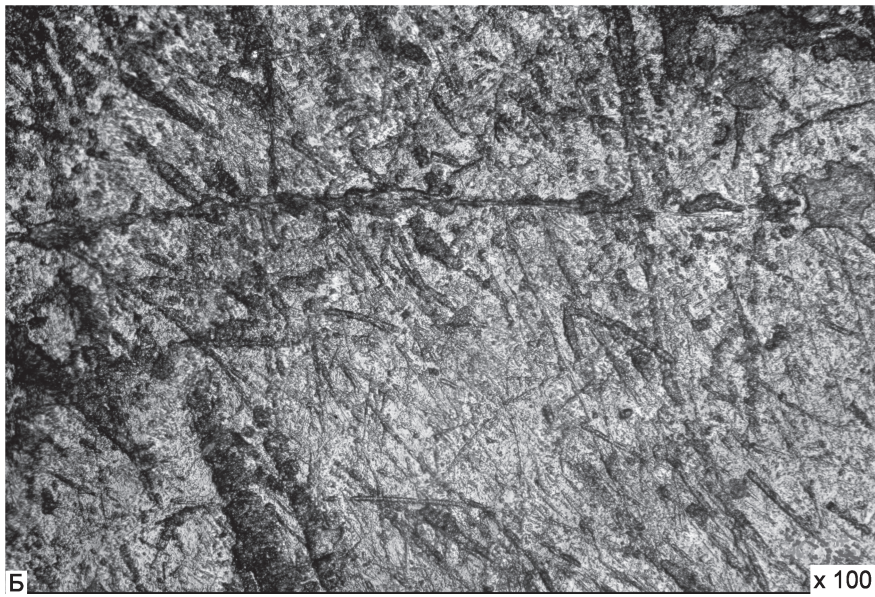
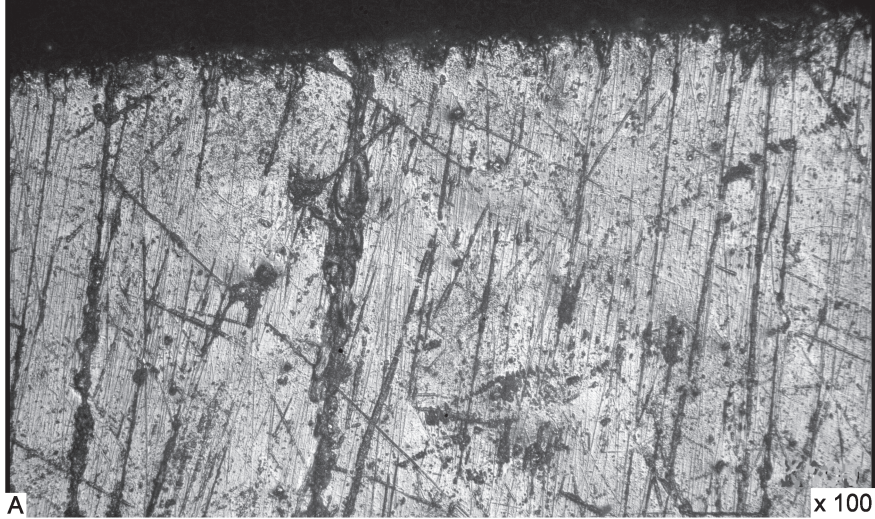

Рис. 4. Следы износа на обсидиановом резце типа Арая со стоянки Хороказава пункт Тома, о. Хоккайдо, Япония (увеличение $\times 100$): А — следы износа от строгания плотных материалов органического и/или растительного происхождения, шлифовка и выкрошенность кромки, параллельные царапины на вентральной поверхности в прикромочной части рабочего края; Б — следы от контакта с рукоятью в виде затертости поверхности и разнонаправленных мелких борозд и царапин

нем прилегания орудия к рукояти. В непосредственном контакте с рукояткой находилась только вентральная поверхность орудия. Дорсальная часть, по-видимому, контактировала с каким-то более мягким материалом (обвязка?), не оставившим выразительных следов износа на камне. На поверхности кремня и на поверхности обсидиана этот износ выглядит по-разному, но в обоих случаях — это затертость выступающих участков микрорельефа, часто не связанная с краями, покрытая сетью разнонаправленных мелких борозд и царапин. Эксперименты, специально посвященные изучению данного типа износа на сырье из Хороказавы пункт Тома, нами пока не производились, однако сам образ износа и аналогичные следы, прослеженные на орудиях из иных каменных индустрий, свидетельствуют в пользу предложенной интерпретации.

Таким образом, на основании результатов исследования морфологии следов изготовления и использования резцов типа Арая со стоянки Хороказавы пункт Тома реконструируется комплекс различных актов деятельности древнего человека, объясняющих причины данного формообразования. Внутри данного комплекса отдельные виды реконструированной деятельности непротиворечивы. Они взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга, образуя технологическую последовательность действий, имевших единое целеполагание, единую логику. Здесь вполне уместно отметить, что неоднократно повторяющаяся совместная встречаемость всех перечисленных следов (износа и обработки) в любом случае является достаточной для выделения культурно нормированного, традиционного поведения, даже если наши интерпретации приемов обработки и реконструируемой функции в чем-то не точны. Взятые по отдельности, сами по себе, следы обработки (изготовления резцов) и следы износа не имеют технологически необходимой взаимосвязи (орудие может быть изготовлено, но не использовано). Однако для нас они взаимосвязаны по факту неоднократной совместной встречаемости. Строго говоря, мы можем констатировать выявление двух видов корреляций:

- 1) резцовый скол и следы строгания (износ от строгания не встречен на проксимальных концах орудий, в сочетании со следами ретуши);
- 2) ретушь адаптации и износ от крепления в рукоятках (износ от рукояток не встречен на дистальных концах, в сочетании со следами формирования рабочего участка).

Сами по себе следы работы не предполагают неперенного наличия на орудии следов от крепления в рукояти. Однако, учитывая характер следов, степень их выраженности и величину нагрузки, необходимой для возникновения таких следов, использование рукояток следует предполагать. Для нас важно, что эти две формально независимые группы признаков встречены неоднократно на различных резцах, причем, повторимся, рукояточный износ наиболее выражен на орудиях с развитым износом от строгания.

Таким образом, вся совокупность изделий с резцовыми сколами со стоянки Хороказавы пункт Тома представляет единый тип орудия. Они созданы единым способом, причины их формообразования аналогичны. Эти изделия представляют собой результат неоднократного повторения единого комплекса раз-

нообразных, но аналогичных актов человеческой деятельности, т. е. — культурно нормированное поведение, связанное с производством и использованием стругов (строгальных ножей), закрепленных в рукоятях.

Поселение Студеное-2 находится в Красночикоийском р-не Забайкальского края. Памятник располагается рядом с устьем ручья Студеного и связан с отложениями правобережной II надпойменной террасы р. Чикой высотой 9 м. Поселение изучено на площади 817 м². В стратиграфическом разрезе выявлено 15 культурных горизонтов палеолита–бронзы. Горизонты палеолитического времени включали остатки разнотипных многоочажных жилищно-хозяйственных комплексов. Коллекции артефактов, наряду с продуктами дебитажа, содержали набор орудий, выполненных на высококачественном сырье: яшма, халцедон, кремль, празем, горный хрусталь (Мороз 2008). Отсутствие данного сырья в местных источниках обусловило рачительное отношение к приобретенным запасам, а также степень утилизации орудий. Благодаря качеству сырья и продолжительности использования изделий, при их регулярном переоформлении и оживлении рабочих кромок на большинстве орудий сохранились выразительные следы неутилитарного износа (Гиря, Ресино-Леон 2002: 180; Гиря 2004: 203–204).

В настоящей работе представлены результаты трасологического анализа резцов из коллекции культурных горизонтов 4/5, 5, 6. Горизонты связаны со средней частью аллювия (литологический слой 7) II надпойменной террасы р. Чикой (полное описание разреза см. Константинов и др. 2003: 16–17). Горизонты содержат остатки сложносоставных жилищно-хозяйственных комплексов, локализованное пространство которых структурировано очагами, углесто-золистыми пятнами и группами камней, формирующими внутренние и внешние обкладки. Скопления артефактов связаны с внутренним пространством комплексов. Возраст горизонтов, судя по радиоуглеродным датам, составляет 16–19 тыс. л. н.

Орудийный набор культурного горизонта 4/5 включает два резца. Более крупный диагональный резец (5,27 × 1,89 × 1,08 см) выполнен на двухгранной пластине с фрагментом галечной корки по левому ребру, рабочая кромка оформлена диагональным сколом. Сырье — крупнозернистая яшма, близкая к микрокварциту. Второй резец изготовлен на пластинчатом сколе с фрагментом галечной корки по правому ребру. Размеры орудия 3,78 × 1,33 × 0,86 см. Сырье серо-зеленого цвета, переходная стадия от роговика к яшме. Рабочая кромка с диагональным сколом, с последующим утончением дорсальными микроснятиями.

В культурном горизонте 5 представлено шесть орудий.

Диагональный резец по кости/рогу выполнен на пластинчатом сколе оживления фронта микронуклеуса. Размеры 3,66 × 1,55 × 0,66 см. Сырье — темно-коричневая яшма. Разнофасеточная дорсальная ретушь вдоль правого края и дистальной части изделия, вентральная мелкая по левому краю с несколькими фасетками на противоположающей кромке. Рабочая часть оформлена диагональным сколом с последующим утончением края серией микроснятий. По боковым

сторонам орудия в его базальной части выделен износ от рукояти, выражающийся в абразивном износе выпуклых участков макро- и микрорельефа и заполировке со следами мелких царапин от трения орудия о рукоять. На гранях дорсальной поверхности следы рукояточного износа развиты не менее сильно, чем на вентральной. На поверхности резца обнаружены микрочастицы охры.

Диагональный резец ($3,7 \times 1,66 \times 0,58$ см) на дистальном фрагменте пластины с ныряющим окончанием. Сырье — светло-бежевого цвета халцедон. Рабочая кромка оформлена диагональным сколом с последующим утончением края. По краям — крутая разнофасеточная регулярная дорсальная ретушь. На поверхности резца обнаружены частицы охры.

Срединный резец выполнен на лыжевидном сколе с микронуклеуса. Размеры $2,72 \times 1,4 \times 0,56$ см. Сырье — красная с зелеными прожилками яшма. Рабочая кромка оформлена парами диагональных снятий, с последующим утончением с дорсала. Вдоль краев — мелкая эпизодическая утилитарная ретушь. Судя по следам, орудие крепилось в круглой рукояти. Изделие неоднократно переоформляли, на острие слабые следы работы по кости.

Крайне сработанный резец с диагонально обломанной рукояточной частью. Размеры фрагмента $2,34 \times 1,3 \times 0,84$ см. Сырье — серовато-зеленый халцедон. Рабочая кромка также оформлялась диагональным сколом с последующим утончением серий микроснятий. По левому краю вентральная стелющаяся разнофасеточная ретушь. Эпизодическая дорсальная мелкая утилитарная ретушь по граням орудия. Характер ретуши указывает на крепление изделия в рукояти.

Диагональный резец на дистальном фрагменте реберчатого скола с микронуклеуса из яшмы темно-вишневого цвета. Размеры $4,0 \times 1,5 \times 1,0$ см. По краям эпизодическая утилитарная ретушь. Рабочая кромка также имеет диагональный резцовый скол с последующим утончением дорсальной стороны дистального конца орудия. На резце выделены линейные следы от строгания кости-рога, по зауженной части — пришлифовка и линейные следы от крепления в рукояти.

Срединный резец на тонком пластинчатом сколе с ныряющим окончанием изготовлен из темно-коричневой яшмы. Поверхность спинки частично патинирована. Размер $3,86 \times 1,74 \times 0,42$ см. В рукояточной части — крутая дорсальная разнофасеточная ретушь по левому краю и мелкая эпизодическая — по правому.

Орудия культурного горизонта 6 при максимальной сработанности изделий (минимальные размеры $1,9 \times 1,15 \times 0,45$ см, максимальные — $3,1 \times 1,18 \times 0,48$ см) демонстрируют схожие с описанными выше технологические приемы в оформлении рабочих кромок: рабочий участок подправлялся пластинчатыми сколами со спинки. Площадкой для этих сколов служило диагональное резцовое снятие. В качестве заготовок выступали проксимальные (2 экз.) или дистальные (2 экз.) фрагменты пластин. У трех орудий рукояточная часть по одному из краев оформлялась дорсальной ретушью. Вентральные поверхности — с эпизодической утилитарной ретушью. Сырье — кремний и роговики черного или серого цвета, приближающиеся по твердости к кремню.

По определению д. г.-м. н. Г. А. Юргенсона, в качестве основного сырья для изготовления резцов выступали горные породы: роговики, кремнь, яшма, халцедон, хрусталь, имеющие показатели твердости от 5,5 до 7 по шкале Мооса. Рассматривая положение резцов в жилищно-хозяйственных комплексах, следует отметить их тяготение во внутреннем пространстве к приочажным зонам или нахождение их рядом с крупными, с уплощенной поверхностью камнями. Своеобразным наглядным примером результата работы резцовыми инструментами выступают изделия, выполненные из различного сырья: кости/рога, скорлупы яиц страусов, мягких пород камня. В частности, это бусинки, фрагменты игл, прокол и лоцил, основой для которых послужили кости животных, а также часть «жезла» из рога северного оленя, поверхность которого украшена художественным орнаментом (Мещерин, Разгильдеева 2002; Разгильдеева 2012: 102–107).

Особую форму резцов Студеного-2, на которой нам хотелось бы сосредоточить внимание в данной статье, представляют собой орудия, изготовленные на толстых пластинчатых сколах, в основном на реберчатых и лыжевидных снятиях — специфических, технологически значимых продуктах расщепления ядрищ. Именно эта форма резцов наиболее ярко характеризует типологический облик каменных индустрий из нескольких культурных слоев стоянки (рис. 5).

В оформлении рабочих участков этих орудий прослежена устойчивая технологическая последовательность расщепления, связанная, по-видимому, с выбором массивных заготовок. Сначала выполнялся вентральный диагональный скол. Потом пришлифовывалась кромка плоскости этого скола в зоне контакта с дорсальной поверхностью. Затем, используя пришлифованную кромку как площадку, с нее производили серию продольных, часто пластинчатых, дорсальных снятий, утончающих заготовку и создающих направляющее ребро для будущих резцовых сколов подживления края. После чего с уже утонченного краевого участка под определенным предыдущей обработкой углом к вентральной поверхности снимался резцовый скол. Назначение этого вида обработки состояло именно в создании максимально контролируемых условий для многократного снятия резцовых сколов с рабочего края под правильным углом к брюшку. Объяснение технологической необходимости утончения прикраевого участка тела резца таково: при стремлении получить оптимальный угол рабочего края (между плоскостью резцового скола и брюшком) из-за массивности заготовки по мере приближения сколов к ее центральной части каждое последующее снятие неизбежно становится шире. Это не только затрудняет контроль направления скалывания (из-за высокой вероятности ныряющего окончания резцового скола), но и ставит под угрозу саму возможность успешного резцового снятия на особо толстых и узких заготовках. Представляется любопытным, что, несмотря на различия в целеполагании и характере подготовки площадки, способом, во многом подобным студенческому, контролировались направление и угол снятия плоских резцовых сколов с ножей костенковского типа в каменных индустриях костенковско-авдеевско-зарайского культурного единства. Такие срединные (некраевые) сколы с ножей костен-

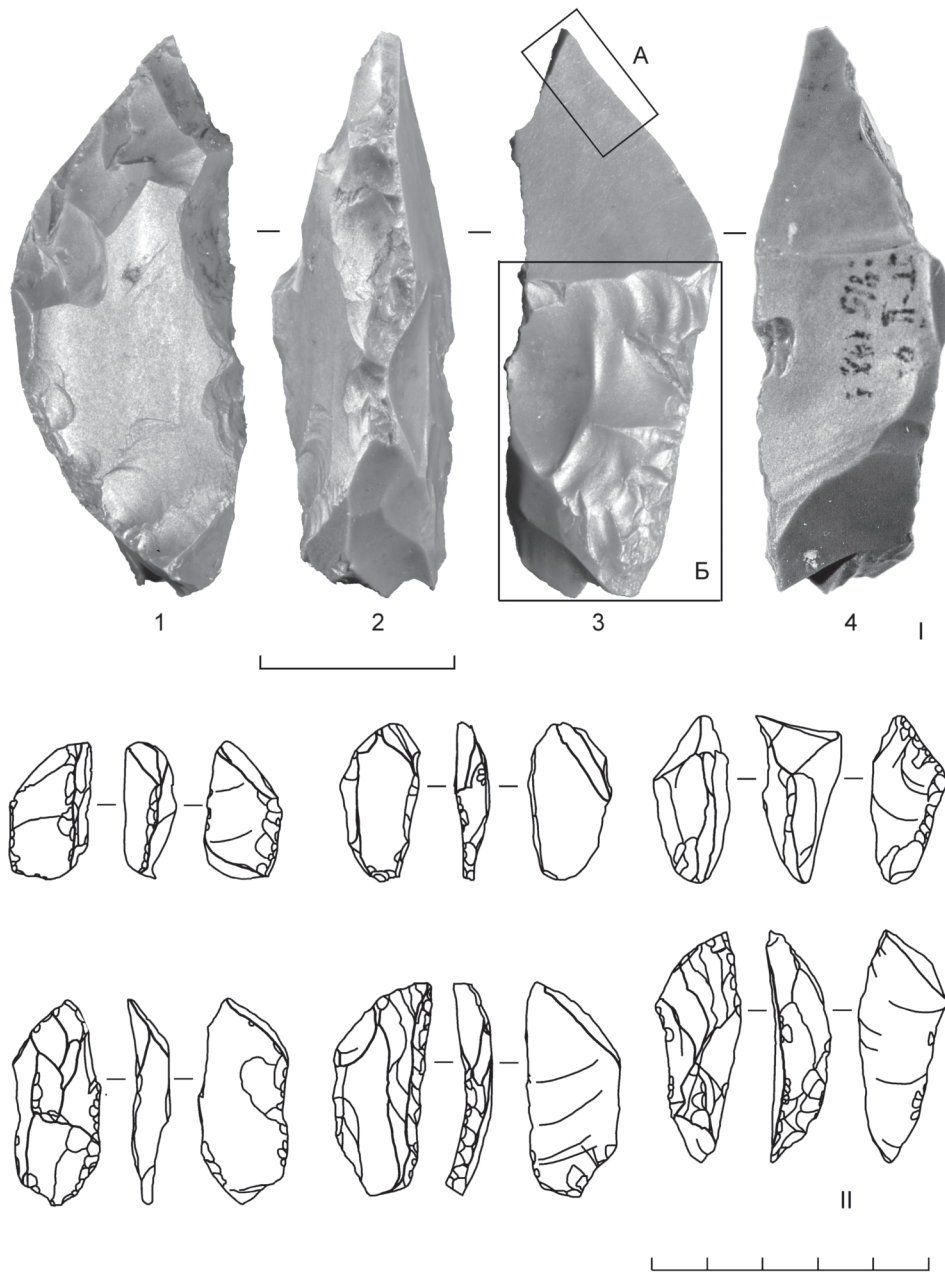

Рис. 5. Диагональные резцы со стоянки Студеное-2, слой 5, Забайкальский край: зона А — место наиболее интенсивного развития следов износа от строгания плотных материалов органического и/или растительного происхождения; зона Б — место наиболее интенсивного развития следов от контакта с рукоятью и неутилитарного износа

ковского типа также иногда именуют «сколы утончения» (Лев и др. 2009: 84). Задачи, решаемые технологией производства ножей костенковского типа, состояли в том, чтобы, с одной стороны, избежать ныряющего окончания скола, с другой — ориентировать резцовое снятие в нужном направлении и под определенным (острым) углом к брюшку заготовки. Разница состоит лишь в том, что при производстве ножей костенковского типа требовалось получить именно плоский резцовый скол.

Как показал трасологический анализ, все резцы Студеного-2 долго находились в работе и неоднократно переоформлялись. В коллекции артефактов была выделена серия апплицируемых между собой резцовых сколов. Орудия сработаны фактически до зоны крепления. На всех резцах выделены следы заполировки от закрепления в рукоятках (роговых или деревянных, возможно, с прокладкой в креплении мягкого материала — кусочка кожи), на рабочих кромках — следы строгания кости и/или рога (рис. 6).

Таким образом, анализ следов изготовления и использования студеновских резцов позволяет реконструировать многократно повторенный комплекс актов древнего поведения, свидетельствующий о неслучайности, культурной нормированности формообразования артефактов данного вида. Заготовки этих орудий выполнены из импортированных издалека пород камня. Их достаточно долго транспортировали, в результате чего они приобрели выразительные следы неутилитарного износа. После закрепления в рукоятках их интенсивно использовали для строгания твердых органических материалов. В ходе использования рабочие участки (боковые резцовые кромки) неоднократно подживляли путем повторения одной и той же, достаточно строго выдержанной последовательности снятий, выполнявшейся, по всей видимости, ручным отжимом. Многократное повторение циклов таких подправок сокращало длину орудий, и их срабатывали вплоть «до рукояток». Факт обнаружения артефактов с описанными признаками в нескольких культурных слоях стоянки Студеное-2 позволяет уверенно констатировать наличие долговременной традиции изготовления и использования артефактов данного типа.

Морфологически изделия с резцовыми сколами стоянки Студеное-2 по ряду признаков подобны резцам из Хороказавы пункт Тома. Прежде всего, и те и другие имеют рабочий край с выразительным комплексом аналогичных следов использования, оформленный резцовым снятием. Кроме того, каждая из двух совокупностей резцов представляет собой единый тип орудия, которое закрепляли в рукояти и использовали в качестве строгального ножа для обработки кости/рога. Однако, исходя из различий в типах заготовок, технологии изготовления и подправки, это орудия различных типов — результаты различных процессов формообразования, отражающие различные культурные нормы.

Изделия с резцовыми сколами из стоянки Костенки 1 (I слой, второй жилой комплекс), имеющиеся в нашем распоряжении, происходят из раскопок А. Н. Рогачева и Н. Д. Праслова 1972–1994 гг. В целом рассматриваемая группа изделий аналогична таковым в Авдеевских и Зарайских стоянках. В данном случае мы считаем существенным отметить, что наличие трех удаленных друг

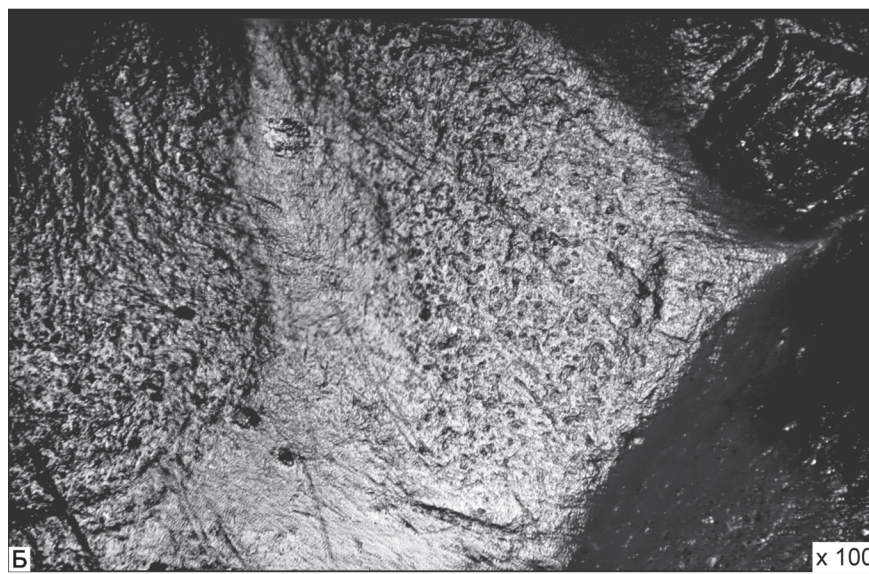
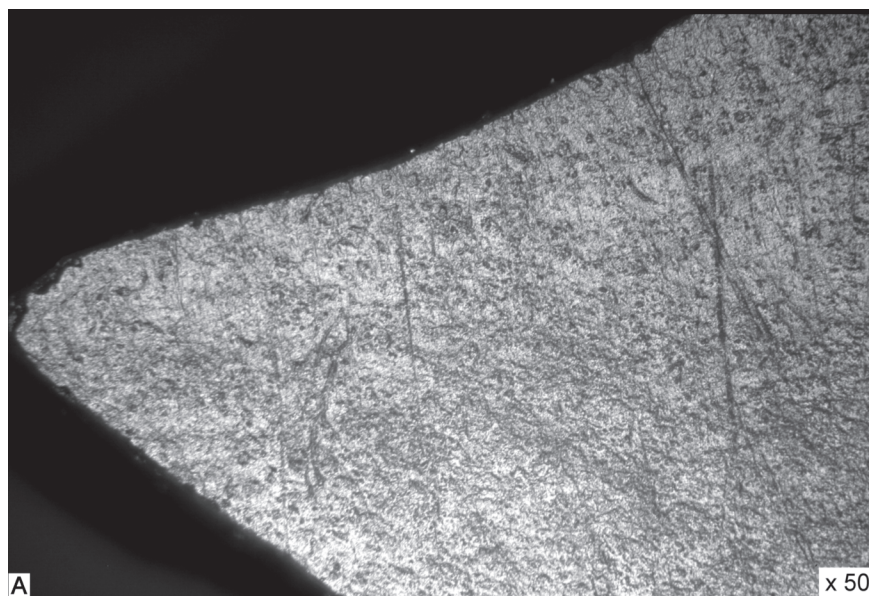

Рис. 6. Следы износа на диагональном разрезе со стоянки Студеное-2, слой 5 (см. рис. 4, 1): А (увеличение $\times 50$) — следы износа на вентральной поверхности в виде заполировки и линейных следов от строгания плотных материалов органического происхождения (кости/рога); Б (увеличение $\times 100$) — следы неутилитарного износа («транспортировки») и рукояточный износ

от друга археологических районов с памятниками, аналогичными Костенкам I (I культурный слой), во многом облегчает путь к достижению достоверных выводов при исследовании каменных индустрий костенковской культуры. Вопросы, решение которых представляется сомнительным при анализе материалов одной индустрии, могут быть проверены на материалах других памятников.

В изучаемой нами костенковской коллекции изделия со следами резцовых сколов представлены весьма значительным числом артефактов — более 300 (включая фрагменты), немало и самих резцовых снятий.

Одной из отличительных черт костенковской культуры является использование двух отдельных технологий производства резцовых снятий — производство простого (прямого) и плоского резцовых сколов. Наряду с простой краевой и отвесной контрударной ретушью, этими двумя приемами расщепления костенковцы создавали различные типы орудий. Какие именно типы, кроме известных костенковских ножей, скребков, наконечников, «резцов» и т. д., входили в полный список костенковских орудий — вопрос далеко не решенный.

Несмотря на значительный срок, прошедший после публикации результатов работ С. А. Семенова, анализ следов обработки и следов использования костенковских «резцов» все еще связан с целым рядом трудностей. Причины этого очевидны — не так просто разобраться в имеющемся разнообразии форм, поскольку ни один из перечисленных видов обработки, взятый сам по себе, не определяет какой-либо единственный тип изделия, а изучение следов использования требует значительного количества времени как для анализа морфологии артефактов, так и для проведения необходимых экспериментов.

В костенковской индустрии следы резцовых снятий обоих видов встречены в сочетании практически со всеми типами орудий. Они присутствуют и на скребках, и на ножах костенковского типа, и на наконечниках с боковой выемкой. Наиболее часто «резцы» встречаются сами по себе — на отщепах и пластинах. Может ли формальная типология оказаться полезным инструментом в процессе поиска и распознавания среди костенковских «резцов» отдельных групп изделий с аналогичным генезисом? Ответ на этот вопрос целиком зависит от системы ценностей отвечающего. Важно понимать, чего мы ждем от классификации, какого рода результат будет принят как удовлетворительный: наиболее подробно составленная опись (перечень) признаков или толкование морфологического подобия артефактов различных форм.

К примеру, грандиозная работа, посвященная описанию и классификации изделий с резцовыми сколами костенковской индустрии, была проделана С. Ю. Львом по материалам Зарайской палеолитической стоянки (Лев 2009: 78–91). Ведя отчет со времен В. А. Городцова (Городцов 1930), на сегодняшний день это наиболее современная и скрупулезно разработанная типологическая классификация «резцов», демонстрирующая строгую иерархичность признаков в сочетании с высоким уровнем их детализации. Выделяется семь непротиворечивых, иерархически структурированных уровней, на последнем из которых резцы подразделяются на 27 устойчивых разновидностей форм, имеющих статистически выдержанные (устойчиво повторяющиеся) пучки

сходных признаков (Лев 2009: 83). В результате выявлено, что в Зарайской стоянке наблюдается большее разнообразие резцов, чем в Костенках и Авдеево. «Специфика материала состоит в том, что, во-первых, есть возможность обоснованного морфологически и статистически более дробного членения резцов двугранных, на углу излома и ретушных. А во-вторых, выявлены специфические для стоянки группы: латеральные, латеральноретушные, с закругленной кромкой и с плоским поперечным сколом (имеющие особый характер кромки). <...> Добавился ряд групп, не выделявшихся прежде на памятниках культуры. Кроме того, удалось расчленить более дробно и традиционные группы» (Там же: 91).

Данная классификация целиком построена на четких морфографических и морфометрических признаках, что не избавляет ее от ряда существенных для нас недостатков. Нет сомнений, что выделенные и положенные в ее основу пучки признаков статистически устойчивы. Однако вместе с С. Ю. Львом мы задаемся вопросом: «Характеризует ли подобное многообразие только Зарайскую стоянку?». Кроме того, дает ли это нам основания рассматривать все 27 типов форм «резцов» как результат 27 типов различных целеполаганий древних обитателей Зарайской стоянки? Уверенности в этом у нас нет.

Как уже упоминалось ранее, автор ясно дает понять, что в расчет берутся только признаки проксимальных частей резцовых кромок, поскольку это — рабочие участки резцов-орудий (почему именно эти части определены как рабочие, остается неясным).

Сконцентрировавшись только на элементах форм, автор уберет себя и классификацию от обвинений в «эклектичности» (Амирханов 2000: 169—170). Однако такая позиция все равно не спасает его от целого ряда дополнительных вопросов. Почему не описываются столь же скрупулезно медиальные и дистальные части следов резцовых снятий? Почему анализируются «лишь формообразующие элементы», а общая форма орудий «контур, абрис всего предмета» (Лев 2009: 83) не берется в расчет? Остается неясным, почему все-таки плоские резцовые сколы на зарайских ножах костенковского типа остались за рамками данной классификации?

Следует признать, что «нож костенковского типа» — собирательное понятие. Именно благодаря множеству составляющих его элементов и знанию технологического контекста, эти орудия опознаются и выделяются нами в коллекции, даже если на них нет плоских резцовых сколов. Можем ли мы сказать то же самое про «простые резцы»? Есть ли у нас основания выделять формы «резцов» без следов резцовых сколов?

В костенковской индустрии плоские резцовые сколы — средство приострения края на пластинах-орудиях (ножах различного назначения). В подавляющем большинстве случаев этот вид обработки применялся после ретуши рабочего края, тогда, когда дальнейшее ретуширование уже не заостряло, а затупляло рабочий край. Т. е., и ретушь, и плоский резцовый скол в определенных условиях имели одно и то же назначение — приострение рабочего края. Кроме того, есть основания полагать, что плоский резцовый скол костенковцы ис-

пользовали не только для «подживления» рабочих участков ножей костенковского типа: таким же образом обрабатывали и иные орудия (Гиря, Ресино-Леон 2002: 185). При рассмотрении костенковской технологии расщепления в целом нетрудно заметить ее специфичность — некую общую направленность на производство и использование рабочих краев, созданных одним пластинчатым снятием. Таковы сами по себе пластины, имеющие прямые и острые продольные края, рабочие участки ножей костенковского типа, подправленные плоскими резцовыми сколами. Рабочие лезвия пластинок с притупленным краем также представляют собой «чистый» край пластинки-заготовки (эти изделия иногда ретушировали на концах, но исключительно в тех случаях, когда заготовка была изогнута и требовалось выпрямить линию лезвия). Даже для наконечников с боковой выемкой подбирали такие пластины-заготовки, внешний (противопоставленный выемке) продольный край которых не нуждался в интенсивном ретушировании. Т. е. идея «чистого» края пластины как желаемого изначального (исходного, до последующих подправок) рабочего края орудия просматривается в формообразовании многих типов костенковских орудий.

До выяснения действительных обстоятельств в качестве рабочей гипотезы вполне резонно предположить, что, наряду с ретушной обработкой и плоскими резцовыми сколами, в костенковской индустрии так же целенаправленно производились простые (прямые) резцовые сколы, назначение которых состояло в притуплении края. В каких целях делалось это притупление? Формировало ли оно обушковые части орудий или, напротив, устойчивые к воздействию плотных материалов рабочие кромки покажет будущее. Упомянувшиеся выше следы износа, обнаруженные и описанные С. А. Семеновым для резцов из первого жилого комплекса Костенок 1 (I слой), в материалах новой коллекции пока не найдены. Остается лишь надеяться, что в будущем нам удастся обнаружить корреляции следов использования и следов обработки, необходимые для выделения различных групп изделий данной индустрии и понимания их морфологии.

Следует признать, что на сегодняшний день из всей совокупности резцовых форм новой костенковской коллекции в какой-то мере систематически изучены лишь ножи костенковского типа (рис. 7). Только для этой группы морфологически различных изделий установлена общая логика формообразования, реконструированная на основе общности технологического контекста и неоднократно повторяющихся (статистически устойчивых) корреляциях следов производства, использования и подправки рабочего края, т. е. понята и описана морфология этих орудий. Данное понимание (толкование) морфологии используется нами в качестве единого основания для выделения группы «ножей» из общей совокупности изделий с резцовыми сколами. Оно же является причиной отнесения к данной группе изделий без следов резцовых снятий. Экспериментально-трактологическое изучение костенковских ножей на данном этапе нельзя считать завершенным. Предстоит выяснить отдельные детали использования и подправки лезвий, более конкретно установить их функции, сравнить износ на ножах и краевых (плоских резцовых) сколах с них

и т. д. Еще больший объем работ предстоит проделать с теми разновидностями изделий с резцовыми снятиями, которые в группу ножей не вошли. Отдельные шаги в указанном направлении уже предприняты нами.

Утверждение, что костенковская технология производства крупных пластин — одна из самых совершенных среди всех известных нам верхнепалеолитических индустрий Восточной Европы, не требует особых доказательств или объяснений. Она также является одной из самых сложных по количеству и составу применяемых в ней приемов подготовки нуклеусов к успешному получению серий пластин и исправления ошибок расщепления (Гирия 1997: 128, 162–183). Даная технология предполагает очень тщательную индивидуальную подготовку перед снятием каждой пластины, включающую использование изолирования, редуцирования, абразивной обработки и освобождения площадки в зоне приложения усилия до снятия пластины с нуклеуса. В тех случаях, когда все перечисленные приемы подготовки зоны расщепления использовали одновременно, на нуклеусе формировалась выпуклая пришлифованная «площадка в виде шпоры».

Представляется любопытным, что при производстве сколов подправки («подживления») на ножах костенковского типа зоны расщепления готовили так же, как и для получения крупных пластин. Т. е., контроль места и направления пластинчатых снятий с площадки ножа был столь же важен, как и при расщеплении нуклеусов. Технология при этом использовалась та же. Разница состояла лишь в том, что при снятии плоских резцовых сколов и срединных сколов «уплощения» с ножей готовили очень мелкие зоны расщепления, иногда имевшие вид «микрошпор» (рис. 7, В–Д).

Еще больший интерес вызывает факт, что указанные виды подготовки использовали и при производстве простых (прямых) резцовых снятий. Косвенно это свидетельствует о том, что древних костенковцев интересовала не только форма проксимального края простого резцового снятия, но и иные параметры будущих резцовых сколов, такие как длина, толщина, ширина, угол по отношению к брюшку или спинке и т. д. Т. е. производству простых резцовых снятий костенковцы уделяли столько же внимания, сколько и сколам с ножей костенковского типа. Вне зависимости от того, в какой плоскости планировалось резцовое или пластинчатое снятие, каким образом оно изменяло край пластины-ядрища (приостряло или притупляло), его будущее положение контролировали одинаково тщательно. Все типы удлиненных снятий с пластин-ядрищ производили с помощью ударной техники скола — отбойником (или посредником?).

Анализ изложенных наблюдений привел нас к мысли, что рассматриваемые нами изделия с резцовыми сколами — это нуклеусы. А сами резцовые снятия — цель расщепления или одна из таковых. Для проверки данной гипотезы мы обратились к исследованию огранки дорсальных поверхностей резцовых сколов. Оказалось, что большинство из них (как и большинство плоских краевых сколов с ножей костенковского типа) сняты с ретушированных краев пластин, причем данная ретушь перекрывается следами использования, т. е. не

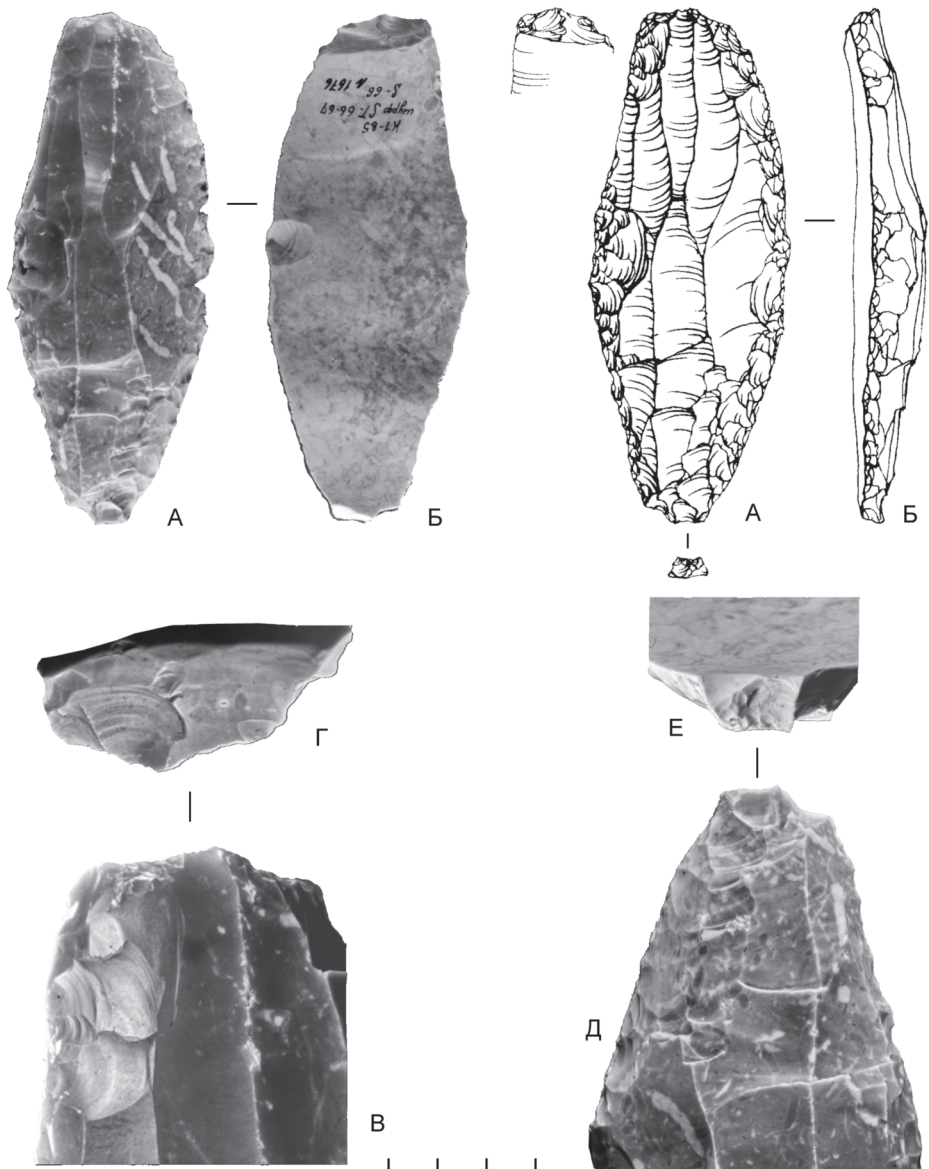

Рис. 7. Нож костенковского типа из второго жилого комплекса стоянки Костенки 1 (I культурный слой)

имеет отношения к подготовке поверхности скалывания для снятия данного резцового скола. Иными словами — это сколы переоформления краев каких-то ранее отретушированных и использованных в работе орудий. С «чистых», неретушированных краев пластин резцовые сколы снимали достаточно редко, причем подавляющая часть этих пластин уже была в работе. Еще реже ретушью обрабатывался край с уже снятым резцовым сколом. Т. е. нам не удалось обнаружить практически никаких следов использования неретушированных и неиспользованных пластин в качестве исходных форм для снятия резцовых сколов.

Общее количество резцовых сколов в каждой из выделенных групп таково:

Сколы с остатками ретушированного края пластины и следами износа (первичные и вторичные)	137 шт.
Вторичные резцовые сколы без следов последующей обработки	81 шт.
Вторичные резцовые сколы со следами последующей краевой ретуши	10 шт.
Сколы с остатками неретушированных краев пластин и следами износа (первичные и вторичные)	37 шт.

В ходе трасологического исследования простых резцовых сколов было выделено 11 изделий со следами ретуширования дистального конца — острий на резцовых сколах (рис. 8). На кончиках острий обнаружены следы специфического вида использования. По характеру огранки дорсальных поверхностей резцовых сколов-заготовок эти орудия распределяются следующим образом:

Сколы с остатками ретушированного края пластины и следами износа (первичные и вторичные)	8 шт.
Вторичные резцовые сколы без следов последующей обработки	2 шт.
Сколы с остатками неретушированных краев пластин и следами износа	1 шт.

Сопоставление этих данных показывает, что для производства острий использовали резцовые сколы-заготовки любого типа, без каких-либо предпочтений. Обнаружение данного вида орудий в костенковской индустрии не было полной неожиданностью. Одно из таких орудий было выделено и описано С. Ю. Львом в материалах Зарайской стоянки (Лев 2009: 104). Специальный просмотр зарайских резцовых сколов позволил выделить дополнительное количество аналогичных изделий. Таким образом было получено подтверждение систематического производства острий на резцовых сколах в каменных индустриях костенковско-авдеевско-зарайского культурного единства.

Как уже указывалось ранее, никаких предпочтений в выборе формы резцовых сколов-заготовок при производстве данного типа острий в материалах как костенковской, так и зарайской стоянок не обнаружено. Отсутствует также и какая-либо специфика в ретушировании дистального (рабочего) конца острия. Общим для всех выделенных орудий являются тип скола-заготовки и наличие очень мелкой ретуши на дистальных концах. Чаще всего эта ретушь не формирует тонкое, специально выделенное жало орудия, она следует направлению

Рис. 8. Острие на вторичном резцовом сколе из второго жилого комплекса стоянки Костенки I (I культурный слой)

заострения скола-заготовки. Кончики обычно трехгранные. Ретушь скорее укрепляет их, притупляет острые края, удаляя наиболее тонкие (хрупкие) участки. Последнее вполне согласуется с интерпретацией следов износа, обнаруженного на дистальных концах этих орудий.

Износ рабочих концов состоит в покрывающей все грани и ребра кончика острия яркой интенсивной заполировке с выраженной продольной направленностью (рис. 9). Глубина распространения заполировки — от 1–2 до 3–4 мм, считая от кончика. По характеру размещения на микро- и макрорельефе поверхности более всего эта заполировка похожа на износ от контакта с деревом. Слегка оглаживая рельеф, она образует достаточно большие яркие пятна на высоких, выступающих участках. В менее развитом виде она проникает во все широкие и пологие участки рельефа, но полностью отсутствует в глубине мелких или узких депрессий. Кромка края также оглажена, выступающие участки скруглены, но не выровнены. Сопровождающие эту заполировку линейные следы представляют собой однонаправленные, параллельные продольной оси острия тонкие короткие царапины с ровными гладкими краями. Кроме линейных следов на кинематику орудия указывает и совпадающая с ними «направленность» самой заполировки, выраженная в нерегулярной волнистости поверхности кремневого геля на участках его наибольшего развития. На некоторых остриях удается также проследить специфического вида микровыкрошенность в виде плоских фасеток с широким неконическим началом, они перекрываются заполировкой и аналогичны широко известному «язычковому излому» концов орудий с проникающими функциями (рис. 9). Весь комплекс следов указывает на то, что данные орудия многократно втыкали (без оборота) на небольшую глубину в относительно твердый материал, скорее всего, растительного происхождения (дерево?).

По причине незавершенности экспериментальных работ полного понимания данных следов пока достичь не удалось. Однако, по устному сообщению А. М. Родионова, в ходе его экспериментов, связанных с изучением каменных орудий Костенок 11 (1а слой), ему удалось получить аналогичные следы на орудиях, использовавшихся для прокалывания шкуры, лежащей на деревянной основе, что обеспечивает точную и безопасную работу, гарантирует производство мелких регулярных отверстий при прокалывании тонких шкур.

Вне зависимости от точности определений контактного материала и причин происхождения данного износа у нас есть все основания констатировать аналогичность в его расположении (на ретушированном конце) и характере изменения исходного микрорельефа поверхности кремня на многих орудиях. На основании особенностей износа и по месту его расположения прослеживается неслучайная, устойчивая взаимосвязь нескольких элементов (вида заготовки, следов обработки и следов использования). Установление этой корреляции свидетельствует о неоднократном повторении актов некоей сложной (многокомпонентной) деятельности древних костенковцев, воплотившейся в данном формообразовании. Таким образом, острия на резцовых сколах являются аналогичными формами изделий. Их морфология объясняется аналогичными

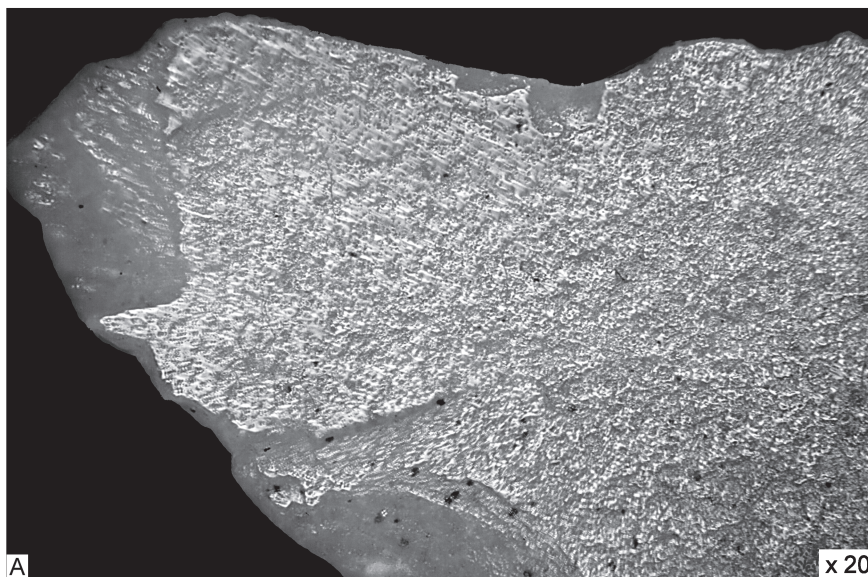

Рис. 9. Следы использования на острие на резцовом сколе из второго жилого комплекса стоянки Костенки I (I культурный слой): А и Б — увеличение $\times 20$

видами деятельности, т. е. они представляют собой действительный, характерный для костенковской культуры тип орудия.

Следовательно, какую-то часть костенковских изделий с простыми резцовыми сколами необходимо признать нуклеусами. Судя по имеющимся у нас данным, скорее всего, эта совокупность изделий может так и остаться неопределенной. Являясь нуклеусами (по отношению к остриям), эти же изделия могли иметь и иные морфологические значения (рабочие кромки, обушки, приспособление насада под рукоять и т. д.).

Суммируя беглый обзор костенковских изделий с резцовыми снятиями, мы можем констатировать их значительное отличие от резцов в индустриях стоянок Хороказава пункт Тома и Студеное-2.

Анализ изделий из коллекций всех трех стоянок демонстрирует различное морфологическое значение резцовых снятий как одного из видов «вторичной» обработки каменных орудий. Без установления морфологического значения целых форм каменных орудий или их элементов сравнение форм «резцов» может привести к ошибочным выводам. По тем же причинам, по каким «форма без контекста» не равна «форме из контекста», даже если эти формы максимально близки (Гиря 1997: 64), иконографически, морфографически или морфометрически близкие изделия, являющиеся результатом различных причин формообразования, не должны автоматически рассматриваться как одноплановые, подлежащие анализу внутри какой-либо единой совокупности. Этнографические аналогии, здравый смысл и даже знание археологических материалов из иных индустрий могут быть полезны только лишь как источники возможных гипотез. Толкование аналогичных форм из конкретных коллекций, объяснение их морфологии может быть осуществлено только конкретными экспериментально-трасологическими исследованиями, путем изучения конкретных следов обработки и следов использования, через описание ряда технологических и/или функциональных потребностей.

Амирханов 2000 — *Амирханов Х. А.* Зарайская стоянка. М., 2000.

Гиря 1997 — *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий (Методика микромакронализа древних орудий труда. Ч. 2). СПб., 1997.

Гиря 2004 — *Гиря Е. Ю.* Глава 7. Трасологический анализ среднепалеолитических кремневых артефактов слоя В Буран-Каи-III // Грот Буран-Кая-III, слой В — эталонный памятник кииккобинского типа индустрии крымской микокской традиции: Комплексный анализ кремневых артефактов. Киев; Симферополь, 2004. С. 203–219.

Гиря, Ресино-Леон 2002 — *Гиря Е. Ю., Ресино-Леон А. С. А.* Семенов, Костенки, палеолитоведение // АВ. 2002. № 9. С. 173–190.

Городцов 1930 — *Городцов В. А.* Техника и типологическая классификация кремневых резцов Супоневской и Тимоновской палеолитических стоянок из раскопок 1928 и 1929 годов // Техника обработки камня и металла. М., 1930. С. 15–43.

Кимура 2012 — *Кимура Х.* Расшифровка «Кода Ширатаки». Археологические исследования памятника — источника обсидиана. Результаты раскопок пункта Тома палеолитической стоянки Хороказава, о. Хоккайдо, Япония. Токио, 2012 (на яп. яз.)

Константинов и др. 2003 — Константинов М. В., Константинов А. В., Васильев С. Г., Екимова Л. В., Разгильдеева И. И. Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью: Путеводитель полевой экскурсии международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки». Чита, 2003.

Лев 2009 — Лев С. Ю. Каменный инвентарь Зарайской стоянки (типологический аспект) // Исследования палеолита в Зарайске, 1999–2005. М., 2009. С. 37–185.

Лев и др. 2009 — Лев С. Ю., Кларик Л., Гиря Е. Ю. О причинах разнообразия форм ножей костенковского типа // Российская археология. 2009. № 4. С. 81–92.

Мещерин, Разгильдеева 2002 — Мещерин М. Н., Разгильдеева И. И. О находках произведений искусства «малых форм» на палеолитическом поселении Студеное-2 // История и культура Востока Азии: Материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 2002. Т. 2. С. 116–120.

Мороз 2008 — Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западно-го Забайкалья (по материалам стоянок Усть-Мензинского района): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

Разгильдеева 2012 — Разгильдеева И. И. Поселение Студеное-2 (Западное Забайкалье): палеолитический комплекс 6-го культурного горизонта // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы III Междунар. науч. конф. (Улан-Батор, 05–09 сентября 2012 г.). Улан-Батор, 2012. Вып. 3, т. 1. С. 102–107.

Семенов 1957 — Семенов С. А. Первобытная техника. М.; Л., 1957.

Филиппов 1983 — Филиппов А. К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 9–71.

Inizan et al. 1999 — Inizan M.-L., Reduron-Ballinger M., Roche H., Tixier J. «Technology and Terminology of Knapped Stone» followed by a multilingual vocabulary (Arabic, English, French, German, Greek, Italian, Portuguese, Spanish) / Translated by J. Feblot-Augustins. Nanterre, 1999 (Préhistoire de la Pierre Taillée. 5).

**DIVERSITY OF MORPHOLOGICAL TRAITS
OF PIECES WITH BURIN FACETS.
BURINS FROM THE SITES OF HOROKOZAWA
(TOMA LOCALITY), STUDENOYE 2 AND KOSTENKI 1**

E. Yu. Girya, Kimura Hideaki, I. I. Razgildeeva

In the middle of the last century, the founder of the traceological method S. A. Semenov noted that tool elements formed by burin blows had different functions in different lithic industries. Burin blows served to form the working edges of tools employed in planing or grooving; the same technique could have been used for shaping the working ends of drills. In terms of morphology, ‘burins’ — pieces with burin facets — can be interpreted in different ways. Artefacts with ‘burin’ facets are usually included into the category of ‘burins’. In accordance with a tacit tradition, they are often considered as a distinct group of tools, alongside with points, scrapers, borers etc. Cutting of slots in bone, antler, ivory or wood is believed to have been the main function of burins as tools. This paper presents the results of the study of pieces with burin facets from three different sites dated to the Late Palaeolithic: Horokazawa Toma (Hokkaido Island, Japan), Studenoye 2 (Trans-Baikal region, Russia), and Kostenki 1, layer 1, second habitation unit (Middle Don, Russia). The burins from Horokazawa and

Studenoye 2 were chosen as very rare, almost unique examples of a recurrent correspondence between the tool forms, character of use-wear traces, and traces of manufacture. The Kostenki burin-like tools, on the contrary, are extremely diverse. They are represented by a wide range of forms lacking any common technological context or specific use-wear traces. In their manufacturing, two different technologies were employed. In addition, their examination has shown that some of the burin spalls served as blanks for producing points of a special type. Hence, from the technological standpoint, the pieces with burin facets, corresponding to them, should be considered as cores. The analysis of pieces with burin facets from the three sites has shown that morphologically and morphometrically similar artefacts could have been produced with different purposes in mind and should be neither automatically ascribed to the same category nor analysed as constituents of a single assemblage. The interpretation of analogous forms from different collections and explanation of their morphology is possible only on the basis of special experimental and use-wear studies.

ОХОТНИЧЬИ КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ПОДЕСЕНЬЯ

Г. В. ГРИГОРЬЕВА

На верхнепалеолитических памятниках Подесенья найдены многочисленные костяные изделия, позволяющие решать вопросы культурной и хронологической принадлежности этих древних поселений. В деснинских памятниках основным сырьем для изготовления костяных поделок являлся бивень, хотя собственно кости использовали тоже широко. Значительно меньше предметов из рога. Вязкость, расслаиваемость и вместе с тем плотность бивня требовали определенных навыков при обработке. Для изготовления различных изделий, как можно судить по сохранившимся заготовкам, употребляли чаще верхние концы и средние части бивней.

Что касается охотничьих орудий, то среди них преобладали наконечники, представляющие собой гладкие стержни разной величины и сечения, заостренные или зауженные на одном конце и с различными основаниями для закреплению — на другом конце. Наряду с наконечниками веретенообразной формы имеются стержневидные наконечники и мелкие стрелки.

Выразительные наконечники обнаружены на стоянках Хотылево 2, Мезин, Межирич, Юдиново.

Серия наконечников представлена в Хотылево 2. Этот памятник, открытый в 1966 г. Ф. М. Заверняевым, расположен в 10 км северо-западнее г. Брянска. Среди наконечников есть орнаментированные и неорнаментированные экземпляры (Заверняев 1981; 1987). Всего, по данным Г. А. Хлопачева, насчитывается 14 наконечников вместе с фрагментами. Среди них имеются наконечники дротиков и мелкие стрелки (Хлопачев 2006). Наконечники дротиков веретенообразной формы с черешками и без черешков. У отдельных экземпляров прорезаны пазы.

Среди орнаментированных наконечников выделяется один целый экземпляр с заостренным концом и основанием, оформленным несколькими сколами; $\frac{2}{3}$ поверхности наконечника украшено резным орнаментом (Гаврилов 2008: рис. 123, 2). На поверхности выделен продольный выступ, ограниченный с обеих сторон неглубокими желобками. На поверхности выступа прорезаны нерегулярные одинарные, двойные и перекрещивающиеся линии, в желобках прорезаны косые черточки. Орнаментированная поверхность наконечника разделена на горизонтальные зоны. В верхней части наконечника орнаментированные зоны чередуются с неорнаментированными. Внутри орнаментированных зон прорезаны треугольники и косые черточки. В верхней части наконечника горизонтальные зоны более узкие, а в нижней — более широкие. В нижней части наконечника более широкие зоны чередуются с более узкими. Более широкие зоны заполнены прорезанными вертикальными линиями, а более узкие зоны — пересекающимися и косыми линиями.

Среди наконечников с пазами выделяется двухпазовый экземпляр с конусовидным острием и обломанным основанием. Почти половина поверхности наконечника орнаментирована. Части, примыкающие к острию и основанию, оставлены без орнамента (Там же: рис. 123, 3). Орнаментированная часть поверхности разделена на горизонтальные зоны с рядами треугольных насечек, напоминающих зигзаги. Орнаментированные зоны чередуются с неорнаментированными.

Выделяются орнаментом и сохранившиеся фрагменты наконечников. Среди них фрагмент с обломанным острием и зауженным сколами основанием. Вся его поверхность покрыта точечным бессистемным орнаментом (Там же: рис. 123, 8).

Имеется фрагмент наконечника с обломанными концами, поверхность которого украшена горизонтальными зигзагами (Там же: рис. 123, 9).

Отличается орнаментом небольшой фрагмент наконечника с выпуклым основанием. На его поверхности прорезаны две сохранившиеся группы горизонтальных зон и частично третья зона (Там же: рис. 123, 5). Нижняя группа у основания состоит из пяти орнаментированных и четырех неорнаментированных зон. Следующая группа представлена тремя орнаментированными и двумя неорнаментированными зонами. Орнамент внутри зон в виде насечек. Орнаментированные зоны чередуются с неорнаментированными.

Кроме наконечников дротиков в Хотылево 2 имеются стержневидно-удлиненные наконечники с приостренным верхним концом и слегка зауженным конусовидным основанием (Там же: рис. 127, 7). Отдельную разновидность составляют мелкие миниатюрные стрелки (Там же: рис. 127, 6).

Итак, для Хотылева 2 характерны три категории наконечников: дротики, стержневидно-удлиненные и мелкие стрелки. Хотылевские наконечники выделяются не только оригинальностью геометрического орнамента, а и многообразием композиций из простых геометрических элементов.

Близки к хотылевским наконечники Мезинской стоянки, расположенной на высоком правом берегу р. Десна в с. Мезин Черниговской обл.

Наконечники Мезина изготовлены из бивней мамонтов. В публикациях И. Г. Шовкопляс упоминает лишь об одном целом наконечнике, остальные представлены фрагментами (Шовкопляс 1965: 207–208). Целый наконечник имеет веретенообразную форму с заостренным верхним концом и конусовидным основанием. На двух противоположных сторонах наконечника прорезаны неглубокие пазы, поверхность тщательно обработана (Там же: рис. XLV, 2). Другой наконечник — с обломанным основанием — обработан не до конца (Там же: рис. XLV, 3). У острия он слегка заужен, обломанное основание выделено, но не оформлено полностью. Прорезанный паз тоже не обработан до конца.

Среди фрагментов представлены три обломка от одного наконечника с пазами, половина наконечника с наверхием и прорезанными пазами и небольшие обломки с пазами. И. Г. Шовкопляс отнес к наконечникам и стержень, округлый в сечении с конусовидным верхним концом (Там же: рис. XLV, 4–7).

Среди других разновидностей наконечников, возможно, следует отметить два изделия ланцетовидной формы (по И. Г. Шовкоплясу, наконечники маленьких дротиков) длиной 6–7 см и сечением в средней части 0,8 см, с заостренными концами (Там же: рис. XLV, 8–9). П. И. Борисковский рассматривал эти предметы как простейшие, наиболее примитивные рыболовные приспособления (Борисковский 1953: 274).

Итак, для Мезина характерны веретенообразные наконечники, многие из них с пазами, неорнаментированные.

Серия наконечников представлена и на стоянке Межиричи, расположенной в с. Межирич Черкасской обл., в междуречье р. Рось и ее притока Росавы. По данным И. Г. Пидопличко, в Межиричах найдено 8 фрагментов костяных наконечников (Пидопличко 1976: 169–173). Наконечники удлиненно-стержневидной формы, с острыми верхними концами, где они сохранились, и зауженными, конусовидными основаниями. Среди наконечников 6 более крупных и 2 поменьше. Кроме того, обнаружены 3 обломка от одного копья (обломков концов среди них нет). Полная длина копья, по мнению И. Г. Пидопличко, могла достигать 1,5 м (Там же: рис. 60, 1).

Наконечники Межиричей выделяются удлиненно-стержневидными формами.

Фрагменты наконечников встречаются и на стоянке Гонцы, которая находится на правом берегу р. Удай, притока р. Сулы. Среди костяных изделий выделены фрагменты стержней из бивня мамонта, которые, по всей вероятности, являлись частями наконечников (Борисковский 1953: 323; Ефименко 1953: 554).

В Елисеевичах I, расположенных на правом берегу р. Судость, в 30 км севернее Почепа, найдены стержни из бивня мамонта, обломанные с одного или обоих концов, которые, возможно, тоже являлись наконечниками (Поликарпович 1968: 109; Хлопачев 2006).

Наконечники перечисленных деснинских верхнепалеолитических памятников разнообразны по формам и размерам, что, вероятно, связано с охотой на различных животных.

Среди деснинских памятников выделяется крупное поселение охотников на мамонтов Юдиново. Памятник расположен на правом берегу р. Судость, правого притока р. Десна, в 18 км выше по течению от районного центра Погар Брянской обл., на юго-западной окраине с. Юдиново.

В Юдиново собраны богатейшие коллекции каменных и костяных изделий, насчитывающие десятки тысяч предметов. Собрание наконечников из бивня мамонта до 2003 г. насчитывало более 1000 экземпляров вместе с фрагментами (Абрамова и др. 1997; Григорьева 2012).

Среди наконечников имеются веретенообразные разных размеров и удлиненно-стержневые дротики, мелкие стрелки.

Веретенообразных наконечников дротиков более 100 экз. с учетом фрагментов (рис. 1, 1–2, 11–13). Длина их — 15–37 см, диаметр сечения — 1,5–1,9 см. Навершия наконечников разные: овально-утолщенные, зауженно-уплощенные, конусовидные. Основания конусовидные, зауженно-овальные, с череш-

ком, иногда только намеченным черешком, скошенные сколами, слегка зауженные и надрезанные, а затем обломанные. Поверхность у большинства наконечников хорошо обработана, заглажена; отдельные наконечники имеют один или два прорезанных паза, в основном неглубоких.

В 2011 г. в Юдиново найден однопазовый наконечник с двумя кремневыми пластинками-вкладышами. Один вкладыш частично был в пазу, а другой, сломанный, лежал рядом. Сейчас наконечник находится в Кунсткамере на реставрации.

Особо следует выделить орнаментированные наконечники, на поверхности которых имеется гравировка в виде сетки из ромбов, единичных ромбов, горизонтальных зигзагов (Григорьева 2012: рис. 1, 3; 2, 1–2; 3, 1–2). У отдельных наконечников созданы композиции из простых геометрических элементов: зигзагов, коротких пересекающихся линий.

Целых наконечников дротиков найдено немного, около десятка. Среди фрагментов преобладают основания и средние части, верхних концов значительно меньше.

Отдельную группу составляют удлинено-стержневидные наконечники дротиков — более 850 экз. вместе с фрагментами. Это тонкие удлинённые стержни длиной 10–15 см, сечением 0,5–0,7 см (рис. 1, 3–10). Верхние концы у них острые или слегка приостренные, зауженно-овальные, конусовидные. Основания слегка зауженные, с черешком или намеченным черешком, подрезанные по окружности и обломанные. У единственного наконечника верхний конец сломан, а основание расщеплено (Григорьева 2012: рис. 4, 3). Трудно судить, сделано ли это расщепление преднамеренно, или это результат высыхания бивня.

Среди стержневых наконечников есть и экземпляры с резным орнаментом: с сеткой из ромбов по всей поверхности, за исключением участков у острия и основания, горизонтальными зигзагами, удлинёнными ромбами, расположенными вертикально по длине наконечника, чередованием ромбов и зигзагов (Там же: рис. 4, 2, 4–5).

Значительно меньше найдено пока в Юдиново стрелок — 30 экз. Среди них преобладают целые, длина их 1,5–8,5 см, сечение 0,4–1,2 см. Имеются изящные маленькие и толстые, массивные стрелки (рис. 1, 14–16; Григорьева 2012: рис. 5, 1–10). Верхние концы их приостренные, зауженно-овальные, конусовидные. Основания с выделенным либо только намеченным черешком, слегка зауженные и обрезанные, некоторые заужены у основания, надрезаны по окружности и обломаны.

На поверхности единичных стрелок имеется гравировка в виде единичных ромбов. У одной стрелки прорезан паз (Там же: рис. 5, 6), другой паз только намечен. Поверхность у стрелок менее обработана, чем у дротиков, местами она шероховатая, бугристая, местами сохранились следы от сколов.

Обилие и разнообразие наконечников в Юдиново, наличие их в других памятниках Подесенья является свидетельством развитого охотничьего хозяйства. Охота была основным источником существования людей, снабжая их пищей,

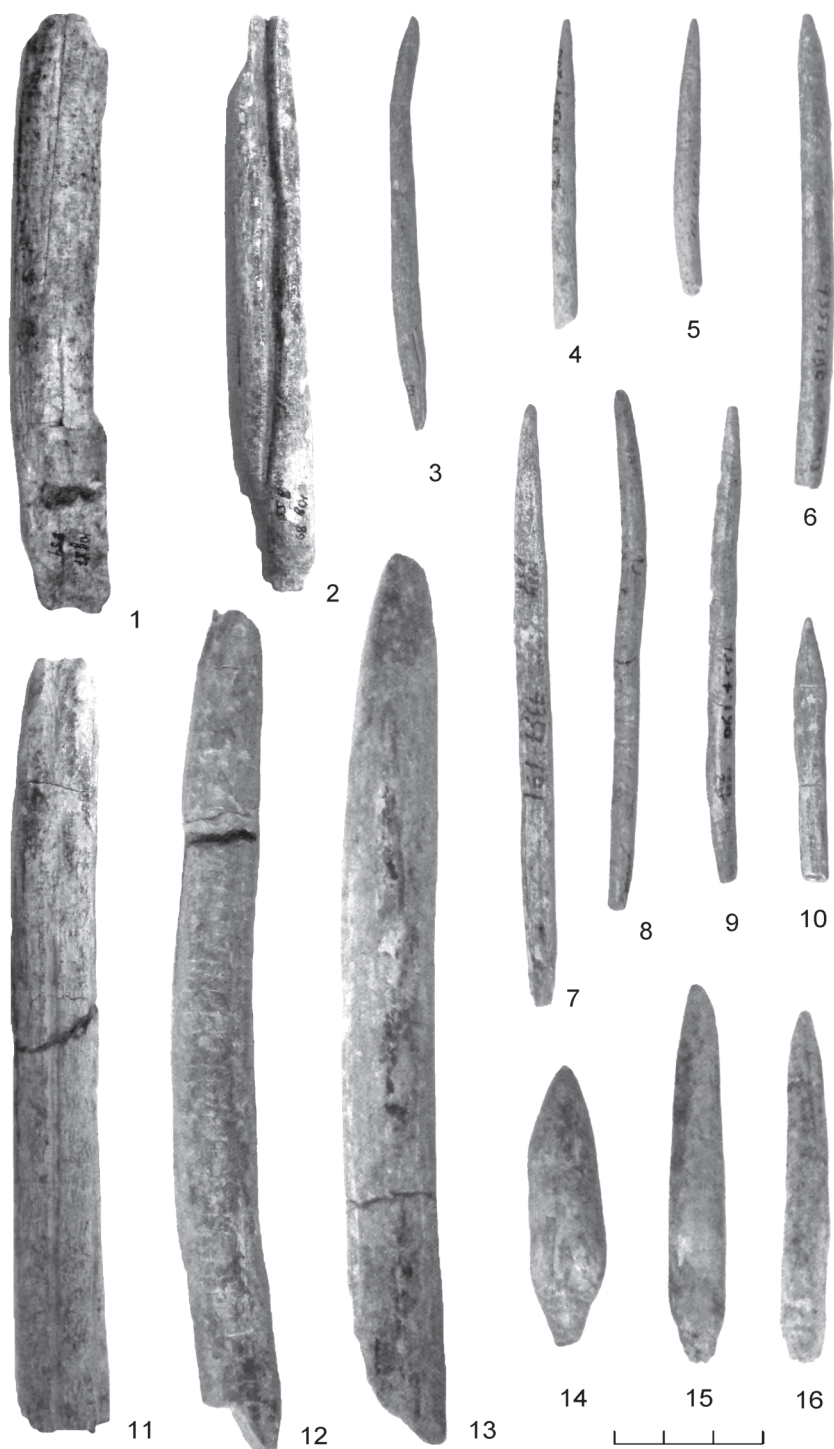

Рис. 1. Юдиново, костяные наконечники:
1-2, 11-13 — веретенообразные; 3-10 — стержневидные; 14-16 — стрелки

одеждой, материалами для строительства жилищ, сырьем для изготовления хозяйственно-бытовых предметов и орудий, топливом. В суровых климатических условиях охота обеспечивала древних людей всем необходимым.

Наконечники верхнепалеолитических памятников Подесенья объединяет сырье, из которого они изготовлены, — бивни мамонтов. Вместе с тем в каждом из отмеченных памятников наконечники различаются по размерам, оформлению поверхности, расположению орнамента (по всей поверхности либо только на отдельных участках). Основу орнамента составляют простые геометрические фигуры: ромбы, зигзаги, линии, штрихи; чередование зон и композиций из этих фигур. Изготовление наконечников требовало тщательной обработки. Разновидности наконечников отражают культурные особенности каждого из деснинских памятников.

Абрамова и др. 1997 — *Абрамова З. А., Григорьева Г. В., Кристенсен М.* Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. СПб., 1997. Вып. 2.

Борисковский 1953 — *Борисковский П. И.* Палеолит Украины. М.; Л., 1953 (МИА. № 40).

Гаврилов 2008 — *Гаврилов К. Н.* Верхнепалеолитическая стоянка Хотылево 2. М., 2008.

Григорьева 2012 — *Григорьева Г. В.* Костяные наконечники верхнепалеолитического поселения Юдиново // *Человек в истории и культуре.* Одесса, 2012. Вып. 2. С. 167–174.

Ефименко 1953 — *Ефименко П. П.* Первобытное общество. Киев, 1953.

Заверняев 1981 — *Заверняев Ф. М.* Гравировка на кости и камне Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // *СА.* 1981. № 4. С. 141–158.

Заверняев 1987 — *Заверняев Ф. М.* Техника обработки кости из Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // *СА.* 1987. № 3. С. 111–130.

Пидопличко 1976 — *Пидопличко И. Г.* Межиричские жилища из костей мамонтов. Киев, 1976.

Поликарпович 1968 — *Поликарпович К. М.* Палеолит Верхнего Поднепровья. Минск, 1968.

Хлопачев 2006 — *Хлопачев Г. А.* Бивневый инвентарь палеолитической стоянки Елисеевичи 1 // *Свод археологических источников Кунсткамеры.* СПб., 2006. Вып. 1. С. 58–109.

Шовкопляс 1965 — *Шовкопляс И. Г.* Мезинская стоянка. Киев, 1965.

BONE TOOLS FOR HUNTING FROM THE LATE PALEOLITHIC SITES OF THE DESNA BASIN

G. V. Grigorieva

The paper provides a brief summary of ivory and bone points from the Late Paleolithic sites of the Desna river basin, including Khotylevo 2, Mezin, Mezhirichi, Gontsy, Eliseevichi, and Yudinovo. Three main types of points are distinguished, including spindle-shaped and rod-like ones, as well as «small arrows». It is suggested that all of them were used as hunting projectiles. Particular attention is given to their morphological characteristics and ornamental patterns.

ЗООМОРФНЫЕ ФИГУРКИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ СТРОИТЕЛЕЙ ДОЛЬМЕНОВ СТАРЧИКИ

М. Б. РЫСИН

Археологический памятник Старчики (рис. 1), расположенный близ ст. Новосвободной на правом берегу р. Фарс (Майкопский р-н Республики Адыгея), является одним из немногих исследованных на Северном Кавказе поселений среднего бронзового века (далее — СБВ). Этот единственный многослойный памятник дольменной культуры был открыт П. У. Аутлевым в 1967 г. Раскопки поселения проводил М. Б. Рысин, сотрудник Майкопского отряда Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН.¹

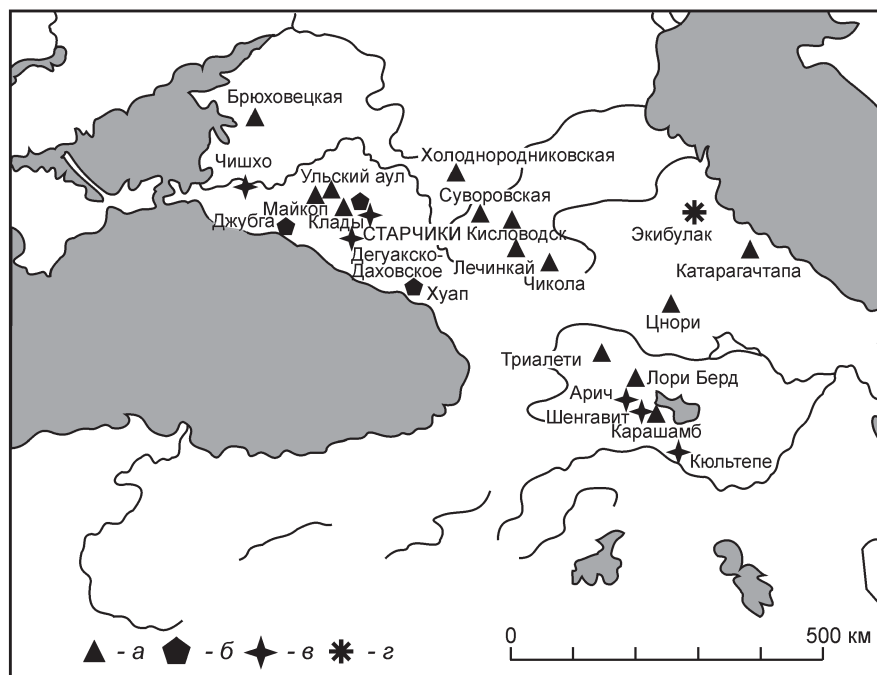

Рис. 1. Памятники Кавказа, упомянутые в статье: а — курганный могильник; б — дольмен; в — поселение; г — местонахождение петроглифов

Памятник расположен в районе, необычайно насыщенном древностями эпохи раннего металла. На противоположном от поселения Старчики левом берегу р. Фарс расположено урочище Клады, ставшее знаменитым благодаря раскопкам сначала Н. И. Веселовского, а затем А. Д. Резепкина одноименного могиль-

¹ Руководитель Кубанской экспедиции — В. С. Бочкарев; начальник Майкопского отряда — А. Д. Резепкин.

ника эпохи ранней бронзы (далее — РБВ). Вблизи урочища находилось однослойное поселение новосвободненской культуры, исследованное А. Д. Резепкиным. Вероятно, обитатели именно этого поселка хоронили сородичей под курганами могильника Клады. В СБВ племена носителей дольменной культуры (мною предложено уточняющее наименование — культура строителей дольменов — далее КСД) также возводили свои мегалитические погребальные сооружения на левом берегу р. Фарс, в том числе и в урочище Клады. Они возвели на месте поселения новосвободненской культуры четыре порталных дольмена, перекрытые курганными насыпями (курганы 39 и 40 могильника Клады II; Резепкин 2012). К северо-западу от поселения Старчики, на водоразделе рек Фарс и Белой расположен один из крупнейших на Западном Кавказе мегалитических могильников — Богатырская поляна, насчитывающий около 300 дольменов.

Для поселения Старчики характерна большая мощность культурного слоя (до 2,8 м), намного превышающая толщину слоев на других стоянках ранней и средней бронзы Северного Кавказа. Носителям дольменной культуры здесь принадлежат слои 2, 3а и 3б (Рысин 1992). В нижних слоях поселения (слои 3а и 3б), причем только в его южной части, было обнаружено более двух десятков фрагментов керамических зооморфных фигурок. Длина статуэток колеблется от 2,5 до 6,5 см, одна же имела длину около 20 см. Фигурки сформованы из глины с добавлением мелкого песка либо без видимых примесей. Обжигали их на костре. Статуэтки имеют охристый, оранжевый, коричневый, реже — черный цвет. По мнению палеозоолога А. А. Каспарова, которому я выражаю искреннюю благодарность, фигурки поселения Старчики изображают домашнего быка, дикого быка (тура), дикого кабана, собаку, лошадь (?). В остеологических материалах из поселений Старчики и Дегуакско-Даховское, которые принадлежали строителям дольменов, были обнаружены остатки как домашних — крупный рогатый скот, овца, коза, свинья, лошадь, собака, так и диких животных — тур, кабан, олень, косуля и др.

Следует подчеркнуть, что традиция изготовления терракотовых фигурок характерна для древнеземледельческих культур Южного Кавказа. Иная ситуация сложилась на Северном Кавказе, где культуры энеолита—СБВ были по преимуществу скотоводческими. Вероятно, почти полное отсутствие мелкой пластики на памятниках Северного Кавказа связано с характером хозяйственной деятельности местных общин. На энеолитических и майкопских стоянках находки статуэток редки. На памятниках СБВ единичные фигурки были обнаружены только на Верхнегунибском поселении (Дагестан). Для Западного Кавказа терракоты из Старчиков являются уникальными, не находящими аналогий на других поселениях.

Ниже приведено описание некоторых фигурок из Старчиков. Они характеризуются в определенной последовательности, в соответствии с телосложением изображенных животных, как это принято при экстерьерной оценке представителей реальной фауны. Подобная система описания была использована В. И. Балабиной при исследовании статуэток животных в пластике Кукутени-Триполья (Балабина 1998: 31–39).

1. Фрагмент фигурки быка или вола, слой 3б. Сохранилась передняя часть туловища, голова и правая передняя нога. Голова составляет две трети от общей высоты статуэтки. Длинные налепные рога перекручены, концы их направлены вперед и вверх. Морда широкая, подтреугольная со сквозным горизонтальным отверстием. Шея и подгрудок отсутствуют. Грудь не моделирована. Холка низкая, никак не отмеченная. Спина прямая. Туловище овальное в сечении. Ноги выполнены в виде коротких столбиков и моделированы вытягиванием. Цвет — черный, серый и светло-серый. Высота в холке — 2,5 см (рис. 2, 1).

2. Фигурка свиньи, слой 3б. Отбиты левая задняя и передняя ноги и повреждена морда. Голова составляет половину от высоты фигурки. Морда вытянутая, овальная в сечении; слева на ней показан глубокий накол. Шея широкая, короткая. Холка высокая. Спина выпуклая. Позвоночник отмечен слабым ребром. Бока плоские. Туловище в сечении подтреугольное. Брюхо плоское. Зад в профиль прямой, сзади — плоский, подтреугольный. Хвост короткий, повернут вправо, кончик направлен вниз. Ноги, сделанные в виде коротких конических столбиков, слегка расставлены в стороны. Под хвостом — несквозное горизонтальное отверстие; на брюхе — четыре поперечных нарезки (вымя?). Цвет охристый и светло-серый. Длина — 4,5 см, высота — 2,5 см (рис. 2, 4).

3. Фигурка дикого быка, слой 3а. Ноги отбиты (сохранилась только правая задняя нога) и повреждены рога. Голова составляет две трети от высоты статуэтки. Морда широкая уплощенная. На лбу — накол. Короткие рога моделированы вытягиванием и направлены в стороны и вперед, их основание выделено валиком. Шея и подгрудок отсутствуют. Грудь не моделирована. Холка низкая, слабо выступающая. Спина выпуклая, со слабым «горбом» посередине. Позвоночник обозначен легким ребром. Бока округлые. Брюхо «подтянутое». Зад в профиль «свислый» (наклонный), сзади плоский. Хвост налепной, доходит до конца зада. Ноги, выполненные в виде коротких столбиков, моделированы вытягиванием. На брюхе налеп с вертикальным несквозным отверстием. Цвет охристо-светло-серый. Длина — 4,5 см, высота — 2,5 см (рис. 2, 3).

4. Фигурка дикого быка-тура, слой 3а. Повреждены задние ноги и рога. Голова равна половине высоты терракоты. Морда моделирована вертикальным защипом. Короткие рога разведены в стороны и повернуты концами вперед. Шея отсутствует. Грудь не моделирована. Подгрудок изображен в виде короткого защипа у основания рогов. Холка высокая, в виде бугорка. Линия спины выпуклая. Позвоночник выпуклый, округлый. Бока округлые. Брюхо провислое. Зад в профиль «свислый» (наклонный), сзади уплощенный, подтреугольный. Короткий хвост конической формы отставлен назад. Основание хвоста снизу подчеркнуто глубоким ногтевым наколом. Короткие ноги в виде столбиков слегка расставлены. На брюхе выступающий бугорок (знак пола?). Цвет — оранжевый. Длина — 4 см, высота — 2,5 см (рис. 2, 6).

5. Фигурка дикого кабана, слой 3б. Повреждены передние ноги, морда и уши. Голова составляет две трети высоты статуэтки. Узкая вытянутая морда оканчивается характерным уплощенным рылом («пяточком»). На поврежденном «пяточке» наколами обозначены ноздри. Глаза обозначены парой нако-

лов. Уши в виде овальных наклепов направлены вверх и в стороны. Шея не обозначена. Грудь с выступающим узким «гребнем» посередине, вероятно, имитирующим свисающую на груди шетину. Холка высокая, узкая. Линия спины слабо выпуклая. Позвоночник передан узким «гребнем». Бока плоские, сечение туловища близко к треугольному. Брюхо подтянуто. По бокам зашипами моделированы узкие выступы, — возможно, это свисающая на брюхе шетина. Зад в профиль «свислый». сзади плоский, подтреугольный. Хвост короткий шишковидный, торчащий вверх, его конец повернут вправо. Сверху основание хвоста выделено легким зашипом. Ноги, моделированные в виде коротких конических столбиков, слегка расставлены в стороны. Накол с правой стороны на груди и два накола на морде (раны?). Цвет охристый и серо-охристый. Длина — 4,5 см, высота — 2,5 см (рис. 2, 5).

6. Фигурка дикого быка (барана? — предположение автора), слой 3б. Ноги отбиты. Спина повреждена. Голова равна половине высоты терракоты. Морда сформована вертикальным зашипом. Рот показан наколом. Рога, обозначенные короткими уплощенными выступами по бокам головы, разведены в стороны и направлены вперед. Шея короткая, приподнятая. Грудь плоская, подгрудок отсутствует. Холка не отмечена. Линия спины прямая. Позвоночник не показан. Бока округлые. Брюхо плоское. Зад в профиль прямой, сзади широкий, подпрямоугольный. Хвост не моделирован. Ноги, выполненные в виде коротких столбиков, слегка расставлены в стороны. На брюхе продольным наклепом изображен знак «пола». Между передних ног на брюхе имеется горизонтальное несквозное отверстие. На левом боку нанесена поперечная бороздка. На морде, с левой стороны две насечки, сделанные остроконечным предметом. На передней части туловища, на лбу между рогов и по бокам на морде наколами остроконечного предмета обозначена шерсть (?). Фигурка двухслойная. Сердцевина вылеплена из серой глины, на которую нанесен слой светло-охристой глины (ангоб?). Обмазка отслоилась сверху на шее и на спине статуэтки. Длина — 4,5 см, высота сохранившейся части — 2 см (рис. 2, 9).

7. Фигурка лошади (?), слой 3б. Сохранилась голова с передней частью туловища и левой передней ногой. Голова составляет одну треть от высоты терракоты. Морда вытянутая, подтреугольная. На ней наколами остроконечного предмета обозначены глаза и ноздри, а пасть изображена глубоким сквозным прорезом. Сверху на голове сохранилось основание выступов, изображавших уши (рога?). Шея непропорционально длинная, поднятая почти вертикально. Грудь не моделирована. Ноги, сделанные в виде коротких конических выступов, слегка расставлены в стороны. Цвет темно-серый и серый. Общая высота — 3 см (рис. 2, 7).

8. Фигурка собаки, слой 3б. Задние ноги отбиты. Голова составляет половину от высоты статуэтки. Морда широкая, вытянутая, подтреугольная. На ней слабым ногтевым наколом обозначена пасть. Уши в виде подтреугольных выступов направлены вверх и в стороны. Шея короткая, широкая, приподнятая. Грудь широкая, плоская, подпрямоугольная. Спина прямая. Бока и брюхо плоские. Зад прямой, сзади плоский, подпрямоугольный. Хвост конический, ко-

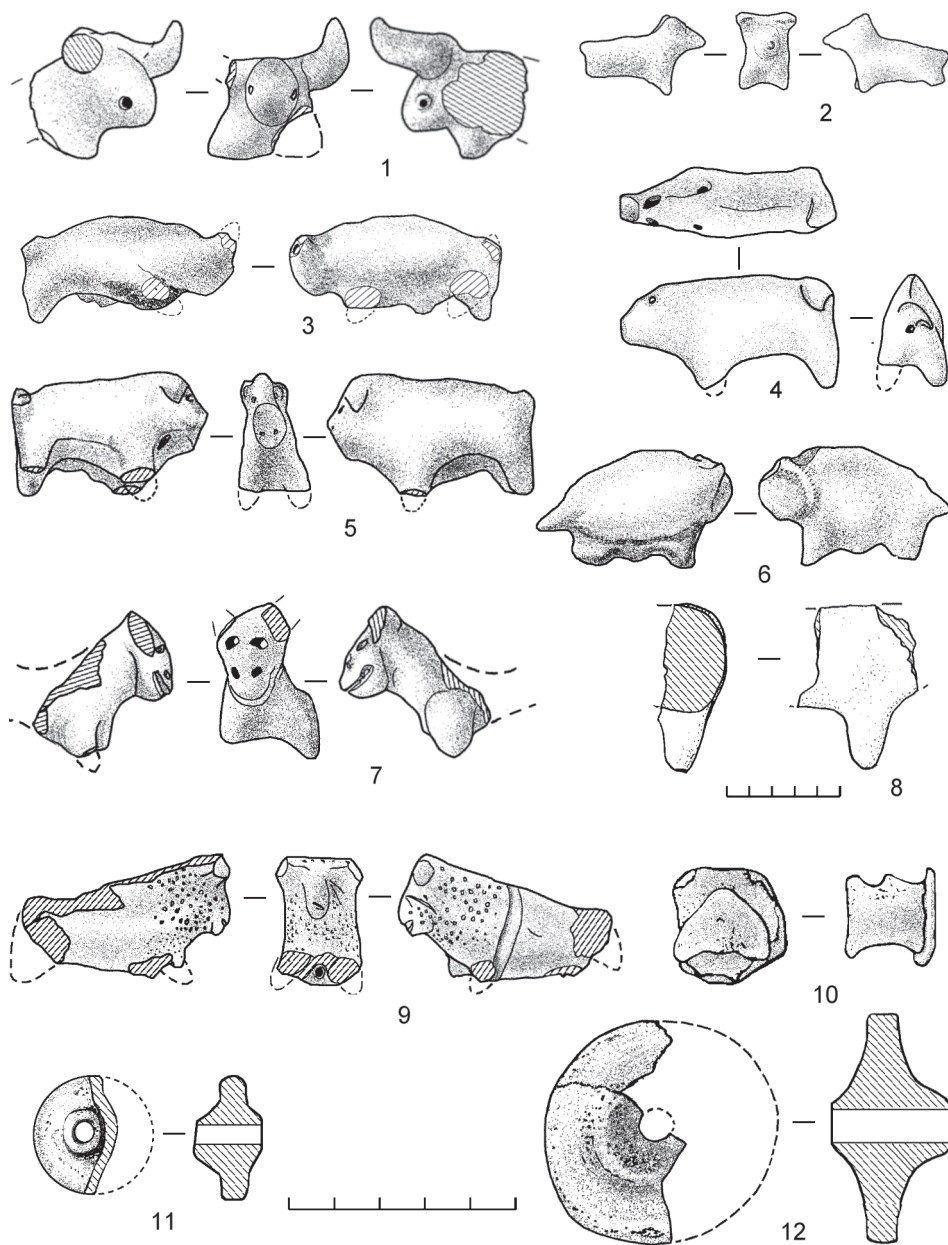

Рис. 2. Терракотовые зооморфные статуэтки и модели колес (11–12) из поселения Старчики: 1, 3, 6, 8 — фигурки быков; 2 — фигурка собаки; 4 — фигурка свиньи; 5 — фигурка кабана; 7 — фигурка лошади (?); 9 — фигурка быка (барана?); 10 — смятый фрагмент фигурки животного

роткий, горизонтально отставленный. Ноги переданы короткими заостренными выступами, слегка расставленными в стороны. Цвет светло-бежевый. Глина без видимых примесей. Размеры фигурки: длина — 2,7 см; ширина — 1,2 см; высота — 1,6 см (рис. 2, 2).

9. Фрагмент статуэтки животного, слой 3б. Сохранилась задняя часть туловища с короткими выступами ног и приподнятым вверх коротким хвостом. Голова и передняя часть туловища с передними ногами были смяты и превратились в дисковидную «лепешку», однако поврежденная статуэтка была обожжена, так же как остальные. Цвет светло-бежевый. Глина без видимых примесей. Ширина терракоты — 2 см; высота — 1,8 см (рис. 2, 10)

В слое 3б найдены также фрагменты трех статуэток быков (?) с отбитыми головами. В слое 3а найдена передняя часть фигурки быка (?) с поврежденными рогами. Из этого же слоя происходит еще один фрагмент зооморфной терракоты, отличающейся от остальных крупными размерами. Он представляет собой часть подовального в сечении туловища статуэтки (быка?) с передней ногой. Линия спины прямая. Позвоночник не отмечен. Бока округлые. Живот плоский. Ноги сделаны в виде коротких столбиков. Цвет фигурки — охристо-оранжевый. В изломе цвет серый. Глина без видимых примесей. Высота терракоты — 6,5 см; длина ноги статуэтки — 2,3 см; реконструируемая ширина туловища — 4,8 см; реконструируемая длина фигурки — 18–20 см (рис. 2, 8). По своим размерам эта, наиболее крупная, терракота сопоставима с глиняными моделями колес повозок, найденных в слое 3а. Диаметр моделей колес с выступающими ступицами — 5 см, 8,7 см, 9 см, 13 см (рис. 2, 11–12). Они в деталях повторяют колеса настоящих повозок, известных из инвентаря погребений СБВ.

Особенность рассматриваемых статуэток заключается в том, что они фрагментированы, так как были разбиты на части либо повреждены еще в древности. На многих фигурках заметны углубления (раны?), нанесенные по сырой глине. На морде терракоты быка (вола) имеется сквозное поперечное отверстие. Можно предположить, что эту статуэтку использовали, чтобы запрячь ее в модель повозки.

Фигурки, по-видимому, были изготовлены разными людьми, так как отличаются размерами и мастерством исполнения. Индивидуальность изображений проявилась и в передаче деталей терракот, например, в форме морды, рогов, хвоста. Особую выразительность статуэтке лошади придают нанесенные по сырой глине глаза, ноздри и приоткрытая пасть.

Эти зооморфные фигурки выполнены в едином стиле, в соответствии с каноном, которого придерживались все мастера. Понятие стиля пластики Старчиков (КСД) включает ряд характерных признаков.

Во-первых, скульптурам присущи схематизм и лаконичность. Статуэтки имеют удлиненное, овальное в сечении туловище, ноги переданы короткими коническими выступами. Акцент в передаче видовых признаков перенесен на голову. Она часто исполнена в реалистической манере, с деталями, усиливающими сходство (рога, уши, пасть). Значимость головы подтверждают также и ее размеры — от половины до двух третей общей высоты фигурки. Другой де-

талья, придающей скульптуре сходство с оригиналом, служит хвост, изображенный налепом или защипом. Характерным признаком рассматриваемых терракот является также обозначение пола животных. Налеп или защип на брюхе статуэтки обычно трактуют как изображение пениса. Горизонтальными отверстиями в задней части скульптуры, вероятно, помечены женские особи. Эти отверстия не сочетаются с налепами и защипами на брюхе фигурок. Подобной трактовки горизонтальных отверстий придерживается и В. И. Балабина (1998: 36). Она отмечает, что эти отверстия, известные на терракотах животных из памятников различных раннеземледельческих культур (Старчево-Криш, Винчи, Гумельница, Лендвел), иногда сочетаются с изображением вымени, но не совместны с изображением пениса (Там же: 36–37).

Мастерам удавалось при крайне ограниченном наборе изобразительных средств добиться передачи видového сходства и выразительности создаваемой скульптуры. Этого нельзя было добиться, не зная повадок и образа жизни животных, в том числе и диких. Поэтому вполне вероятно предположение о том, что фигурки животных лепили мужчины — охотники и скотоводы, соприкасавшиеся со зверем в силу своей профессиональной деятельности.

Перейду к анализу публикуемой пластики с позиций культурогенеза. Поскольку для эпохи СБВ Западного Кавказа статуэтки из поселения Старчики представляют уникальное явление, возникает закономерный вопрос: отчего зооморфная пластика представлена именно на этом памятнике? Однозначного ответа у меня нет. Могу лишь высказать предположение о том, что это поселение играло особую роль в духовной жизни строителей дольменов. В пользу такого предположения свидетельствует ряд фактов. Во-первых, поблизости от Старчиков расположены «знаковые» памятники дольменной культуры. Напротив поселения за рекой находятся курганы с дольменами (один курган более 10 м высотой, в дольмене обнаружена уникальная каменная колонна высотой 3 м). На соседнем могильнике Клады над дольменом был возведен самый крупный на всем Кавказе «Серебряный курган» диаметром 140 м и высотой 11 м. Перед его гигантской насыпью с плоской вершиной расположено святилище — вымощенная площадь с оградой и каменной стелой. Во-вторых, Старчики выделяется среди стоянок строителей дольменов большой мощностью культурного слоя. Еще одним свидетельством особой функции поселения являются встреченные на всей его площади в раскопах и в шурфах следы металлургии и металлообработки (фрагменты тиглей, льячек, литейных форм, шлаки, капли металла, слитки и готовые изделия). Наконец, обращает на себя внимание обилие костей животных (кухонные остатки) на раскопанной части поселения.

В других регионах Северного Кавказа единичные терракотовые зооморфные статуэтки представлены только на Верхнегуниском поселении СБВ в Дагестане (Котович 1965). В подкурганых погребениях СБВ Центрального Предкавказья также было найдено несколько выполненных в бронзе зооморфных фигурок, которые изготовлены по восковой модели. Речь идет о трех изображениях лошади из Северной Осетии (сел. Чикола, курган 25, погребение 11) (Сафронов 1981: 53; рис. 6, 4), о статуэтках лошади и птицы (?), происходящих

из погребения 3 кургана 2 в ст. Холоднородниковской (Нечитайло 1978б: 84, рис. 33, 29–30). Еще одна подобная пара бронзовых фигурок-подвесок (также лошадь и птица) обнаружена А. А. Ковалевым и М. Б. Рысиным в погребении 3 кургана 1 у ст. Нежинской на окраине г. Кисловодска (Ковалев 1997: 73, рис. 11, 1, 3; рис. 3, 1). Примечательно, что «птицевидные» подвески имеют роговидные отростки — прямая параллель с «рогами» и бычьими головками на знаменитых «птицевидных» бронзовых подвесках дигорского типа позднего бронзового века. Подобные подвески найдены и в дольменах Абхазии. Бронзовая фигурка лошади, также из окрестностей г. Кисловодска (коллекция Е. Д. Фелицына), была опубликована В. И. Марковиным (1994: табл. 80, 33).

Этими находками ограничиваются аналогии зооморфным статуэткам Старчиков из синхронных памятников Северного Кавказа. Можно также указать на уникальное изображение быка из погребения в Прикубанье. Сотрудники Кубанской экспедиции обнаружили на заплечиках погребения 11 (курган 3 у ст. Батуринской; СБВ — поздний этап ямной культуры) «уникальную роспись красной киноварью (возможно, это отпечаток ткани, упавшей на заплечики). Одна из фигур представляла собой быка (определение Н. М. Ермоловой). У него мощный торс, голова с рогами, направленными назад (как у тура?)» (Шарафутдинова 1983: 20, рис. 2, 1). На правом боку быка изображены нанесенная стрелой или дротиком рана и обильно вытекающая из нее кровь (рис. 3, 11). Перед быком показана антропоморфная змееголовая фигура в конусовидной одежде до земли. Этот сюжет можно трактовать как охоту на дикого тура или принесение в жертву дикого быка и соотносить с широко распространенными в древнем мире культами быка.

Среди петроглифов предгорного Дагестана В. И. Марковин описывает сходное изображение дикого быка-тура у сел. Экибулак (рис. 3, 12). Здесь (как и в погребении у ст. Батуринской. — М. Р.) «на скалу нанесена фигура не домашнего животного, а дикого <...> на его теле заметны следы охотничьего лова — копьё или дротик, пущенный в задние ноги, а также сделана отметина в виде длинной линии на правом боку, — именно в этой части тела бык (зубр) должен получить смертельное ранение» (Марковин 2006: 200, рис. 47, 4).

Рис. 3. Зооморфные статуэтки и изображения животных из кавказских памятников ранней и средней бронзы: 1 — лошадь, ст. Нежинская, курган 1, погребение 3 (бронза); 2 — лошадь, Клады, курган 28 (роспись на плите мегалитической гробницы); 3 — лошадь (тарпан?), Большой майкопский курган (гравировка на серебряном сосуде); 4 — лошадь, пос. Шенгавит (терракота); 5 — онагр (олень?), Триалети, курган V (золото); 6 — лев, сел. Цнори, курган 2 (золото); 7 — бык, пос. Чишко (терракота); 8–9 — собаки, Клады, курган 31, погребение 5 (серебро, бронза); 10 — бык, Клады, курган 31, жертвенный комплекс (камень); 11 — бык, Батуринская, курган 3, погребение 11 (роспись); 12 — бык, петроглифы у сел. Экибулак; 13 — бык, Большой майкопский курган (золото); 14 — бык, пос. Шенгавит (терракота); 15–20 — фигурки животных, пос. Арич (терракота) (1 — по Ковалев 1997; 2, 7–10 — по Резепкин 2012; 3, 13 — по Мунчаев 1994; 4, 14–20 — по Есяян 1981; 5–6 — по Кушнарева 1994; 11 — по Шарафутдинова 1983; 12 — по Марковин 2006)

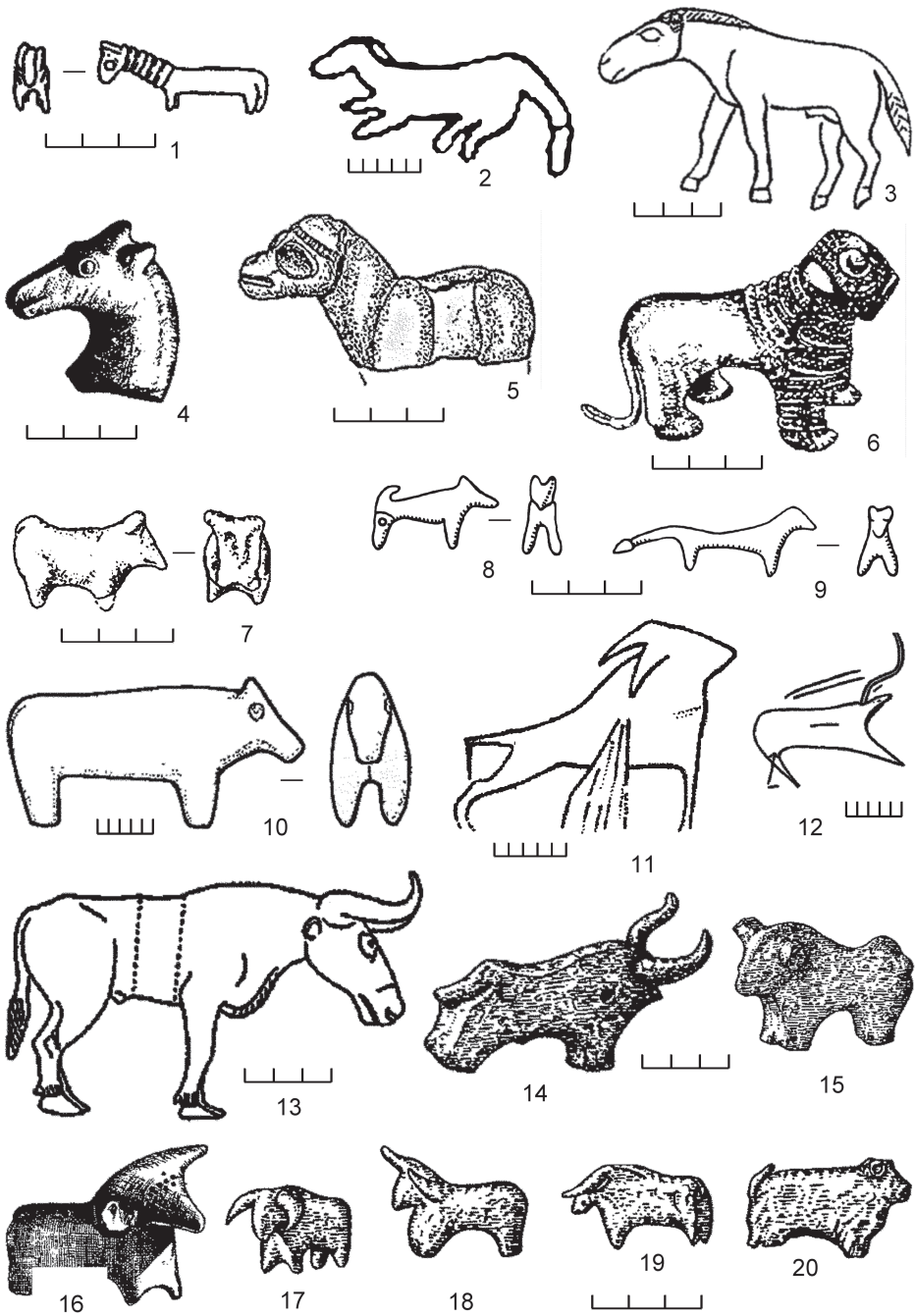

Рис. 3

На Кавказе, прежде всего в его южной части, существовала длительная традиция обрядового использования мелкой пластики. Это позволяет, сопоставляя стиль зооморфных статуэток, проследить культурные истоки пластики из Старчиков, а соответственно, и КСД Западного Кавказа. Как известно, строители дольменов освоили территории, которые в энеолите входили в ареал культуры с накольчато-жемчужной керамикой. В эпоху ранней бронзы предгорная зона Закубанья была занята носителями новосвободненской культуры (Резепкин 2012).

Единичные зооморфные статуэтки обнаружены на поселениях предгорий Западного Кавказа, которые были оставлены носителями культуры с накольчато-жемчужной керамикой (Скала, Мешоко и Ясенева поляна). Для энеолитических фигурок, как и для статуэток КСД, характерна предельная схематизация и лаконичность; туловище удлинено, а ноги переданы короткими коническими выступами; видовое сходство достигается моделировкой головы; в реалистичной манере изображены только рога животных; хвост передан налепом.

Из погребений расположенного вблизи Старчиков могильника Клады (новосвободненская культура) также происходят уникальные зооморфные изображения. Они включают фигурки собачек (серебряная и бронзовая), найденные А. Д. Резепкиным в составе инвентаря гробницы кургана 31 (рис. 3, 8–9; Резепкин 1991: 184, рис. 10, 5–6), и каменную статуэтку быка или коровы (рис. 3, 10) из жертвенного комплекса этого же кургана (Мунчаев 1994: 197, рис. 49, 7).

Бросается в глаза принадлежность зооморфной пластики майкопско-новосвободненской области (далее — МНО) двум различным стилистическим группам. С большой долей вероятности можно связывать натуралистически исполненные зооморфные изображения (фигурки бычков — рис. 3, 13, чеканные фигурки львов, гравированные фигурки животных и птиц на серебряных сосудах из Большого Майкопского кургана, головка льва из Старомышастовского «клада») с передневосточными «корнями» МНО. Вывод о существовании двух «школ» изобразительного стиля у майкопских племен (стили зооморфного натурализма и зооморфного схематизма) был сделан ранее С. Н. Кореневским. По мнению исследователя, эти две «школы» отражают сложный, многокомпонентный характер этногенеза носителей МНО (Кореневский 1993: 52).

Схематически выполненные изображения быка и собак из кургана 31 могильника Клады принадлежат совершенно иной традиции.

Голова каменной фигурки быка составляет две трети от ее высоты. Морда вытянутая, усеченно-коническая. Пасть не отмечена. Глаза изображены круглыми углублениями (вероятно, они были инкрустированы органическим веществом). Затылок образует подтреугольный гребень. Рога не обозначены. Статуэтка изображает либо комолую корову, либо, из-за сложности обработки камня, рога животного были «заменены» гребневидным выступом на затылке. Шея не моделирована. Грудь средней ширины. Подгрудок отсутствует. Холка низкая, никак не отмеченная. Линия спины прямая, позвоночник выделен выступающим валиком, переходящим в длинный хвост. Бока округлые (слегка вы-

пуклые). Брюхо плоское. Маклаки не обозначены. Зад в профиль прямой, сзади плоский, средней ширины, подпрямоугольный. Хвост длинный, до конца зада, опущен и прижат к телу. Ноги переданы в виде коротких цилиндрических столбиков.

Признаки, формирующие стиль, сближают каменную фигурку быка с рассмотренными выше статуэтками из поселения Старчики: доведенный до предела схематизм, удлиненное туловище, короткие выступы ног, перенесение акцента на передачу головы, затылок выделен гребнем, позвоночник выступает «валиком», хвост моделирован налепом.

Другой пример изобразительного творчества носителей новосвободненской культуры — уникальная сюжетная роспись, покрывающая стены мегалитической гробницы кургана 28 могильника Клады. «По периметру одной из каменных плит были расположены вытянутые в цепочку изображения бегущих “лошадей”. Изображения выполнены красной краской, только короткие гривы, копыта, концы морд и хвостов выполнены черной» (Резепкин 1987: 27; рис. 1, 1). По мнению А. Д. Резепкина, сюжет росписи на стенах гробницы (как и упомянутые выше парные фигурки собак в составе инвентаря мегалитической гробницы в кургане 31) восходит к индоевропейским мифологическим представлениям. Автор связывает происхождение новосвободненской культуры с носителями культуры воронковидных кубков Центральной Европы (Резепкин 1991). Прямых аналогий этот сюжет не находит ни на Кавказе, ни в Европе. Фигурки лошадей схематичны, однако мастеру удалось передать скупыми изобразительными средствами скорость и неудержимость табуна лошадей — от быстрого бега их черные гривы и хвосты словно развеваются на ветру. Схематизм изображений лошадей на плите гробницы (рис. 3, 2) явно контрастирует с натуралистически исполненным изображением дикой лошади (тарпана?) на поверхности серебряного сосуда из Большого Майкопского кургана (рис. 3, 3).

Существование такой «схематической» традиции в искусстве носителей новосвободненской культуры, возможно, отражает ее местные кавказские «корни», либо, как предполагает А. Д. Резепкин, ее центральноевропейский мегалитический компонент. В. И. Марковин (1978) считал, что новосвободненские памятники сложились в результате воздействия дольменной культуры на майкопскую культуру на ее позднем этапе. При этом строители мегалитов на раннем этапе сосуществовали с носителями майкопской культуры в Закубанье.

А. Д. Резепкин исследовал несколько стоянок майкопской культуры на южном берегу р. Кубань. Здесь на стоянках Городское и Чишхо также были обнаружены три зооморфные статуэтки. Фигурки животных предельно схематизированы, туловище цилиндрическое, объемы тела слабо проработаны, ноги переданы короткими выступами, голова крупная, акцент в изображении видовых признаков приходится на голову статуэтки, хвост изображен при помощи налепа (Резепкин, Лионне 2007: 6, 42, рис. 37, 1–2; 40, 1). Перечисленные признаки фигурок совпадают с деталями зооморфной пластики поселения Старчики. Особенно выразительна статуэтка быка из стоянки Чишхо (Там же: 62,

рис. 55, 1) (рис. 3, 7). Голова крупная, составляет половину высоты фигурки. Морда узкая, подтреугольная, моделирована вертикальным защипом. Длинные рога разведены в стороны и повернуты вперед. Шея не моделирована. Грудь плоская, широкая. Низкая холка не отмечена. Линия спины «вогнутая» (провислая в пояснице). Позвоночник не выделен. Бока округлые, с подчеркнутой талией. Брюхо плоское. Маклаки моделированы утолщением по периметру зада. Зад в профиль приподнятый, сзади широкий и округлый. Хвост короткий, опущен и прижат к телу. Так же как и в Старчиках, все статуэтки повреждены — у фигурок отбиты ноги, головы, рога. На поселении Пшикуйхабль обнаружено глиняное колесико от модели повозки (Там же: 20, рис. 25, 3).

Другим примером проявления местной кавказской традиции в искусстве носителей майкопской культуры являются рельефные изображения на керамическом сосуде из Сунженского кургана (Ростунов, Козаев 1991). Здесь на фризе показано нападение кошачьего хищника на травоядных животных (козлов), а рядом видны человек и собака (пастух, охотник?). Бросается в глаза схематизм изображенных фигур, разительно контрастирующий с реалистически-зооморфными композициями на серебряных сосудах из Большого Майкопского кургана. Рельефные изображения сунженского сосуда можно сопоставить с такими же рельефными изображениями на кавказской керамике периода энеолита: зооморфный персонаж на фрагменте сосуда из поселения Ясенева поляна (Северный Кавказ), антропоморфная фигура на керамике из поселения Имирисгора (Южный Кавказ) и фриз с изображением козлов на сосуде из поселения Овчулартепе (Южный Кавказ). Все эти образцы изобразительного искусства характеризуются схематической передачей фигур и их статичностью, которые демонстрируют несомненную близость с наскальной живописью Армении (петроглифы Гегамских гор). Исследователи уже указывали на подобные аналогии изображениям на фризе сунженского сосуда (Там же; Кореневский 1993: 48–49).

Сопоставление стиля мелкой пластики КСД свидетельствует о некоторых стилистических параллелях с пластикой кавказских культур предшествующей эпохи. Возможно, строители дольменов восприняли и сохранили элементы духовной культуры северокавказских племен РБВ. Однако на северокавказских памятниках найдено пока недостаточно фигурок, чтобы можно было обосновать подобные предположения.

Близкая по стилю зооморфная пластика обнаружена также в Закавказье, на энеолитических и куроаракских поселениях. Здесь имеется намного больше материалов для сопоставлений. На куроаракских поселениях найдены десятки зооморфных статуэток. Определенное сходство с фигурками из Старчиков демонстрируют скульптуры из куроаракского поселения Арич в Армении (Хачатрян 1975: рис. 37, 41). Соответствия отмечаются по таким признакам как моделировка головы и рогов быков (Есаян 1981: рис. 3, 1, 4) (рис. 3, 15–20). Передняя часть туловища и голова статуэтки быка из Арича покрыты наколами, изображающими, по предположению В. Я. Кияшко, ритуальный «крап»

(рис. 3, 16).² Наколы-«раны» нанесены на фигурки из куроаракских поселений Шенгавит, Арич, Мохраблур, так же как и на статуэтки из Старчигов.

Сквозное отверстие в шее статуэтки быка, найденной на Шенгавитском поселении (рис. 3, 14) служило, по предположению Б. Б. Пиотровского, для прикрепления фигурки к дышлу модели повозки (Пиотровский Б. 1955: 6). Подобные сквозные отверстия есть и у статуэток быков из поселений куроаракской культуры на территории Азербайджана — Кюльтепе, Мишрачай, Гюнештепе (Алекперов 1994: 25, 76, табл. XI, 17; XII, 1). На закавказских памятниках, как и в Старчиках, присутствуют глиняные модели колес с выступами-ступицами, а на куроаракских поселениях Кюльтепе, Арич и Бадаани найдены глиняные модели повозок (Хачатрян 1975: 73, рис. 35; Мирцхулава 1981: 51, табл. XXV, 1).

Кроме фигурок быков на поселениях Южного Кавказа присутствуют роговидные очажные подставки, также связываемые с почитанием быка (Есяян 1981: 16). Примечательно, что на лбу одной фигурки быка из Мохраблур выделено изображение — «звезды», идеограммы божества на Древнем Востоке (Там же: 9).

На мой взгляд, связи мелкой пластики по обеим сторонам Главного Кавказского хребта отражают участие закавказского культурного компонента в формировании культур СБВ на Северном Кавказе, в том числе участие южнокавказского населения в генезисе КСД Западного Кавказа. Подтверждением этому служат находки на поселения Старчики фрагментов двух очажных подставок закавказского облика, а также характерной для закавказских культур керамики: чернолощенной снаружи, со светлой «подкладкой» изнутри. Они обнаружены в самом нижнем из принадлежавших строителям дольменов слое (3б). Сопоставимы с «посткуроаракскими» и формы керамических сосудов из поселения Старчики, в частности, различные кружки и «амфоры» с пластинчатыми ручками, украшенными канелюрами. О присутствии куроаракских элементов в керамике дольменной культуры писал и В. Л. Ростунов, изучив находки из шурфа Н. И. Гиджрати на Дегуакско-Даховском поселении КСД. Две группы керамики из этого шурфа (более 20 % от общего числа фрагментов посуды) близки куроаракской керамике по характеру обжига и обработке. Эти группы включают посуду с темной лощенной наружной поверхностью и красной или желтой «подкладкой» (ангобом). Формы керамики Дегуакского поселения также, по мнению В. Л. Ростунова, находят соответствия в сосудах из куроаракских памятников (Амиранисгора, Хизанаантгора, Квацхелеби). В. Л. Ростунов объясняет синкритические признаки посуды Дегуакско-Даховского поселения активным взаимодействием куроаракской и дольменной культур на Западном Кавказе (Ростунов 1983: 87–88).

Вся анализируемая в этой статье зооморфная пластика Северного Кавказа (Старчики, Городское и Чишхо) обнаружена в поврежденном состоянии. Этот факт, видимо, свидетельствует об ее использовании в обрядовой практике, так

² Выражаю благодарность В. Я. Кияшко за разъяснение возможного значения наколов на статуэтке из Старчигов.

как из области этнографии известно, что фигурки повреждали в ходе магических ритуалов или после их завершения. Все статуэтки найдены в пределах жилых комплексов, что может свидетельствовать о существовании у жителей поселков домашних святилищ, в которых проходили семейные церемонии.

Нанесенные по сырой глине углубления — «раны» — на скульптурах диких быков и кабана (Старчики) и на фигурках быков из Закавказья (Шенгавит, Арич, Мохраблур), вероятно, появились в результате использования терракот в обрядах охотничьей магии (Есаян 1981: 9), причем в Закавказье обряды с использованием глиняных статуэток, вероятно, также отправляли в жилищах, возле очагов. Возможно, здесь имитировали принесение быков в жертву. Преобладание в пластике Старчиков фигурок быков позволяет связывать использование этих терракот в обрядах репродуцирующей магии и предположить существование у строителей дольменов культа быка, широко распространенного на Южном Кавказе, Древнем Востоке и в Средиземноморье (Кушнарева 1978; Кривицкий 1999). С такими же обрядами, вероятно, соотносится подчеркивание признаков пола у статуэток животных (Старчики).

Использование зооморфной пластики в неких магических обрядах отмечено и для Центральноазиатского региона. Следы таких обрядов (наколы, сделанные заостренной палочкой по сырой глине) встречаются на фигурках животных из памятников джейтунской культуры и др. (Массон 1971: табл. XLII, 12).

В целом публикуемая серия зооморфных фигурок из поселения Старчики открывает новую страницу в понимании мировоззрения строителей мегалитов Западного Кавказа.

В заключение остановлюсь на антропоморфной пластике КСД. На Дегуакско-Даховском поселении КСД (в шурфе Н. И. Гиджрати) была обнаружена головка антропоморфной статуэтки (рис. 4, 2). «Фрагмент изображает человеческое лицо с большим носом, сделанным защипом, и овальными вдавленными глазами» (Ростунов 1983: 87, рис. 1, 17). Моделировка головы фигурки не отличается от манеры исполнения известной северокавказской антропоморфной скульптуры из кургана Катарагачтапа, раскопанного А. А. Русовым в 1881 г. возле г. Дербента в Дагестане (Мунчаев 1961: 135, рис. 46) (рис. 4, 5). В. Л. Ростунов приводит в качестве типологических параллелей также статуэтки из куроаракских памятников Кавказа: Серженьюрт; Мохраблур; Квацхелеби, слой «С» (Ростунов 1983: 87).

В дольмене под курганом 39, расположенном напротив поселения Старчики, на левом берегу р. Фарс, А. Д. Резепкин обнаружил вырезанную из дерева

Рис. 4. Антропоморфные статуэтки и изображения из памятников Кавказа среднего бронзового века (1–2, 5 — терракота; 3 — дерево; 4, 6–7 — камень; 8–9 — изображения на каменных плитах): 1 — сел. Хуап, дольмен 3; 2 — Дегуакско-Даховское поселение; 3 — Клады II, курган 39, погребение в дольмене; 4 — Ульский аул, курган 5, погребение 1; 5 — г. Дербент, курган Катарагачтапа; 6 — сел. Лечинкай, курган 11, погребение 2; 7 — ст. Суворовская, курган 16, погребение 3; 8–9 — «близнецы», «дворик» дольмена у сел. Джубга; 10 — персонаж в «короне», могильник Лори Берд (1 — по Цвинария 1990; 2 — по Ростунов 1983; 3 — по Резепкин 2012; 4–7 — по Марковин 1994; 8–9 — по Трифионов 2009; 10 — по Devedjian 2006)

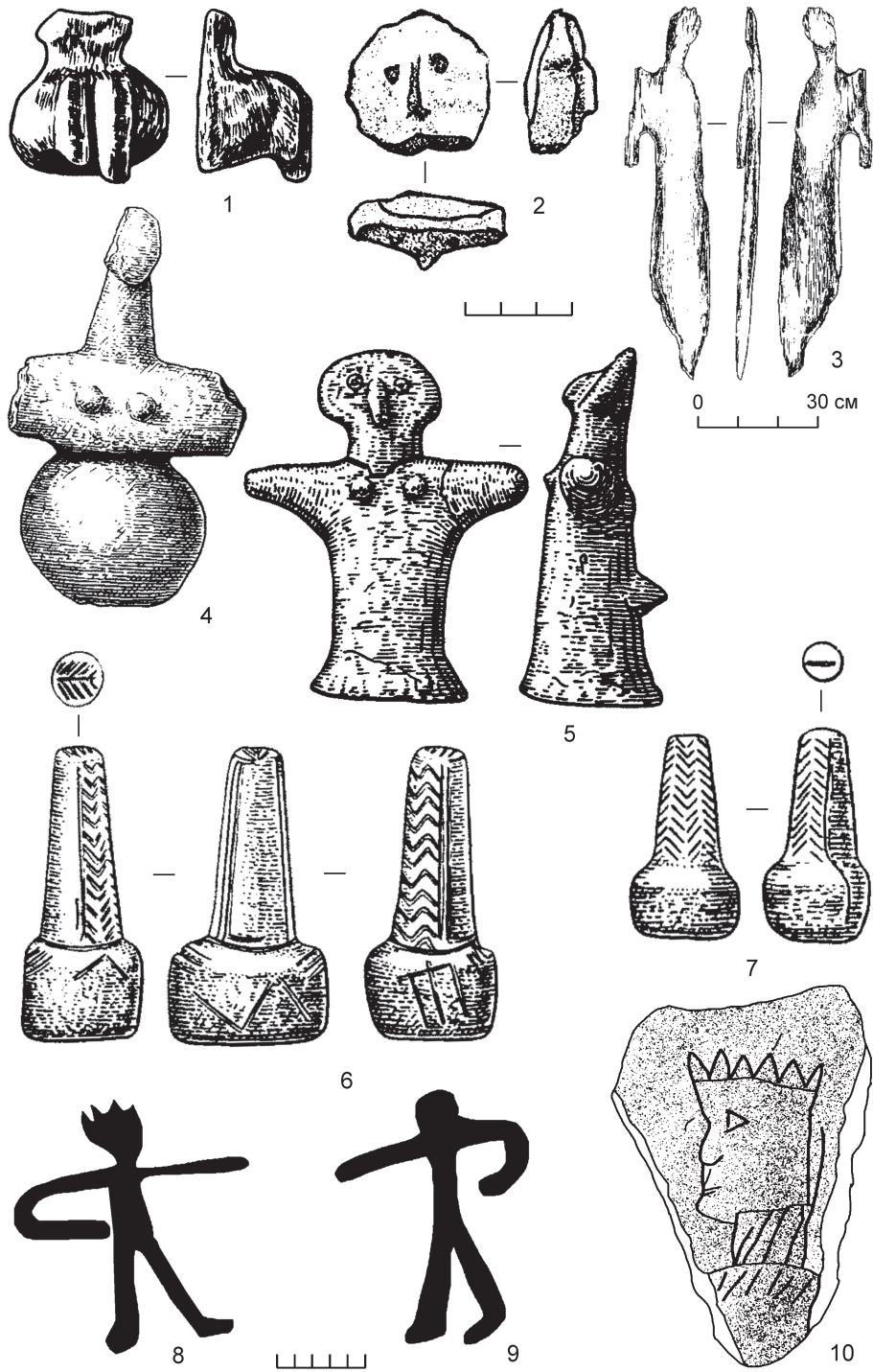

Рис. 4

антропоморфную фигурку (Резепкин 2012: 304, рис. 176) (рис. 4, 3). В этом же дольмене найдена керамическая кружка, в деталях совпадающая с посудой из нижних слоев поселения Старчики. Редкость находок не дает пока возможности подробнее останавливаться на проблеме антропоморфной пластики КСД, добавим лишь, что сам факт повреждения статуэтки, возможно, связан с ее использованием в обрядовой практике.

Недавно В. А. Трифонов, при обследовании дольмена из пос. Джубги, обнаружил на каменных блоках «дворика», устроенного перед фасадом дольмена, изображения людей и животных, выполненные в технике гравировки (Трифонов 2009: 368). На поверхности одного из блоков в первом ярусе стены «дворика» показаны антропоморфная фигура, олень, собака (?) и козлы (?), а на торцевой плоскости соседнего блока — два антропоморфных персонажа — «близнецы» (Там же: рис. 1, 2–3). Следует подчеркнуть, что фигура оленя напоминает изображение, выгравированное на каменной плите в Триалети (Джапаридзе 1969). Ранее на плитах кавказских дольменов были зафиксированы геометрические фигуры и орнаментальные композиции, а также изображения парных выпуклостей (женская грудь?).

Антропоморфные и зооморфные персонажи на плитах «дворика» дольмена из Джубги стилистически и композиционно близки многофигурной сцене на сунженском сосуде. Тела животных и людей переданы предельно схематично и обобщенно. Только «ветвистые» рога позволяют опознать в одной из фигур животных оленя. Антропоморфные персонажи показаны без признаков пола. Единственная дополнительная деталь — короткие «насечки» возле головы одной из фигур, — вероятно, передает головной убор или прическу. Голова мужчины с похожим зубчатым гребнем (прическа-«ирокез», корона?) процарапана на фрагменте каменной плиты из погребения СБВ в Лори Берде (Devedjian 2006: 213, рис. 120) (рис. 4, 10). Поза всех антропоморфных персонажей одинакова: они стоят на слегка расставленных ногах; одна рука прямая, поднята под прямым углом; вторая рука согнута, кисть опирается на поясницу. В одном случае композиция с антропоморфной фигурой включена в «процессию животных». Два другие персонажа, стоящие друг против друга, показаны симметрично относительно вертикальной оси (рис. 4, 8–9).

Изображения двух антропоморфных персонажей в сцене танца или ритуального поединка известны в металлопластике новосвободненской культуры (фигурки мужчин на рукоятке бронзового крюка из ст. Царской, раскопки Н. И. Веселовского 1898 г.). А. А. Формозов интерпретировал эти антропоморфные фигуры и аналогичные рельефные изображения на антропоморфных стелах из горного Крыма в рамках мифологического сюжета о «близнецах» (Формозов 1970). По мнению В. А. Трифонова, сюжетно-стилистическое сходство трактовки «мифа о близнецах» строителями дольмена в Джубге и носителями новосвободненской культуры отражает влияние дольменной культуры на майкопскую. В. А. Трифонов, как и В. И. Марковин, полагает, что в результате воздействия носителей мегалитических традиций на племена майкопской культуры на территории, где ареалы майкопской и дольменной куль-

тур перекрывают друг друга, сформировался новосвободненский феномен (Марковин 1978; Трифонов 2009: 368). Однако уже ранние порталные дольмены принципиально отличаются трапециевидностью в плане и разрезах от однокамерных и двухкамерных сооружений новосвободненской культуры, являющихся, по сути, каменными ящиками (Клады, Псыбе, Нальчик). Это наблюдение А. Д. Резепкина было проверено им на сотнях мегалитических построек Западного Кавказа.

С большей уверенностью можно судить о происхождении антропоморфной пластики соседних с КСД племен равнинной зоны Западного Кавказа. Речь идет о статуэтках из погребения Ульского аула (рис. 4, 4), а также о схематических «фигурках сидящих женщин» из Суворовского могильника и из курганов в Кабардино-Балкарии (Батчаев 1984; Нечитайло 1978а) (рис. 4, 6–7). Стилистически и типологически эти изображения традиционно связывают с Восточным Средиземноморьем, Балканами и Анатолией (Веселовский 1910; Пиотровский Ю. 1984). Последнее обстоятельство кажется особенно примечательным, поскольку именно активизация связей с Восточным Средиземноморьем и Малой Азией сыграла, на мой взгляд, решающую роль в формировании кавказских культур эпохи средней бронзы. В частности, из Средиземноморья, вероятно, была передана на Кавказ идея вторичного погребения в склепе, определившая облик погребального обряда строителей дольменов.

Схематические изображения людей и животных (олений, козлов) обнаружены на стенах погребений могильника Лори Берд (Devedjian 2006: tabl. XIV, 1). Эти рисунки, вероятно, были нанесены на ковры или циновки, покрывавшие стены погребальной камеры. Погребение 79 позднего этапа СБВ датировано XIX–XVII вв. до н. э. (Ibid.: 411).

Из дольмена 3 в сел. Хуап Гудаутского р-на (Абхазия) происходит уникальная фигурка сидящей женщины, сделанная из известняка (Цвинария 1990: 41, табл. 28, 5) (рис. 4, 1). И. И. Цвинария находит ей аналогию в раннеземледельческом поселении Хаджилар в Анатолии (Там же: 41). Можно упомянуть также статуэтки женщин из энеолитического поселения Хралис Дидигора на Южном Кавказе. Впрочем, эти фигурки на тысячи лет старше дольменных погребений Западного Кавказа. Гораздо ближе к статуэтке из сел. Хуап — и по времени, и территориально, и стилистически — бронзовые антропоморфные фигурки колхидо-кобанского культурного круга. Однако (поскольку дольмен сел. Хуап был сильно поврежден) статуэтка могла относиться не к комплексу строителей дольменов СБВ, а к инвентарю найденных здесь же более поздних впускных погребений финала эпохи бронзы (Там же: 46, табл. 29, 6–9, 21, 22).

Реалистически выполненные изображения сидящих с подогнутыми ногами персонажей были широко распространены в глиптике Переднего Востока, в частности, в конце аккадского периода и в период третьей династии Ура.

Таким образом, в СБВ на Кавказе прослеживаются две традиции, два стиля в изготовлении культовой пластики.

Одна из традиций, в русле которой, на мой взгляд, следует рассматривать и зооморфную пластику из поселения Старчики, восходит, вероятно, к кавказ-

ской зооморфной пластике РБВ (в частности, к пластике куроаракской культурной общности).

Другая традиция в искусстве малых форм связана с культурными влияниями Восточного Средиземноморья и Переднего Востока. Кроме упомянутых антропоморфных фигурок из Ульского аула примером таких культурных влияний в закавказских культурах СБВ могут служить скульптурные изображения льва из кургана 2 сел. Цнори (Кушнарева 1994: 81; табл. 20, 16; цветная вкладка — табл. II, 2) (рис. 3, 6) и онагра (олень?) из кургана V в Триалети (Гогадзе 1972: 105, табл. XVII, 5) (рис. 3, 5). При этом статуэтка из сел. Цнори, как и антропоморфная пластика Ульского аула, не являются прямыми импортами из Переднего Востока. Они демонстрируют следы творческой переработки, переосмысления передневожосточных культурных влияний кавказскими мастерами.

Я намеренно не рассматриваю здесь еще одну область художественного творчества древнего населения Кавказа — наскальные изображения, открытые как на юге (Гегамские горы в Армении; Гобустан и Апшерон в Азербайджане), так и на северо-востоке (Дагестан). На мой взгляд, сопоставление фигуративной пластики древних поселений Кавказа с петроглифами является темой отдельного исследования. Еще одна актуальная проблема для будущих изысканий — выяснение роли фигуративной пластики СБВ в генезисе всемирно известного искусства кавказского бронзового литья финальной стадии бронзового века. Во всяком случае, литые фигурки лошадей из Нежинской и Чиколы (с отверстиями в морде для подвешивания) стилистически напоминают известные зооморфные бронзовые подвески дигорской культуры (Васильева 2012: 35, табл. 1).

Алекперов 1994 — *Алекперов А. И.* Терракоты древнего Азербайджана. Баку, 1994.

Балабина 1998 — *Балабина В. И.* Фигурки животных в пластике Кукутени-Триполья. М., 1998.

Батчаев 1984 — *Батчаев В. М.* Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 1. С. 112–163.

Васильева 2012 — *Васильева Е. Е.* Подвески дигорского типа // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации: XXVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Махачкала, 2012. С. 34–36.

Веселовский 1910 — *Веселовский Н. И.* Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах Южной России и на Кавказе // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1910. Вып. 35. С. 1–11.

Гогадзе 1972 — *Гогадзе Э. М.* Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси, 1972.

Джапаридзе 1969 — *Джапаридзе О. М.* Археологические раскопки в Триалети (К истории грузинских племен во II тыс. до н. э.). Тбилиси, 1969.

Есаян 1981 — *Есаян С. А.* Скульптура Армении эпохи ранней бронзы // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981. С. 5–19.

Ковалев 1997 — *Ковалев А. А.* Курганы Центрального Предкавказья как опора хронологии позднебронзового века Евразийских степей // Новые исследования археологов России и СНГ: Материалы пленума ИИМК РАН (28–30 апреля 1997 г.). СПб., 1997. С. 70–75.

- Корневский 1993 — *Корневский С. Н.* Древнейшее оседлое население на среднем Тереке. М., 1993.
- Котович 1965 — *Котович В. М.* Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965.
- Кривицкий 1999 — *Кривицкий В. В.* О значении образа быка в культуре древнего Кавказа эпохи бронзы и раннего железа // Клио. СПб., 1999. № 1 (7). С. 64–67.
- Кушнарера 1978 — *Кушнарера К. Х.* Символика алтарных стел из святилища древнего Двина // II Междунар. симпозиум по армянскому искусству. Ереван, 1978. С. 11.
- Кушнарера 1994 — *Кушнарера К. Х.* Глава 5. Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 72–92 (Археология).
- Марковин 1978 — *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
- Марковин 1994 — *Марковин В. И.* Глава 3. Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 254–286 (Археология).
- Марковин 2006 — *Марковин В. И.* Наскальные изображения предгорий Дагестана. М., 2006.
- Массон 1971 — *Массон В. М.* Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики). Л., 1971 (МИА. № 180).
- Мирицхулава 1981 — *Мирицхулава Н.* Отчет работы археологического отряда Эрцо-Гианетской комплексной экспедиции // Полевые археологические исследования в Грузии в 1978 году. Тбилиси, 1981. С. 49–52.
- Мунчаев 1961 — *Мунчаев Р. М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1961 (МИА. № 100).
- Мунчаев 1994 — *Мунчаев Р. М.* Глава 1. Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. С. 158–225 (Археология).
- Нечитайло 1978а — *Нечитайло А. Л.* Антропоморфные алебастровые статуэтки в ранних памятниках северокавказской культуры // СА. 1978. № 2. С. 178–185.
- Нечитайло 1978б — *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
- Пиотровский Б. 1955 — *Пиотровский Б. Б.* Скотоводство в древнем Закавказье // СА. 1955. Т. 23. С. 5–15.
- Пиотровский Ю. 1984 — *Пиотровский Ю. Ю.* Комплекс антропоморфных изображений Ульского аула и вопросы контактов населения Северного Кавказа в эпоху средней бронзы // Контакты и взаимодействие культур Евразии: Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1984. С. 36–42 (Археологический сборник ГЭ. Вып. 25).
- Резепкин 1987 — *Резепкин А. Д.* К интерпретации росписи из гробницы майкопской культуры близ станицы Новосободной // КСИА. 1987. Вып. 192. С. 26–33.
- Резепкин 1991 — *Резепкин А. Д.* Курган 31 могильника Клады: Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991. С. 167–197.
- Резепкин 2012 — *Резепкин А. Д.* Новосободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб., 2012.
- Резепкин, Лионне 2007 — *Резепкин А. Д., Лионне Б.* Поселения эпохи ранней бронзы на Кубани // Revista Archeologică: Serie nouă. Chişinău, 2007. Vol. 3, nr. 1–2. P. 5–73.
- Ростунов 1983 — *Ростунов В. Л.* О куро-аракских элементах в керамике дольменной культуры // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе, 1983. С. 86–89.
- Ростунов, Козаев 1991 — *Ростунов В. Л., Козаев П. К.* К вопросу о взаимосвязи майкопской и куро-аракской культур на центральном Кавказе // Древнейшие земледельцы и скотоводы Северного Причерноморья. V тыс. до н. э.–V в. н. э. Кишинев, 1991. С. 53–55.
- Рысин 1992 — *Рысин М. Б.* Закубанье в эпоху средней бронзы (По материалам поселений предгорной зоны): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1992.
- Сафронов 1981 — *Сафронов В. А.* Катакомбные памятники предгорной зоны Северной Осетии // Катакомбные памятники Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981. С. 51–76.
- Трифонов 2009 — *Трифонов В. А.* Изображение «близнецов» на дольмене в Джубге // Пятая кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009. С. 365–369.

Формозов 1970 — *Формозов А. А.* Эпический сюжет в Причерноморском искусстве бронзового века // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 48–50.

Хачатрян 1975 — *Хачатрян Т. С.* Древняя культура Ширака. Ереван, 1975.

Цвинария 1990 — *Цвинария И. И.* Новые памятники дольменной культуры Абхазии. Тбилиси, 1990.

Шарафутдинова 1983 — *Шарафутдинова Э. С.* Новые материалы по эпохе энеолита и бронзы в Степном Прикубанье // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 15–23.

Devedjian 2006 — *Devedjian S.* Lori Berd II (Bronze Moyen). Erevan, 2006.

ZOOMORPHIC FIGURINES FROM THE STARCHIKI SITE OF DOLMEN-BUILDERS

M. B. Rysin

This article is the first publication of unique zoomorphic statuettes from the many-layered Starchiki settlement-site of dolmen-builders in the Western Caucasus (excavated by the present author). Terracotta figurines of animals are compared with parallels from the Caucasian Early and Middle Bronze Age. A certain similarity seems to be found between the zoomorphic plastics of the dolmen-builders and animal figurines from Transcaucasian settlement-sites dated to the Early Bronze Age (Kura-Arak Culture). It is supposed in this study that the movement of South-Caucasian migrants over the passes of the Main Caucasian Ridge to northern slopes of the Caucasian mountains was one of the components of the formation here of a suite of cultures of the Middle Bronze Age.

**СТЕПНАЯ КЕРАМИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ
В СТРАТИГРАФИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ «ВЫШКИ»
ПОСЕЛЕНИЯ НАМАЗГА-ДЕПЕ
И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВАНИЯ ПЕРИОДА НАМАЗГА VI
В ПОДГОРНОЙ ПОЛОСЕ КОПЕТДАГА**

В. А. АЛЁКШИН

Вопрос о длительности периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага дискусионен. Более полувека назад В. М. Массон, изучив археологические коллекции Аучин-депе и Тахирбай 3, двух поселений времени Намазга VI в Мургабском оазисе, синхронизировал завершение этого периода с концом последней четверти II тыс. до н. э. (Массон 1959: 28). Этой же точки зрения он придерживался и в более поздних своих работах (Массон 1966: 169; 2006: 71). Аналогичное мнение высказала Л. И. Хлопина (Хлопина 1978а: 18). И. Н. Хлопин относил окончание позднего бронзового века Южного Туркменистана к X в. до н. э. (Хлопин 1983: 55). Л. Т. Пьянкова, рассмотрев керамические комплексы поселений и могильников периода Намазга VI на юге Центральной Азии, выделила поздний этап рассматриваемого периода («вышка» Намазга-депе, Тахирбай 3), финал которого она, вслед за И. Н. Хлопиным, помещала в X в. до н. э. (Пьянкова 1994: 147). Этой же традиции следует и В. И. Сарияниди, датируя последнюю стадию периода Намазга VI как в подгорной полосе Копетдага, так и в Мургабском оазисе началом I тыс. до н. э. (Сарияниди 1975: 26; 1990: 71, 74; Sarianidi 1998: 76, 78).

Отечественные исследователи относили завершение периода Намазга VI к столь позднему времени из-за того, что они отдавали предпочтение так называемой короткой хронологии первобытных памятников Среднего Востока и Центральной Азии.

Показательна в этом отношении дискуссия о датировке третьего периода поселения Тепе Гиссар (Северо-Восточный Иран). Во время раскопок отложений этого времени была обнаружена жилая архитектура, богатые погребения и «клады», изобилующие терракотовыми, костяными, каменными и металлическими изделиями (Schmidt 1933; 1937). Некоторые найденные в них предметы (металлические печати и булавки) свидетельствовали о том, что культурные импульсы, исходившие из Гиссара (периоды ШВ и ШС), достигали земледельческих оазисов подгорной полосы Копетдага в эпоху Намазга V (Массон 1956: 317).

Д. Маккауэн, детально изучивший археологические коллекции Гиссара, пришел к выводу о том, что отдельные вещи (различные типы каменных бус и сосудов, металлические украшения, инструменты и оружие), представленные здесь в слое Ш, имеют параллели среди артефактов, найденных на юге Двуречья в памятниках раннединастического периода. Основываясь на этом, иссле-

дователь синхронизировал период Гиссар III с раннединастическим временем—началом аккадского периода (McCown 1957: 51, 52, table I—II). Оставление Гиссара случилось, с точки зрения Д. Маккауна, в начале XXIII в. до н. э.

К. Шеффер считал эти даты слишком древними и предложил датировать период Гиссар IIIA около 2300 г. до н. э., а периоды Гиссар IIIB и Гиссар IIIC — 2300—2000 гг. до н. э., причем окончательное оставление памятника он относил к промежутку времени между 2100 и 2000 гг. до н. э. (Schaeffer 1948: 451).

Но В. М. Массон посчитал, что такое омоложение дат недостаточно. Вслед за Г. Чайлдом он исходил из того, что в слое III нет импортов из Двуречья, а изделия, имеющие аналогии в месопотамских материалах, представлены также в комплексах II тыс. до н. э. Поэтому В. М. Массон синхронизировал Гиссар IIIB и Гиссар IIIC с началом II тыс. до н. э. (Массон 1956: 325, 326; 1959: 26, 109) или с первой третью II тыс. до н. э. Иногда он даже допускал вероятность того, что период Гиссар IIIC одновременен раннему этапу Намазга VI (Массон 1959: 112). Эпоху Намазга V исследователь датировал «в пределах первой половины II тыс. до н. э.» (Массон 1956: 326). Таким образом, поздняя датировка В. М. Массоном периодов Гиссар IIIC и Намазга V обусловила и позднюю хронологическую позицию периода Намазга VI.

Выбор В. М. Массоном коротких дат для указанных периодов повлиял на взгляды отечественных исследователей, которые, как правило, были единодушны с ним в этом вопросе.

Однако развитие радиоуглеродного метода датирования привело со временем к пересмотру прежних представлений о хронологии периодов Гиссар IIIB и IIIC. Оказалось, что Д. Маккаун и К. Шеффер не ошибались, помещая большую часть колонки культурных отложений слоя III этого памятника во вторую половину III тыс. до н. э.

Радиоуглеродные даты, полученные в ходе повторного исследования Гиссара, которое предпринял Р. Дайсон в 1976 г., показали, что период IIIB относится к середине второй—третьей четверти III тыс. до н. э., а Гиссар IIIC — к середине последней четверти III тыс. до н. э.—середине первой четверти II тыс. до н. э. (Dyson, Lawn 1989: 143; Dyson, Remsen 1989: 90, 108). Одна дата периода Гиссар IIIC (1940—1705 гг. до н. э.) была получена после обработки образца угля, взятого из слоя золы, который лежал под стеной второго сверху строительного горизонта (Dyson, Lawn 1989: 143; Dyson, Remsen 1989: 108). Исходя из местонахождения этого образца, можно было бы датировать окончательное запустение Гиссара 1800—1650 гг. до н. э. Однако, учитывая другую дату для этого же периода (2150—1885 гг. до н. э.), можно полагать, что жизнь на поселении прекратилась не позднее середины первой четверти II тыс. до н. э.

Со временем были получены также более древние, чем предполагалось ранее, радиоуглеродные датировки слоев периода Намазга V. Эти хронологические определения, в соответствии с которыми время существования указанного периода относится к концу III тыс. до н. э.—середине первой четверти II тыс. до н. э. (Гиберт 1994: 176), были получены во время раскопок древнеземледельческих поселений Мургабского оазиса на юге Туркменистана. В связи с новы-

ми датами для периода Намазга V в археологии бронзового века Центральной Азии сложилась своеобразная ситуация.

С одной стороны, возникла альтернативная гипотеза, сторонники которой, отказавшись от короткой хронологической схемы, разработали длинную хронологию, согласно которой завершение периода Намазга VI приходится на середину II тыс. до н. э. (Hiebert 1994: 80, 85), либо на конец второй четверти—начало третьей четверти этого же тысячелетия (Cattani 2004: 312), либо совпадает с началом третьей четверти II тыс. до н. э. (Кутимов 2009: 17–18).

С другой стороны, В. М. Массон, самый последовательный сторонник короткой хронологии, признавший после работ Р. Дайсона на Гиссаре, что период ШВ этого памятника относится еще к III тыс. до н. э., а период Гиссар ШС — к самому началу II тыс. до н. э. (Массон 1989: 132, 133), стал датировать окончание периода Намазга V серединой первой четверти II тыс. до н. э. (Массон 1981: 95) или ее концом (Массон 2006: 95). Однако, удревнив период Намазга V, исследователь не внес коррективов в свою прежнюю датировку эпохи Намазга VI (Там же: 71). В результате этой своеобразной попытки соединения короткой и длинной хронологий продолжительность периода Намазга VI увеличилась с 600 до 800 лет.

А. Я. Щетенко, ученик В. М. Массона, вначале, так же как и его учитель, полагал, что окончание эпохи Намазга VI, в основном, синхронно последней четверти II тыс. до н. э. (Щетенко 1999: 333; 2001б: 107). Однако, приступив к раскопкам лежащего в полутора километрах южнее Намазга поселения Теккем-депе, он установил, что толщина культурных слоев этого памятника, полностью относящегося к поре Намазга VI, достигала 11 м (Щетенко 1999: 325; 2002а: 62), и, следовательно, в подгорной полосе Копетдага поздний бронзовый век не мог длиться лишь 350 лет, как это предполагали сторонники короткой хронологии, к которым, до раскопок Теккема, примыкал и сам А. Я. Щетенко (Хлопина 1978а: 18; Щетенко 1972: 53; Khlopina 1981: 53). Пытаясь устранить противоречие между длинной и короткой хронологиями (Щетенко 2006: 320), он стал датировать финальный этап периода Намазга VI началом последней четверти (Щетенко 2002а: 60) или концом третьей—началом последней четверти II тыс. до н. э. (Щетенко 2000б: 263). В то же время исследователь полагал, что зарождение рассматриваемой эпохи относится к рубежу III и II тыс. до н. э. (Щетенко 2000б: 263; 2001б: 106; 2002б: 216). Таким образом, и для схемы А. Я. Щетенко характерна большая протяженность периода Намазга VI, которую он увеличивал от публикации к публикации: 700 л. (Долуханов и др. 1985: 122), 700–800 л. (Щетенко 2002б: 219), 800–1000 л. (Щетенко 2002а: 62), около 1000 л. (Щетенко 2006: 327). Такая продолжительность одного культурно-хронологического периода вызывает сомнение.

Решение вопроса о времени окончания упомянутого периода тесно связано с изучением так называемой керамики степного типа, которая была обнаружена в слоях некоторых анауских памятников времени Намазга VI как в подгорной полосе Копетдага, так и в Мургабском оазисе. Анализ этих артефактов предполагает определение их стратиграфической позиции в напластованиях

древнеземледельческих поселений, установление культурной атрибуции таких находок и, наконец, их синхронизацию с керамическими комплексами археологических культур степной зоны Евразии, что, в свою очередь, позволит датировать финальный этап периода Намазга VI.

Фрагменты грубой лепной орнаментированной керамики, которую в настоящее время исследователи определяют как посуду племен, населявших степную зону Евразии в эпоху позднего бронзового века (Кузьмина 1964), обнаружены и во время раскопок Намазга-депе, крупнейшего в Южном Туркменистане поселения эпохи энеолита и бронзового века. Это городище расположено в 6 км северо-западнее железнодорожной станции Каахка (рис. 1, А). Слои времени Намазга VI выявлены в северной части памятника. Они обнаружены здесь при исследовании так называемой «Вышки» (рис. 1, Б), холма, возвышающегося над остальной площадью поселения.

В опубликованном полевом отчете Б. А. Куфтина говорится о том, что он заложил на «Вышке» шурф, прорезавший всю свиту ее культурных слоев, причем на одной странице указано, что их толщина достигает 8 м (Куфтин 1956: 266), а на другой приведена иная величина — 7 м (Там же: 270). Неудивительно, что и в публикациях других авторов сведения о высоте всхолмления разнятся. Ее ограничивают то 7 м (Ганялин 1956а: 65; Массон 1959: 97; Щетенко 1999: 324), то 8 м (Щетенко 2000б: 261; 2001а: 231; 2001б: 105; 2002а: 51, 62; 2002б: 204; 2006: 321). Однако на опубликованном Б. А. Куфтиным схематичном рисунке шурфа «Вышки» (Куфтин 1956: рис. 42, вклейка между с. 198 и 199), показано, что мощность выявленных в нем отложений периода Намазга VI составляет 7 м. На эту цифру, видимо, и следует ориентироваться.

Раскапывая участок плоской вершины «Вышки», Б. А. Куфтин зафиксировал в самом поверхностном культурном отложении черепки лепной посуды с простым рубчатым орнаментом по венчику. Исследователь назвал ее «кочевнической» (Там же: 270).

Вначале такую интерпретацию обломков этих сосудов поддержал лишь А. Ф. Ганялин (1956б: 84). Другие же археологи полагали, что упомянутые фрагменты керамики могли принадлежать кухонной посуде периода Намазга VI (Массон 1959: 116, примеч. 86; 1966: 177, примеч. 5) или несомненно принадлежали ей (Хлопин 1968: 350; 1970: 57–58; Хлопина 1972: 63–64; Шопина 1972: 212–213).

Однако, Е. Е. Кузьмина крупнейший специалист по археологии культур андроновского круга, не сомневалась в том, что Б. А. Куфтин открыл в поверхностном слое «Вышки» черепки степных сосудов (Кузьмина 1964: 149, 152–154; 1988: 54; 1994: 231, 238; 2008: 75; Виноградова, Кузьмина 1986: 130). К такому же выводу пришел и Ю. Г. Кутимов (1999). Таким образом, в настоящее время нет оснований исключать рассматриваемые находки (рис. 4, 1, 3–6) из числа артефактов, свидетельствующих о проникновении пастушеского населения на юг Центральной Азии.

Кроме Б. А. Куфтина поздние отложения «Вышки» исследовали В. М. Массон в 1964 г. (Массон 1964), а также И. Н. Хлопин в 1965, 1967 и 1974 гг. (Хло-

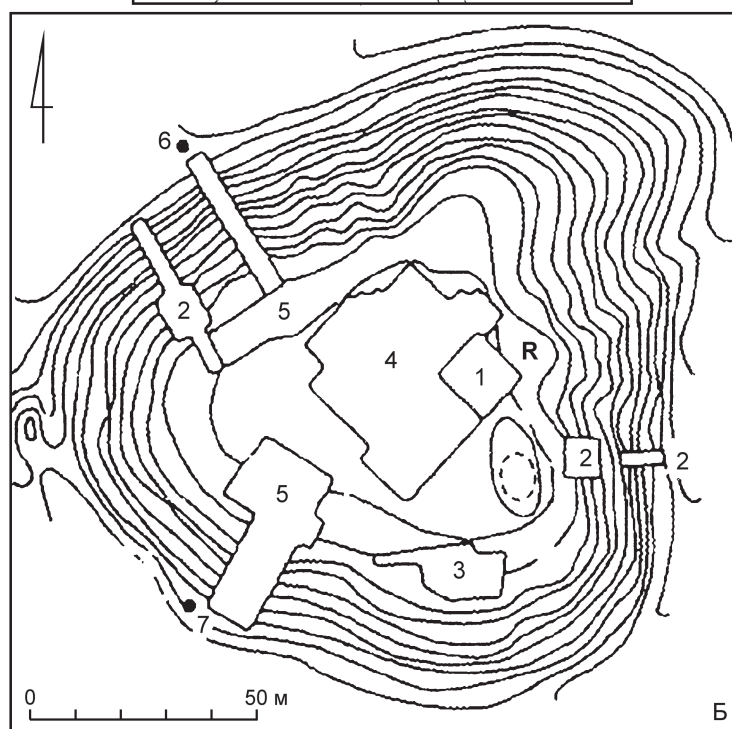
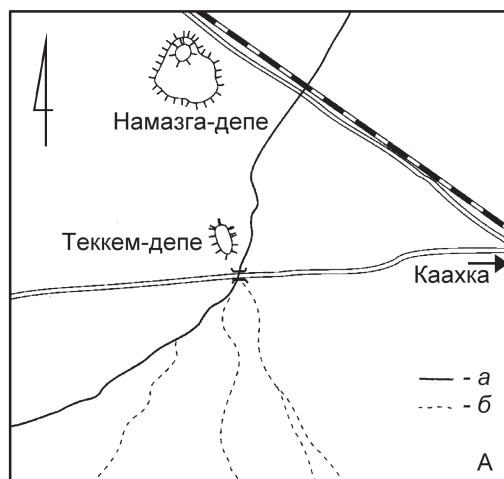

Рис. 1. А — схема расположения поселений Намазга-депе и Теккем-депе: *a* — современное русло р. Лоинсу; *b* — древние русла р. Лоинсу (по Щетенко 2006).
 Б — Намазга-депе, план «Вышки» (по Щетенко 2006): 1 — раскоп Б. А. Куфтина; 2 — раскопы А. А. Марушенко; 3 — раскоп А. Ф. Ганялина; 4 — раскоп И. Н. Хлопина; 5 — раскопы А. Я. Щетенко; 6–7 — скважины для взятия проб культурного слоя, просверленные буром; R — репер

пина 1978а: 2, 3). В течение этих четырех полевых сезонов планировка двух верхних строительных горизонтов «Вышки» была вскрыта на площади 1800 м² (Щетенко 1999: 324; 2000а: 129).

Стратиграфия «Вышки» была изучена на ее юго-западном склоне в траншее (1968 г.), превращенной в 1970 г. в стратиграфический раскоп, работы на котором были проведены также в 1972 и 1973 гг. (Щетенко 1999: 324; 2000а: 130; 2002а: 52, примеч. 3), причем в 1970 г. в нижней части отложений этого раскопа, заложенного у основания «Вышки», были обнаружены строительные горизонты периодов Намазга IV, Намазга V и раннего Намазга VI (Щетенко 1972: 52; 1999: 324), а в 1973 г. в верхней пачке отложений данного раскопа был исследован кроющий слой, архитектура которого аналогична планировке строений, вскрытых на раскопе И. Н. Хлопина (Щетенко 1999: 324; 2000а: 130).

Последовательность культурных напластований «Вышки» была исследована также в 1975 г. в траншее на ее северо-западном склоне, причем стратиграфия памятника, судя по опубликованным схематическим планам (Щетенко 2002а: 53, рис. 2, I; 2002б: 206, рис. 2, I; 2006: 322, рис. 2, I), была исследована здесь, начиная с той же отметки, что и в траншее 1968 г., и вплоть до уровня равнины, окружающей городище (Долуханов и др. 1985; Щетенко 1999: 324; 2000а: 129; 2002а: 52). Публикуя результаты стратиграфических исследований «Вышки» (рис. 2, А–В), А. Я. Щетенко использовал различные реперы (Щетенко 2002а: 52, примеч. 4), вследствие чего в его ранних публикациях (1999; 2000а) условные яруса стратиграфического раскопа обозначены римскими цифрами VII–XIII/XIV, тогда как в более поздних статьях (2002а; 2002б; 2006) эти же яруса помечены римскими цифрами III–X.

Основные сведения о стратиграфии «Вышки» были получены при вскрытии культурных отложений в юго-западной траншее, превращенной со временем в раскоп.

Во-первых, было установлено, что в основании «Вышки» находилось большое двухметровое всхолмление, образованное остатками разновременных сырцовых построек, позднейшие из которых относятся к завершающему этапу периода Намазга V (Щетенко 1999: 324; 2002а: 52; 2002б: 208; 2006: 324). К этому времени большая часть поселения была уже заброшена, и жизнь теплилась только в домовладениях, выстроенных на северной окраине Намазга-депе. Видимо, такая же картина характерна и для других крупных земледельческих поселений подгорной полосы Копетдага, которые, скорее всего, постепенно приходили в запустение по мере того как их жители по причине случившего в бронзовом веке иссушения ручьев и небольших рек были вынуждены в поисках воды перебираться к новым местам обитания.

Во-вторых, удалось проследить, что архитектура завершающей стадии среднего бронзового века была перекрыта на «Вышке» свалкой, отложения которой, по одним данным, имели толщину от 1 до 1,5 м (Щетенко 2006: 330), а по другим — от 1,5 до 2 м (Щетенко 2002а: 52). Однако лишь при метровой мощности мусорных слоев толща всех культурных отложений «Вышки» составит 7 м, т. е. ту величину, которая фигурирует на приложенном к отчету

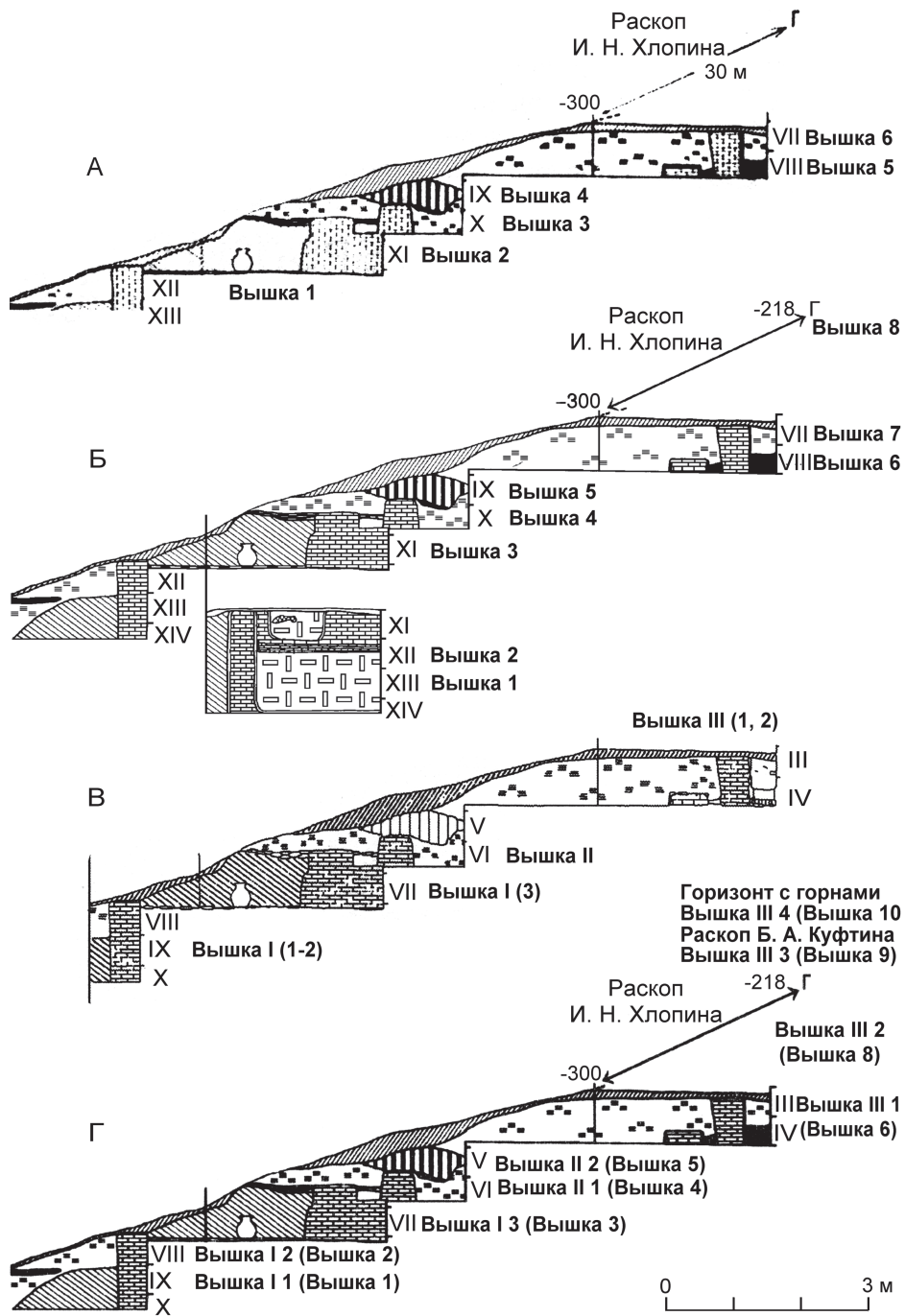

Рис. 2. «Вышка» Намазга-депе, верхняя часть напластований юго-западного обреза раскопа 1968 г.: А — яруса XIII–VII (по Щетенко 1999); Б — яруса XIV–VII (по Щетенко 2000а); В — яруса X–III (по Щетенко 2002а; 2002б; 2006); Г — предлагаемая последовательность строительных горизонтов и культурно-хронологических периодов поселения на «Вышке»

Б. А. Куфтина схематичном рисунке шурфа (Куфтин 1956: рис. 42, вклейка между с. 198 и 199).

А. Я. Щетенко полагал, что обнаруженная им свалка является свидетельством временного запустения поселения. По его мнению, на заброшенность поселка указывает и выявленный в северо-западной траншее «Вышки» слой стерильного песка толщиной 0,5–0,8 м, который разделял сырцовую архитектуру периодов Намазга V и Намазга VI (Щетенко 1999: 324; 2006: 330). В связи с этим он утверждал, что на «Вышке» имеется временной разрыв между периодами Намазга V и Намазга VI (Щетенко 2000а: 138; 2000б: 262; 2006: 330). С таким выводом А. Я. Щетенко вряд ли можно согласиться.

Мусорные слои юго-западной траншеи, которые залегали поверх архитектуры среднего бронзового века, наоборот, служат доказательством того, что поселок на «Вышке» не был покинут. Его жители по мере необходимости перестраивали свои домовладения. В результате одной из таких перепланировок вскрытую в раскопе-траншее застройку «Вышки», относящуюся к периоду позднего Намазга V, стали использовать как место для сброса различных отходов.

Что же касается северо-западной траншеи, то на ее разрезе (рис. 3) хорошо видно, что зафиксированный на глубине 3,9 м слой песка, имевший толщину не более 0,35 м, включает каменную вымостку и поэтому не может считаться стерильным. Именно это отложение и разделяет керамические комплексы периодов Намазга V и Намазга VI. Ниже находился горизонт толщиной около 10 см, состоящий из разрушенных сырцовых кирпичей, зольных прослоек, фрагментов керамики и костей животных. Еще ниже залегали два лессовидных отложения толщиной 0,45 м и 0,25 м, перемежавшиеся сырцовыми вымостками и углистыми прослойками. Наконец, на глубине 5,5 м начиналась кирпичная кладка времени Намазга V (Долуханов и др. 1985: 120–121, рис. 1). Таким образом, характер описанных отложений данной траншеи также исключает возможность того, что поселок на «Вышке» был временно заброшен в конце среднего бронзового века.

Площадь поселения на «Вышке» (рис 1, Б), по уточненным данным, составляет 1,5 га (Щетенко 2002а: 51; 2002б: 204; 2006: 321). В пределах этого пространства находились, конечно, жилые дома, синхронные свалке. Вопрос состоит лишь в том, к какому периоду она относится. А. Я. Щетенко не упоминает о наличии каких-либо находок в слое мусора. Очевидно, их там и не было. Поэтому упомянутые бытовые отходы могли относиться как к периоду позднего Намазга V, так и к периоду раннего Намазга VI, причем, судя по их толщине, они могли накапливаться в течение двух-трех строительных периодов.

Необходимо, однако, указать, что в соответствующих свалке напластованиях северо-западной траншеи представлен керамический комплекс, характерный для периода Намазга V (Долуханов и др. 1985: 121). Из этого можно сделать вывод о том, что мусорные слои траншеи-раскопа относятся к завершающей стадии среднего бронзового века.

В-третьих, была определена толща культурных отложений периода Намазга VI в обеих траншеях. Неточна имеющаяся информация о том, что в юго-

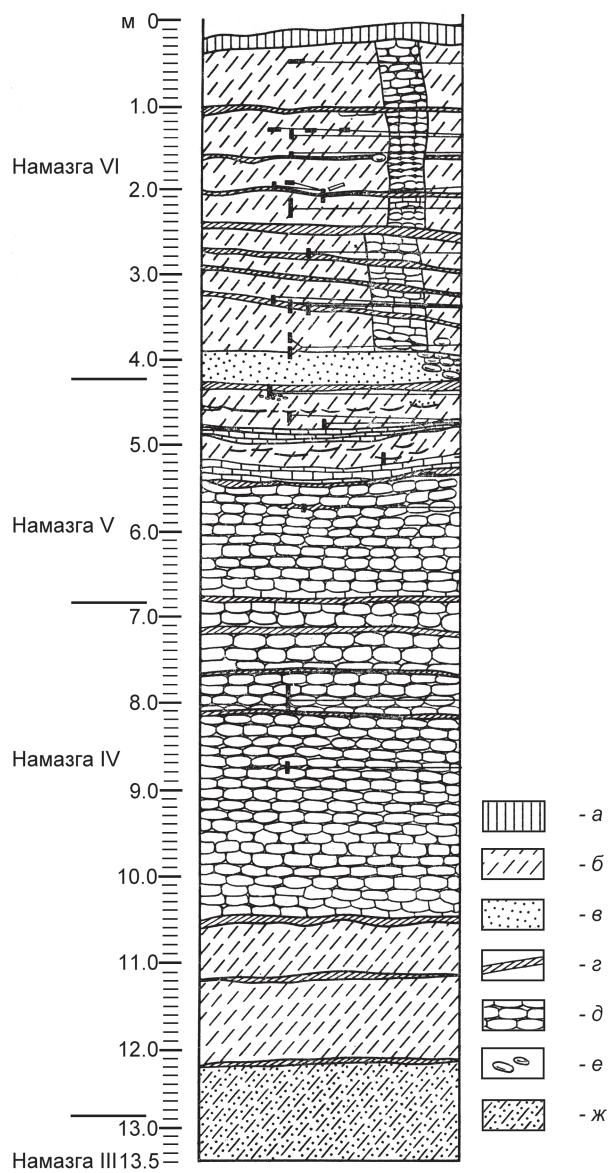

Рис. 3. Стратиграфический шурф на «Вышке» Намазга-депе: *a* — современная почва; *б* — лессовидные отложения; *в* — песок; *г* — углистые прослойки; *д* — сырцовая кладка; *е* — каменная кладка; *ж* — песчанистый лесс (по Долуханову и др. 1985)

западной траншее-раскопе свита слоев позднего бронзового века, т. е. напластования, располагающиеся выше слоя мусора, составляет 4,4–4,5 м (Щетенко 1969: 439; 1970: 4; 1972: 52). На всех опубликованных разрезах этой траншеи, кроме чертежа, представленного в работе, которая была издана в 1999 г. (Щетенко 1999: 324, рис. 1, 3), видно, что слои периода Намазга VI составляют здесь 4 м (Щетенко 2000а: 131, рис. 1; 2002а: 53, рис. 2, IV; 2002б: 206, рис. 2, IV; 2006: 322, рис. 2, IV).

Несмотря на указание о том, что материал периода Намазга VI встречается в северо-западной траншее до глубины 4,5 м (Долуханов и др. 1985: 119), ее разрез (рис. 3) демонстрирует, что напластования позднего бронзового века достигают здесь толщины 4,2 м (Там же: 120–121, рис. 1), что и является максимальной толщиной слоев периода Намазга VI, зафиксированной в траншеях.

В юго-западной траншее-раскопе непосредственно над свалкой находилась метровый высоты платформа из сырцового кирпича, на которой, как на фундаменте, выстроили прямоугольное многокомнатное здание (10 × 4 м) хозяйственного, по мнению автора раскопок, назначения. Стены его помещений сохранились на высоту от 0,5 м до 2 м. Судя по неоднократным промазкам полов, дом существовал длительное время, в течение которого его три раза перестраивали (Щетенко 1970: 2; 1999: 325; 2000а: 130; 2000б: 261; 2001а: 231; 2001б: 105; 2002а: 52; 2002б: 208; 2006: 321).

А. Я. Щетенко полагал, что каждая перепланировка соответствует строительному горизонту, и вначале обозначил три этапа функционирования сооружения как Вышка 1–Вышка 3, причем на чертеже, опубликованном в 1999 г. (рис. 2, А), самый ранний этап, Вышка 1, не показан, а этапы Вышка 2 и Вышка 3 ошибочно помечены как периоды Вышка 1 и Вышка 2 (Щетенко 1999: 324–325, рис. 1, 3). Эта неточность была устранена в статье (рис. 2, Б), увидевшей свет годом позже (Щетенко 2000а: 131, рис. 1). Впоследствии исследователь дал новые названия этим строительным горизонтам (рис. 2, В), обозначив их как периоды Вышка I₁–Вышка I₃ (Щетенко 2002а: 52; 2006: 324).

А. Я. Щетенко колебался, определяя культурно-хронологическую позицию находок, выявленных в помещениях упомянутого здания. В большинстве своих публикаций он относил обнаруженные здесь вещи, а следовательно, и горизонты Вышка I₁ (Вышка 1)–Вышка I₃ (Вышка 3) к периоду раннего Намазга VI (Щетенко 1999: 325; 2000б: 262; 2002а: 52; 2002б: 214; 2006: 330). Однако в некоторых работах автор раскопок указывал, что эти горизонты содержат материал, относящийся к эпохе перехода от периода Намазга V к периоду Намазга VI (Щетенко 2001а: 231; 2001б: 106), а в одной статье он использовал обе датировки (Щетенко 2000а: 137–138).

Следует отметить, что термин «переходный этап» А. Я. Щетенко употребляет в качестве синонима таких понятий, как «начало эпохи поздней бронзы» и «начало раннего Намазга VI» (Щетенко 2000б: 263; 2001б: 106; 2002б: 219). Исследователь относил время перехода от периода Намазга V к периоду Намазга VI к рубежу III и II тыс. до н. э. (Щетенко 2000б: 263; 2001б: 106; 2002б: 219), а период раннего Намазга VI — к XVIII–XVII вв. до н. э. (Щетенко 2001б: 106).

Однако в настоящее время вещевые комплексы периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага и, прежде всего керамика, изучены не с той степенью детализации, чтобы можно было отделить посуду переходного этапа от керамики поры раннего Намазга VI. Поэтому нужно, во всяком случае пока, придерживаться того, что находки из горизонтов Вышка I₁–I₃, а следовательно, и сами горизонты относятся к периоду раннего Намазга VI.

А. Я. Щетенко синхронизовал периоды Вышка I₁–Вышка I₃ с периодами Теккем 1 и Теккем 2 (Алёкшин 2012: 280; Щетенко 1999: 325; 2002б: 214; 2006: 330). Этот вывод справедлив, так как при сооружении многокомнатных зданий обоих памятников строители использовали один и тот же прием: основание дома возводили на мощной сырцово-красочной платформе, причем большая разница в мощностях культурных отложений Вышка I₁–Вышка I₃ (2 м; яруса X–VII) и Теккем 1–2 (8 м) не должна смущать. Ранние наслоения «Вышки» являются лишь очередным этапом обживания городища, которое к этому времени возвышалось над окружающей местностью. Напротив, Теккем возник только в эпоху раннего Намазга VI, и его жители, основавшие поселок на плоской равнине, вынуждены были строить свои дома на очень высоких глинобитных основаниях, чтобы защитить жилища от затопления в сезон весенних дождей, сопровождавшийся разливом рек.

А. Я. Щетенко считал, что после того как многокомнатный дом прекратил свое существование, намазгинское поселение заустело (Щетенко 2000б: 261; 2001а: 231; 2001б: 106; 2002а: 62; 2002б: 214; 2006: 330). Однако на опубликованном им разрезе юго-западной траншеи-раскопа (рис. 2, А–В) видно, что одна из стен здания периода Вышка I₃ частично перекрыта стеной возведенного из пахсы помещения 2, которое относится к более позднему строительному горизонту (Щетенко 1999: 324, рис. 1, 3; 2000а: 131, рис. 1; 2002а: 53, рис. 2, IV; 2002б: 206, рис. 2, IV; 2006: 322, рис. 2, IV). Таким образом, горизонт Вышка I₃ без всякого перерыва сменяется следующим строительным периодом, который автор раскопок вначале обозначил как Вышка 4 (рис. 2, Б) (Щетенко 2000а: 130; 2001а: 231), неверно помеченный в одной из его работ как период Вышка 3 (рис. 2, А) (Щетенко 1999: 324, рис. 1, 3). Следует, однако, отметить, что постройки нового периода расположены не на всей площади, которую некогда занимало многокомнатное здание, большая часть которого со временем оказалась перекрытой мусорными слоями, примыкающими к одной из стен помещения 2 (Щетенко 1999: 324, рис. 1, 3; 2000а: 131, рис. 1; 2002а: 53, рис. 2, IV; 2002б: 206, рис. 2, IV; 2006: 322, рис. 2, IV).

В этой комнате были найдены стоящие вверх дном три миски времени Намазга VI и горшок. Автор раскопок и Л. И. Хлопина описывали последнюю из указанных находок (рис. 4, 2) по-разному. А. Я. Щетенко первоначально определил горшок как лепной сосуд степного типа (Щетенко 1999: 326–327, рис. 2, 2; 2000а: 130). Однако в одной из более поздних работ исследователя упоминание о сходстве конфигурации горшка с формами, присущими степной посуде, исчезает (Щетенко 2002а: 54). Напротив, Л. И. Хлопина, осмотрев сосуд, пришла к выводу о том, что это изделие, являвшееся, с ее точки зрения, продукци-

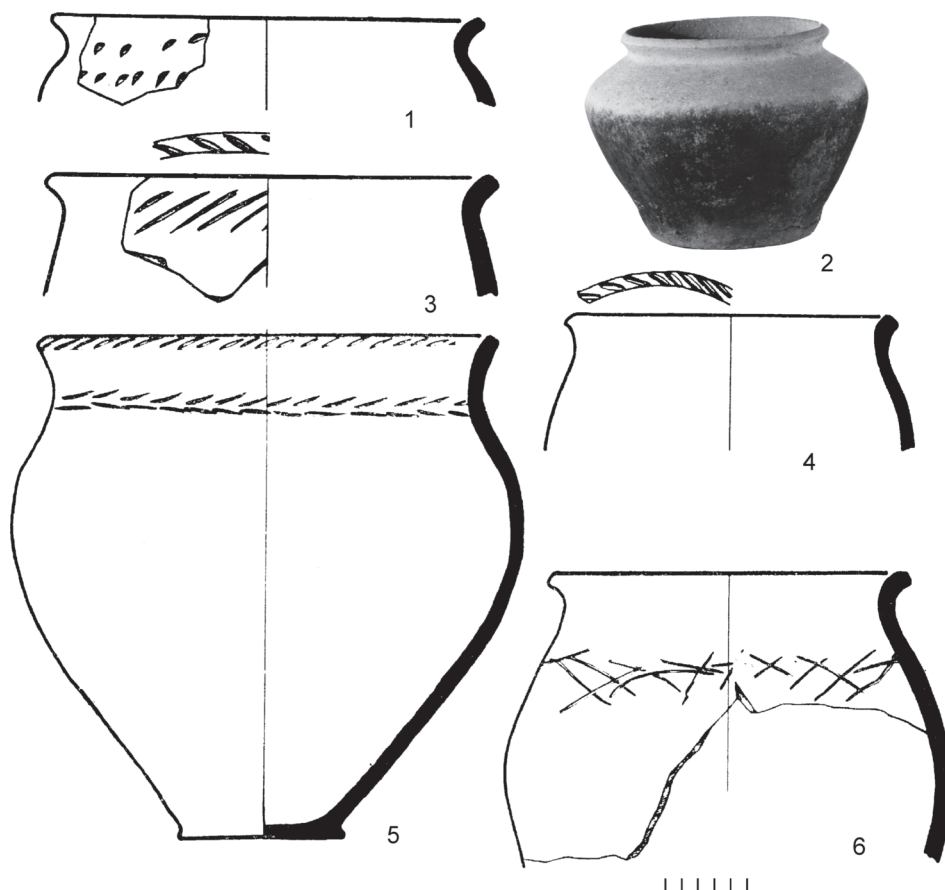

Рис. 4. 1, 3–6 (по Нлорина 1972) — степная (саргаринско-алексеевская керамика), найденная на «Вышке» Намазга-депе (Вышка III₄ или Вышка 10); 2 (по Хлопина 1972) — сосуд, изготовленный в соответствии с земледельческой и степной (алакульской) технологическими традициями (Вышка II₁ или Вышка 4)

ей местных керамистов, было выполнено на гончарном круте, но его дно вылеплено отдельно и прикреплено к стенкам с помощью глиняной ленты. С течением времени соединение дна и тулова было повреждено (Хлопина 1972: 63–64, рис. 5). Такой способ крепления дна сосуда, в соответствии с заключением Е. Е. Кузьминой, с которым она ознакомила А. Я. Щетенко, характерен для алакульской гончарной традиции (Щетенко 2002а: 59, примеч. 13). Таким образом, нельзя исключать вероятности того, что рассматриваемый горшок является косвенным свидетельством контакта населения «Вышки» с пастушьескими племенами, проникшими на юг Центральной Азии.

Алакульская культура сложилась в Южном Зауралье и Северном Казахстане, а затем распространилась в Западном и Центральном Казахстане. Имеются также свидетельства о продвижении ее носителей на юг Центральной Азии

(Кутимов 1999: 320). Е. Е. Кузьмина датирует алакульскую керамику в соответствии с традиционной хронологией этой культуры, которую она относит либо к третьей четверти II тыс. до н. э. (Кузьмина 1964: 152; 2008: 74), либо к XVI–XIII вв. до н. э. (Кузьмина 1988: 51; 1994: 232). В связи с этим следует указать, что за последние годы в Южном Зауралье были получены новые серии радиоуглеродных дат для закрытых комплексов доалакульских культур (синташта и петровка) андроновского круга, которые позволили синхронизировать их в начале с первой четвертью II тыс. до н. э. (Алёкшин 2012: 280; Епимахов и др. 2005: 99), а затем с XXI–XVIII вв. до н. э. (Епимахов 2010: 16; Krause и. а. 2010: 118–119). Поэтому возникновение алакульской культуры также следует относить к более раннему времени, причем не к XVII в. до н. э. (Алёкшин 2012: 280; Кутимов 2002: 197), а к XIX в. до н. э. (Епимахов 2010: 16), т. е. присутствие части алакульских племен в подгорной полосе Копетдага вполне вероятно уже в конце этого столетия, о чем может свидетельствовать упомянутый сосуд периода Вышка 4. Таким образом, заключение Е. Е. Кузьминой о позднем возрасте алакульской керамики южных районов Центральной Азии (Кузьмина 2008: 77), видимо, нуждается в уточнении.

К помещению 2 прилегал двор, в котором обнаружены каменные изделия, названные А. Я. Щетенко производственным комплексом: литейная форма для отливки нескольких предметов и набор инструментов для металлообработки (Щетенко 2000а: 130; 2002а: 54; 2002б: 210–211). В других публикациях автор, говоря о периоде Вышка 4, не пишет ни о помещении 2, ни о сделанных в нем находках (Щетенко 2000б: 261; 2001б: 105).

Хотя горизонт Вышка 4 всегда упоминался при описании стратиграфии «Вышки» Намазга-депе, исследователь зачастую не находил ему места в предложенных им схемах развития периода Намазга VI (Щетенко 1999: 325; 2000а: 137, 138; 2001а: 231). Лишь в одной работе горизонт Вышка 4 трактуется как переходный этап, вероятно, от раннего Намазга VI к позднему Намазга VI (Щетенко 2000б: 262), а в другой — как переходный этап после временного запустения поселения (Щетенко 2002б: 214). Однако стратиграфия обеих траншей не дает доказательств того, что между горизонтами Вышка I₃ (Вышка 3) и Вышка 4 существовал временной разрыв, так же как нет перерыва и между периодами Теккем 2 и Теккем 3 (Алёкшин 2012: 280). Следовательно, горизонт Вышка 4, вопреки мнению А. Я. Щетенко о том, что данный горизонт не имеет соответствия в стратиграфии Теккем-депе (Щетенко 2000б: 261; 2001б: 106), можно синхронизировать с отложениями периода Теккем 3, причем одновременными, вероятно, являются начало периода Теккем 3, в отложениях которого найдено два черепка посуды алакульского типа (Алёкшин 2012: 279–280, рис. 1, III, 1–2; Щетенко 1999: 327, 329, рис. 3, 9–10), и горизонт Вышка 4, где обнаружен кухонный горшок, в изготовлении которого выявлены две керамические традиции: земледельческая (гончарный круг) и степная алакульская (способ крепления донца). Таким образом, горизонт Вышка 4, так же как и начальный этап периода Теккем 3, относится к концу периода ранее Намазга VI и может быть датирован концом XIX в. до н. э.

Помещение 2 перекрыто горелым слоем, толщина которого варьирует от 0,5 м до 1,1 м (Щетенко 1999: 324, 325; 2000а: 130; 2000б: 261; 2001а: 231; 2001б: 105). Вначале исследователь рассматривал этот археологический контекст как самостоятельный горизонт и дал ему название Вышка 5 (рис. 2. Б) (Щетенко 2000а: 130). В публикации, вышедшей годом ранее, этот период ошибочно обозначен как Вышка 4 (рис. 2, А) (Щетенко 1999: 324, рис. 1, З).

А. Я. Щетенко полагал, что горизонт Вышка 5, состоящий из золы и углей, свидетельствует о запустении поселения (Щетенко 2000а: 130, 138; 2000б: 262), и, видимо, на этом основании иногда не включал этот период в схему археологической периодизации «Вышки» (Щетенко 2001б: 106; 2002а: 54, 55). Однако данное напластование говорит не о заброшенности поселка, а о его перепланировке, в результате которой место, занимаемое ранее домовладением, стали использовать как свалку.

А. Я. Щетенко синхронизировал горизонт Вышка 5 с периодом Теккем 3 (Алѣкшин 2012: 280; Щетенко 2001а: 231). Такое сопоставление, впрочем, возможно только с поздней частью отложений этого периода, которыми завершается эпоха раннего Намазга VI.

Позднее исследователь переименовал горизонт Вышка 4 в горизонт Вышка II (рис. 2, В) (Щетенко 2002а: 52, примеч. 4, 53–54, рис. 2, IV; 2002б: 206, 210, рис. 2, IV; 2006: 322, 324, рис. 2, IV), подчеркнув, что горизонт Вышка II (ярус VI) перекрыт мусорными слоями (ярус V), которым он теперь не дал обозначения (Щетенко 2002а: 54; 2006: 324, 330). Чтобы избежать в дальнейшем путаницы в названиях стратиграфических горизонтов, необходимо внести поправку в предложенную А. Я. Щетенко схему периодизации. Корректировка заключается в том, чтобы объединить в рамках периода Вышка II горизонты Вышка 4 и Вышка 5, обозначив первый из них как Вышка II₁, а другой — как Вышка II₂. Это уточнение необходимо еще и потому, что последнее напластование мощностью от 0,5 м до 1,1 м накапливалось по меньшей мере в течение одного строительного горизонта, и этот отрезок времени нельзя не учитывать при определении продолжительности существования поселка на «Вышке» в эпоху позднего бронзового века.

В целом период Вышка II, в котором впервые прослеживаются контакты местного земледельческого населения со степными племенами алакульского круга (Щетенко 2002а: 62), синхронен периоду Теккем 3.

Горизонт Вышка II₂ (Вышка 5) перекрыт в раскопе-траншее строительным периодом Вышка 6, в котором расчищены жилые и хозяйственные помещения, разделенные двором (Щетенко 1999: 324; 2000а: 130, 131; 2000б: 261; 2001а: 231; 2001б: 105). На полу помещения 1 зафиксирована углистая прослойка, имевшая толщину от 0,15 м до 0,5 м. По мнению автора раскопок, она свидетельствует о пожаре, от которого пострадало домовладение, частично вскрытое во время раскопок. А. Я. Щетенко обозначил данный контекст как горизонт Вышка 7 (Щетенко 2000а: 131; 2000б: 261; 2001а: 231; 2001б: 105), нарушив тем самым свой же принцип выделения горизонтов, в соответствии с которым они образованы либо остатками сырцово-архитектуры, либо мощными му-

сорными отложениями. Археологический контекст Вышка 7 не является ни тем, ни другим, и поэтому выделение данного периода неправомерно. В сущности, исследователь предлагает рассматривать одну из прослоек горизонта Вышка 6 в качестве самостоятельного периода. В связи со всем изложенным нужно отметить, что горизонты Вышка 5 и Вышка 6, показанные на рисунке в публикации 1999 г. (рис. 2, А) (Щетенко 1999: 324, рис. 1, 3), а также горизонты Вышка 6 и Вышка 7, представленные на иллюстрации в статье 2000 г. (рис. 2, Б) (Щетенко 2000а: 131, рис. 1), соответствуют только периоду Вышка 6.

Затем А. Я. Щетенко переименовал горизонт Вышка 6 в период Вышка III₁, яруса IV и III (Щетенко 2002а: 54; 2002б: 211; 2006: 327). Следует подчеркнуть, что только этот горизонт представлен на разрезе юго-западного раскопа-траншеи в более поздних публикациях исследователя (рис. 2, В), хотя на иллюстрациях данное отложение ошибочно помечено как период Вышка III_{1,2} (Щетенко 2002а: 53, рис. 2, IV; 2002б: 206, рис. 2, IV; 2006: 322, рис. 2, IV).

Следующий по времени горизонт Вышка 8 (рис. 2, Б), архитектура которого аналогична застройке периода Вышка III₁ (Вышка 6), был расчищен в раскопе И. Н. Хлопина (центральная часть «Вышки»). Этот горизонт являлся здесь нижним строительным периодом, который был вскрыт в 1974 г. (Щетенко 2000а: 131; 2000б: 261; 2001а: 231; 2001б: 105). Позднее А. Я. Щетенко переименовал горизонт Вышка 8 в период Вышка III₂. Вопрос о его стратиграфическом соотношении с предшествующим горизонтом Вышка III₁ (Вышка 6) остается открытым, так как на разрезах, опубликованных исследователем, переход от одного горизонта к другому не показан. Опубликована лишь информация о том, что период Вышка III₁ (Вышка 6) сменяется горизонтом Вышка III₂ (Вышка 8) (Щетенко 2002а: 54; 2006: 327).

Период Вышка III₂ (Вышка 8) перекрыт горизонтом Вышка 9, архитектуру которого начал исследовать еще Б. А. Куфтин в 1952 г. (Куфтин 1956: 277). Раскопки этого строительного периода были продолжены в 1964 г. В. М. Массоном (1964), в 1965 и 1967 гг. — И. Н. Хлопиным. Строения горизонта Вышка 9 имеют два-три уровня полов и образуют верхний строительный период в раскопах Б. А. Куфтина и И. Н. Хлопина. Кроме жилых и хозяйственных построек в горизонте Вышка 9 выявлены мусорные слои толщиной в несколько десятков сантиметров и очаги во дворах, сконструированные из поставленных на ребро сырцовых кирпичей (Щетенко 2000а: 131, примеч. 10; 2000б: 261; 2001а: 231; 2001б: 105; 2002б: 210).

Впоследствии А. Я. Щетенко переименовал этот период в горизонт Вышка III₃ (Щетенко 2002а: 54; 2006: 327). Толща его отложений не превышает 1 м (Щетенко 2000а: 128). Учитывая, что стены горизонта Вышка III₃ (Вышка 9) находились на глубине 0,2–0,25 м от поверхности холма (Массон 1964: 4), следует признать, что архитектура периода Вышка III₂ (Вышка 8) находилась примерно на глубине 1 м от поверхности памятника. В тексте публикации 1999 г. А. Я. Щетенко дал горизонтам Вышка III₂ (Вышка 8) и Вышка III₃ (Вышка 9) условное название период Вышка 7, но не пометил его на опубликованном разрезе раскопа-траншеи (Щетенко 1999: 324–325, рис. 1, 3) и впоследствии отка-

зался от этого названия. Таким образом, при описании стратиграфии «Вышки» Намазга-депе А. Я. Щетенко дважды использовал термин «Вышка 7», каждый раз вкладывая в него различное содержание. В настоящей работе этот термин опущен во избежание дальнейшей путаницы.

Вначале А. Я. Щетенко относил горизонты Вышка III₁ (Вышка 6), Вышка III₂ (Вышка 8) и Вышка III₃ (Вышка 9) к периоду позднего Намазга VI (Щетенко 2000а: 137, 138; 2000б: 262; 2001а: 231; 2001б: 106). Затем исследователь отделил от периода позднего Намазга VI [Вышка III₁ (Вышка 6), Вышка III₂ (Вышка 8)], который он относил к XIII–XII вв. до н. э., финальный этап позднего бронзового века Вышка III₃ (Вышка 9), который он датировал XII–XI вв. до н. э. Эпоха позднего Намазга VI, по мнению А. Я. Щетенко, синхронна периодам Теккем 4 и Теккем 5, а финал позднего бронзового века соответствует периоду Теккем 6 (Алехин 2012: 280; Щетенко 2001б: 107; 2002б: 216; 2006: 330, 331). Сообщение о том, что период Вышка III₂ (Вышка 8) также относится к финальному этапу эпохи поздней бронзы (Щетенко 2000б: 262), следует считать опечаткой.

Стены горизонта Вышка III₃ (Вышка 9) частично повреждены гончарными горнами, относящимися к самому позднему строительному горизонту «Вышки», сохранившаяся толщина которого не превышает 30 см (Массон 1964: 4). Его жилые и хозяйственные постройки, в отличие от печей для обжига керамики, не сохранились. Этот горизонт, в котором представлены разрозненные керамические материалы различных археологических эпох, А. Я. Щетенко обозначил как Вышка 10 (Щетенко 2000а: 132). В соответствии с новой схемой периодизации горизонтов «Вышки», которую он принял позднее, это напластование следует именовать Вышка III₄. Введение этого нового обозначения представляет собой вторую коррекцию схемы А. Я. Щетенко. Однократное использование такого индекса в тексте публикации 2002 г. (Щетенко 2002а: 56), является опечаткой.

Первоначально исследователь датировал горизонт Вышка III₄ (Вышка 10) финалом эпохи поздней бронзы (Щетенко 2000а: 137–138). Однако впоследствии он изменил свою точку зрения и стал относить этот период к эпохе раннего железного века (Щетенко 2002б: 216; 2006: 331) на основании того, что в поверхностном отложении «Вышки» обнаружены расписные черепки периода Яз I (Щетенко 2002а: 54). Не оспаривая наблюдение А. Я. Щетенко о наличии в кроющемся слое «Вышки» таких фрагментов, нужно все же отметить, что автор данной статьи, участвуя в 1964 г. в раскопках горизонта Вышка III₃ (Вышка 9), не встретил ни одного расписного черепка периода Яз I ни в раскопе, ни в подъемном материале, собранном с поверхности «Вышки». Из этого следует, что количество вышеупомянутых черепков невелико и их местонахождения, видимо, ограничены изолированными вкраплениями в кроющий слой «Вышки». Если же полагаться на обособленные фрагменты керамики, то можно прийти к заключению о том, что поверхностное отложение «Вышки» относится также к периоду Яз II или к эпохе средневековья, от которой на «Вышке» сохранилась небольшая постройка из обожженного кирпича (Щетенко 2000а: 132, примеч. 11), раскопанная при участии и автора этих строк в полевом сезоне 1964 г.

Все обнаруженные на «Вышке» артефакты, относящиеся к более поздним эпохам, чем период Намазга VI (Щетенко 2000а: 132; 2000б: 261; 2001а: 231; 2001б: 105; 2002а: 54, 60; 2006: 327), являются единичными находками, которые указывают лишь на кратковременные посещения людьми поселения, после того как оно было заброшено, причем эти визиты были вызваны разными целями, включая использование высокого холма для совершения похорон, как об этом свидетельствует погребение с железными бусами, которое А. А. Марущенко раскопал на северо-западном склоне «Вышки» (Щетенко 2000а: 138; 2001а: 232; 2002б: 216; 2006: 331).

Таким образом, нет оснований утверждать, что период Вышка III₄ (Вышка 10) мог отложиться в период Яз I, Яз II или в эпоху средневековья. Скорее всего, этот почти полностью разрушенный строительный горизонт также относится к периоду позднего Намазга VI, и, вероятно, именно он синхронен периоду Теккем 6, а горизонты Вышка III₁ (Вышка 6), Вышка III₂ (Вышка 8) и Вышка III₃ (Вышка 9), видимо, одновременны периодам Теккем 4 и Теккем 5.

Вначале А. Я. Щетенко писал о том, что степная керамика была обнаружена на «Вышке» в отложениях периода позднего Намазга VI (Щетенко 1999: 325; 2001б: 106), причем ее наличие зафиксировано в горизонте Вышка 7, т. е. в периодах Вышка III₂ (Вышка 8) и Вышка III₃ (Вышка 9), в соответствии с модифицированной периодизацией автора. К сожалению, он не указал, найдена ли интересующая нас посуда в каждом из двух названных периодов. Обломки таких сосудов встречены также в кроющем слое поселения Вышка III₄ (Вышка 10) (Щетенко 1999: 328, 333; 2000а: 137–138; 2000б: 262; 2002а: 54).

В более поздних работах А. Я. Щетенко сообщает, что степная керамика составляла 16,7 % от общего количества найденной посуды в горизонтах Вышка III₁ (Вышка 6), Вышка III₂ (Вышка 8), Вышка III₃ (Вышка 9) (Щетенко 2002а: 56, 57; 2002б: 212; 2006: 327). Это заключением автора можно оспорить.

Во-первых, в горизонте Вышка III₁ (Вышка 6) степной керамики не обнаружено. Это подтверждается как сведениями, приведенными самим исследователем (Щетенко 1999: 328), так и результатами изучения этой группы керамики, которое выполнила Л. И. Хлопина. Последняя пришла к выводу о том, что лепная кухонная керамика, обнаруженная в верхнем строительном горизонте раскопа И. Н. Хлопина [период Вышка III₃ (Вышка 9) согласно периодизации А. Я. Щетенко], не представлена в стратиграфическом раскопе-траншее, где была найдена кухонная керамика периода Намазга VI, изготовленная ленточным способом с ее окончательной подправкой на круге (Хлопина 1972: 63). Кроме того, А. Я. Щетенко дважды акцентирует внимание на том, что степная керамика впервые появляется в горизонте Вышка III₃ (Вышка 9) (Щетенко 2002б: 216; 2006: 330–331).

Во-вторых, точное количество степной керамики, выявленной в горизонте Вышка III₃ (Вышка 9), неизвестно. Вначале Л. И. Хлопина отнесла к этой группе посуды лишь три археологически целых сосуда и 33 фрагмента керамики (Хлопина 1972: 60–62). Однако в кандидатской диссертации «Намазга-депе и эпоха поздней бронзы Южной Туркмении», защищенной ею в 1978 г., она вы-

делила группу кухонной посуды периода Намазга VI, в которую включила не только лепные сосуды степного типа, но и земледельческую кухонную керамику, при изготовлении которой частично использовался гончарный круг. Количество фрагментов посуды, составивших эту группу артефактов, достигает 204 (Хлопина 1978б: 45–48). Учитывая, что не все они имели степное происхождение, следует признать, что количество степных сосудов, зафиксированных на «Вышке», явно недостаточно, чтобы составлять одну шестую часть всей обнаруженной керамики.

Таким образом, А. Я. Щетенко мог обнаружить 16,7 % степной посуды лишь в горизонте Вышка III₄ (Вышка 10). Количество аналогичной керамики, найденной Б. А. Куфтиным в самом поверхностном слое «Вышки» (Куфтин 1956: 270), не установлено. На основании этих наблюдений можно заключить, что степная керамика отложилась, в основном, в горизонте Вышка III₄ (Вышка 10).

Не исключено, что ее отдельные фрагменты попали в нижележащий период Вышка III₃ (Вышка 9) в результате повреждений культурного слоя, в том числе и вследствие его перекопов в более поздние археологические эпохи. Такое стратиграфическое залегание степной посуды позволяет также высказать предположение о том, что пастушеское население появилось на «Вышке» Намазга-депе уже после того, как земледельцы оставили свой поселок. Пребывание скотоводов здесь было кратковременно и в этом смысле может быть приравнено к любому другому посещению людьми заброшенного поселения в эпоху железного века и в средневековье.

Степная керамика «Вышки» Намазга-депе (рис. 4, 1, 3–6) характеризуется резным орнаментом и, в отдельных случаях, наlepным рельефным валиком (Виноградова, Кузьмина 1986: 130; Кузьмина 1964: 152–153; 1988: 54; 1994: 238; Хлопина 1978а: 4; Щетенко 2002а: 56–57; 2002б: 216; 2006: 327, 331; Нлорпа 1972: 212–213). Хотя последний появляется на глиняной посуде уже в позднее федоровское время (Корочкова, Стефанов 1983: 145, 148–150), узоры рассматриваемой группы сосудов все же характерны для керамики саргаринско-алексеевской культуры андроновского круга (Кутимов 1999: 320; Щетенко 1999: 328; 2000а: 139; 2000б: 262; 2001б: 106; 2002а: 60; 2002б: 216; 2006: 330, 331), которую в настоящее время относят к XIV–XIII вв. до н. э. (Кутимов 2002: 197; 2008: 175–177; Щетенко 2000б: 263).

Исходя из датировки найденной на «Вышке» степной посуды, следует признать, что земледельческое поселение Намазга-депе было оставлено в конце XV в. до н. э. Таким образом, подтверждается некогда высказанное И. Н. Хлопиным предположение о том, что племена, использовавшие в быту посуду, черепки которых обнаружены в кроющем слое «Вышки», и оседлое население этого поселка разминулись во времени (Хлопин 1968: 350).

В литературе прошлых лет представлены разноречивые сведения о количестве строительных горизонтов периода Намазга VI, выявленных в стратиграфических траншеях «Вышки». Сообщалось, например, о пяти (Хлопина 1972: 63; Щетенко 1969: 439) или о семи (Щетенко 1971: 431; 1972: 52; Щетенко, Долуханов 1976: 556) периодах. Полная публикация результатов раскопок А. Я. Ще-

тенко показала, что в юго-западном раскопе-траншее было вскрыто шесть строительных горизонтов.

Информация о количестве строительных горизонтов, обнаруженных в северо-западной траншее, противоречива. Говорится о наличии здесь восьми таких периодов (Долуханов и др. 1985: 119), но их описание ограничивается упоминанием шести горизонтов (Там же: 119–121). В то же время на опубликованном разрезе траншеи представлены строительные остатки семи строительных периодов (Там же: 120, рис. 1). Ориентируясь на этот чертеж, следует признать, что в упомянутой траншее вскрыты напластования именно семи строительных горизонтов.

Имеющиеся материалы по стратиграфии «Вышки» Намазга-депе (результаты исследования двух траншей, а также раскопов Б. И. Куфтина и И. Н. Хлопина) позволяют прийти к выводу о том, что толща напластований «Вышки» образована четырьмя блоками. Первый из них представлен свалкой периода позднего Намазга V (1 м). Второй включает пять строительных горизонтов периода раннего Намазга VI (Вышка I₁–Вышка II₂) и строительный горизонт периода позднего Намазга VI (Вышка III₁). Все они выявлены в юго-западной траншее, тогда как в северо-западной траншее зафиксировано семь строительных горизонтов (4,2 м). Третий блок состоит из двух строительных горизонтов периода позднего Намазга VI (Вышка III₂, Вышка III₃), вскрытых на раскопах И. Н. Хлопина и Б. А. Куфтина (примерно 1,5 м). Четвертым блоком является кроющий слой поселения (около 0,3 м), представляющий остатки последнего, самого позднего строительного горизонта (Вышка III₄), также относящегося к периоду позднего Намазга VI (рис. 2, Г).

Поселение на «Вышке» Намазга-депе существовало в течение девяти или десяти строительных горизонтов. В литературе имеются различные точки зрения на продолжительность существования одного строительного горизонта в эпоху неолита–бронзового века, в соответствии с которыми глинобитный дом мог служить жилищем от 15 до 100 лет. Но большинство исследователей полагают, что постройки из самана использовали в течение 50–70 лет (Массон 1971: 59, 60; Хлопин 1969: 30).

Данные, полученные при изучении неолитических поселений подгорной полосы Копетдага, подтверждают именно последнюю из указанных цифр. Раскопки Джейтуна, предпринятые в конце 1980–1990-х гг. русскими, британскими и туркменскими археологами, показали, что это раннеземледельческое поселение, возникшее около 6100 г. до н. э., существовало с вероятностью 68 % в течение примерно 350 лет (Чарлз и др. 1992; Harris, Gosden 2010: 190, 194; Harris et al. 2010: 119–124). Поскольку в культурных отложениях памятника зафиксировано пять строительных горизонтов (Березкин 1992: 21; Массон 1971: 9–10), можно определить, что длительность каждого из них составляет примерно 70 лет.

Ориентируясь на эти подсчеты можно предположить, что поселок на «Вышке» Намазга-депе существовал не менее 630 и не более 700 лет. Из этого следует, что возникновение периода Намазга VI может относиться к рубежу III и II тыс. до н. э., как это и предполагал А. Я. Щетенко (2000б: 263; 2001б: 106; 2002б: 216).

Длительное время существовал и Теккем-депе — поселок вблизи «Вышки» Намазга-депе. Имеющиеся сведения о двух ранних периодах этого памятника (Алёкшин 2012: 279–280) позволяют предположить, что каждый из них (Теккем 1 и Теккем 2) длился в течение одного строительного горизонта, причем толщина отложений этого времени (8 м), видимо, обусловлена мощным глинобитным фундаментом, на котором была возведена значительная по своим размерам постройка этого времени. Период Теккем 3, отложения которого имеют толщину от 0,8 до 1 м, вероятно, накапливался длительное время, в течение которого мог смениться один или даже два строительных горизонта. О периоде Теккем 4 известно только то, что его архитектура характеризуется двумя-тремя этапами перестроек. В связи с этим длительность этого этапа условно определяется в два строительных горизонта. Период Теккем 5 представлен разновременными постройками, из чего можно сделать вывод о том, что данный период существовал по меньшей мере в течение двух строительных периодов. Наконец, отложения самого позднего периода Теккем 6 свидетельствуют о наличии на памятнике еще одного, полностью уничтоженного временем строительного горизонта. Таким образом, можно допустить, что Теккем-депе существовал на протяжении восьми или даже девяти строительных горизонтов, т. е. в течение 560–630 лет. Не исключено, что оба поселения были заброшены примерно в одно и то же время (Там же: 282).

В завершение настоящей работы следует подчеркнуть, что изложенные в ней суждения свидетельствуют в пользу длинной хронологии бронзового века Южного Туркменистана.

Алёкшин 2012 — Алёкшин В. А. К вопросу о времени окончания периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2. С. 278–284.

Березкин 1992 — Березкин Ю. Е. Раскопки на поселении Джейтун в 1989–1990 гг. Предварительные результаты // Новые исследования на поселении Джейтун (предварительные сообщения о работах советско-английской экспедиции). Ашгабат, 1992. С. 13–30 (МЮТАКЭ. Вып. 4).

Виноградова, Кузьмина 1986 — Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986. С. 126–151.

Ганялин 1956а — Ганялин А. Ф. К стратиграфии Намазга-тепе // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм. ССР. Материалы по археологии Туркменистана. Ашхабад, 1956. Т. 2. С. 37–66.

Ганялин 1956б — Ганялин А. Ф. Теккем-тепе (раскопки 1952–1953 гг.) // Там же. С. 67–86.

Гиберт 1994 — Гиберт Ф. Хронология Маргианы и радиоуглеродные данные // ИБ МАИКСА. 1994. Вып. 19. С. 167–181.

Долуханов и др. 1985 — Долуханов П. М., Шетенко А. Я., Този М. Серия радиоуглеродных датировок наслоений эпохи бронзы на Намазга-депе // СА. 1985. № 4. С. 118–123.

Епимахов 2010 — Епимахов А. В. Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010.

Епимахов и др. 2005 — Епимахов А. В., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // Российская археология. 2005. № 4. С. 92–102.

Корочкова, Стефанов 1983 — *Корочкова О. Н., Стефанов В. И.* Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 143–151.

Кузьмина 1964 — *Кузьмина Е. Е.* О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии // Памятники каменного и бронзового веков. М., 1964. С. 141–158.

Кузьмина 1988 — *Кузьмина Е. Е.* Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // Вестник древней истории. М., 1988. № 2. С. 35–59.

Кузьмина 1994 — *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии: Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоариев. М., 1994.

Кузьмина 2008 — *Кузьмина Е. Е.* Арии — путь на юг. М.; СПб., 2008.

Кутимов 1999 — *Кутимов Ю. Г.* Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистан) // STRATUMplus. 1999. № 2. С. 314–322.

Кутимов 2002 — *Кутимов Ю. Г.* Некоторые аспекты развития и абсолютной датировки тазабагыбской культуры Южного Приаралья // АВ. 2002. № 9. С. 191–203.

Кутимов 2008 — *Кутимов Ю. Г.* Степные и земледельческие культурные компоненты в погребальных комплексах эпохи поздней бронзы Средней Азии // ЗИИМК. 2008. № 3. С. 159–180.

Кутимов 2009 — *Кутимов Ю. Г.* Происхождение и пути распространения катакомбного обряда погребения в Средней Азии (по материалам могильников бронзового века): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.

Куфтин 1956 — *Куфтин Б. А.* Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. // ТЮТАКЭ. Ашхабад, 1956. Т. 7. С. 260–290.

Массон 1956 — *Массон В. М.* Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина // Там же. С. 291–373.

Массон 1959 — *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. М.; Л., 1959 (МИА. № 73).

Массон 1964 — *Массон В. М.* Отчет о работах Каракумского отряда на поселениях Джейтун, Овадан-депе и Намазга-депе // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1964 г., д. 76, л. 1–10.

Массон 1966 — *Массон В. М.* Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.; Л., 1966. С. 151–178.

Массон 1971 — *Массон В. М.* Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). Л., 1971 (МИА. № 180).

Массон 1981 — *Массон В. М.* Алтын-депе. Л., 1981 (ТЮТАКЭ. Т. 18).

Массон 1989 — *Массон В. М.* Первые цивилизации. Л., 1989.

Массон 2006 — *Массон В. М.* Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб., 2006.

Пьянкова 1994 — *Пьянкова Л. Т.* Керамика Маргианы и Бактрии эпохи бронзы // ИБ МАИКЦА. 1994. Вып. 19. С. 135–157.

Сарианиди 1975 — *Сарианиди В. И.* Степные племена эпохи бронзы в Маргиане // СА. 1975. № 2. С. 20–29.

Сарианиди 1990 — *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.

Хлопин 1968 — *Хлопин И. Н.* Раскопки на Намазга-депе // АО 1967 года. 1968. С. 349–350.

Хлопин 1969 — *Хлопин И. Н.* Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении. Л., 1969 (Энеолит южных областей Средней Азии. САИ. Вып. БЗ-8. Ч. 3).

Хлопин 1970 — *Хлопин И. Н.* Проблема происхождения культуры степной бронзы // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 54–58.

Хлопин 1983 — *Хлопин И. Н.* Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы: По материалам Сумбарских могильников. Л., 1983.

Хлопина 1972 — *Хлопина Л. И.* Кухонная керамика времен Намазга VI (по материалам «Вышки» Намазга-депе) // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 59–64.

Хлопина 1978а — *Хлопина Л. И.* Намазга-депе и эпоха поздней бронзы Южной Туркмении: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978.

Хлопина 1978б — *Хлопина Л. И.* Намазга-депе и эпоха поздней бронзы Южной Туркмении. Рукопись диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2-Д, 1978 г., д. 285.

Чарлз и др. 1992 — *Чарлз М., Харрис Д., Лимбри С.* Образцы, взятые на радиоуглеродный анализ методом ускорительной масспектрологии // Новые исследования на поселении Джейтун (предварительные сообщения о работах советско-английской экспедиции). Ашгабат, 1992. С. 98–99 (МЮТАКЭ. Вып. 4).

Щетенко 1969 — *Щетенко А. Я.* Раскопки Тайчанак-депе и Намазга-депе // АО 1968 года. 1969. С. 437–439.

Щетенко 1970 — *Щетенко А. Я.* Отчет о работах Артыкского отряда Каракумской экспедиции в 1970 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1970 г., д. 121, л. 1–6.

Щетенко 1971 — *Щетенко А. Я.* Раскопки Намазга-депе и Теккем-депе // АО 1970 года. 1971. С. 430–432.

Щетенко 1972 — *Щетенко А. Я.* Раскопки «Вышки» Намазга-депе // Успехи среднеазиатской археологии. Л., 1972. Вып. 1. С. 52–53.

Щетенко 1999 — *Щетенко А. Я.* О контактах культур степной бронзы с земледельцами Южного Туркменистана в эпоху поздней бронзы (по материалам поселений Теккем-депе и Намазга-депе) // STRATUMplus. 1999. № 2. С. 323–335.

Щетенко 2000а — *Щетенко А. Я.* К проблеме периодизации культуры Намазга VI // Взаимодействие культур и цивилизаций (В честь юбилея В. М. Массона). СПб., 2000. С. 127–141.

Щетенко 2000б — *Щетенко А. Я.* Хронологические аспекты контактов земледельцев Южного Туркменистана с племенами степной бронзы евразийских степей // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в.: Материалы науч. конф. «75 лет со дня рождения В. Ф. Генинга». 28–30 марта 2000 г. Ижевск, 2000. С. 260–263.

Щетенко 2001а — *Щетенко А. Я.* Стратиграфия — основа относительной периодизации эпохи бронзы Южного Туркменистана // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур. Хронология и периодизация: Материалы Междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В. А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». 23–28 апреля 2001 г. Самара, 2001. С. 230–233.

Щетенко 2001б — *Щетенко А. Я.* Финальные этапы эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения. 1998–1999 гг.: Краткое содержание докладов. СПб., 2001. С. 105–107.

Щетенко 2002а — *Щетенко А. Я.* Археологические комплексы эпохи поздней бронзы Южного Туркменистана (по материалам Намазга-депе) // АВ. 2002. № 9. С. 51–64.

Щетенко 2002б — *Щетенко А. Я.* Основные этапы разработки археологической периодизации эпохи поздней бронзы Средней Азии // Исторична наука: проблеми розвитку: Материали Міжнар. наук. конф. (17–18 травня 2002 р.). Секція «Археологія». Луганськ, 2002. С. 204–223.

Щетенко 2006 — *Щетенко А. Я.* О периодизации культур эпохи поздней бронзы юга Средней Азии (к 100-летию экспедиции Р. Пампелли) // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. СПб., 2006. Т. 2 [27]. С. 317–345.

Щетенко, Долуханов 1976 — *Щетенко А. Я., Долуханов П. М.* Работы на Намазга-депе в Южной Туркмении // АО 1975 года. 1976. С. 555–556.

Cattani 2004 — *Cattani M.* Margiana at the end of Bronze Age and beginning of Iron Age // У истоков цивилизации. М., 2004. С. 303–315 (Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 1).

Dyson, Lawn 1989 — *Dyson R. H., Lawn B.* Key stratigraphic and radiocarbon elements for the 1976 Hesār sequence // R. H. Dyson, S. M. Hovard (eds.). Tappeh Hesār. Reports of the restudy project, 1976. Firenze, 1989. P. 143.

Dyson, Remsen 1989 — *Dyson R. H., Remsen W. C. S.* Observations on Architecture and Stratigraphy at Tappeh Hesār // Ibid. P. 69–109.

Harris et al. 2010 — *Harris D. R., Gosden Ch., Meadows J.* Dating the Site: Radiocarbon Chronology // *Harris D. R.* Origins of Agriculture in Western Central Asia. An Environmental-Archaeological Study. Philadelphia, 2010. P. 119–124.

Harris, Gosden 2010 — *Harris D. R., Gosden Ch.* Summary Discussion of the Excavation Evidence from Jeitun // *Ibid.* P. 190–195.

Hiebert 1994 — *Hiebert F. T.* Origins of the bronze oasis civilization in Central Asia. Cambridge Ma., 1994 (American School of Prehistoric Research. Bulletin 42).

Hlopina 1972 — *Hlopina L. I.* Southern Turkmenia in the Late Bronze Age // *East & West.* Rome, 1972. Vol. 22, no. 3/4. P. 199–214.

Khlopina 1981 — *Khlopina L. I.* Namazga-depe and the Late Bronze Age of Southern Turkmenia // *The Bronze Age Civilization of Central Asia.* Armonk; New York, 1981. P. 35–60.

Krause u. a. 2010 — *Krause R., Korjakova L. N., Fornasier J., Šarapova S. V., Epimachov A. V., Panteleeva S. E., Berseneva N. A., Molčanov I. V., Kalis A. J., Stobbe A., Thiemeyer H., Wittig R., König A.* Befestigte Siedlungen der bronzezeitlichen Sintašta-Kultur im Transural, Westsibirien (Russische Föderation) // *Eurasia Antiqua.* Berlin, 2010. Bd 16. S. 97–129.

McCown 1957 — *McCown D. E.* The comparative stratigraphy of early Iran. 2nd printing. Chicago, Illinois, 1957 (Studies in Ancient Oriental Civilization. No. 23).

Sarianidi 1998 — *Sarianidi V.* Margiana and Protozoroastrism. Athens, 1998.

Schaeffer 1948 — *Schaeffer C. F. A.* Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale (III–II millénaires). Oxford; London. 1948.

Schmidt 1933 — *Schmidt E. F.* Tepe Hissar: Excavations 1931 // *Museum Journal.* Philadelphia, 1933. Vol. 23, no. 4. P. 323–483.

Schmidt 1937 — *Schmidt E. F.* Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia, 1937.

**STEPPE POTTERY OF THE BRONZE AGE
IN THE STRATIGRAPHIC CONTEXT OF «VYSHKA»
AT NAMAZGA-DEPE,
AND THE PROBLEM OF DATING THE NAMAZGA VI PERIOD
IN THE KOPET DAG PIEDMONT BELT**

V. A. Alekshin

The decision of the question about the duration of the Namazga VI period in the Kopet Dag piedmont belt depends on dating of the steppe pottery found at some of the local Late Bronze Age settlements. The «Vyshka» locality of Namazga-depe (fig. 1, A, B) displays 8 m of deposits belonging mainly to the Namazga VI period (fig. 2, A–B; 3). The cultural layers of «Vyshka» are formed by a late Namazga V dump area, four or six building horizons of early Namazga VI (Vyshka I₁–Vyshka I₃, Vyshka II₄, Vyshka II₅), and four building horizons of late Namazga VI (Vyshka III₁–Vyshka III₄) (fig. 2, I). Horizon II₄ yielded a kitchen pot showing a combination of both farmers' and steppe (Alakul) technological traditions (fig. 4, 2), which permits to date the horizon on the end of the XIX c. BC. Horizon III₄ contained the steppe Sargarinsko-Alexeevsky pottery dated to the XIV–XIII cc. BC. Its stratigraphic position suggests that pastoralists came to «Vyshka» after farmers left their settlement at the end of the XV c. BC. The «Vyshka» locality was occupied during nine or ten building horizons (630–700 years). Hence, the beginning of the Namazga VI period falls on the boundary of the III/II millennia BC.

ПЕРЕНОСНЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ПРЕДСКИФСКИХ ЗАХОРОНЕНИЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ¹

М. Т. КАШУБА

Среди черноговорских и новочеркасских погребений ранних кочевников Северного Причерноморья имеется небольшая, но выразительная серия комплексов с деревянными колодами, ложами/помостами/носилками и «саркофагом». Рассматривая раннекочевническое захоронение Холмское ^{2/3,2} исследователи отметили, что наличие ручек и прочная конструкция найденного там балдахина/носилок (см. ниже) могут свидетельствовать об использовании последнего как специального постамента до совершения захоронения, а также в качестве носилок для переноски умершего к месту погребения в кургане (Черняков, Новицкий 1987: 152 сл., рис. 2, 1–3; 3–4; Махортых 2005: 98, 249, рис. 152, 1–2). Выделяются ли такие захоронения среди остальных погребальных комплексов ранних кочевников Северного Причерноморья?

Классификация предскифских деревянных погребальных конструкций

Колоды, носилки/помосты/ложа и «саркофаг» в раннекочевнических погребениях, по сути, являются переносными деревянными конструкциями. Во многих работах (см. далее) и каталоге С. В. Махортых (2005: 317–367) имеются данные, необходимые для их классификации. Поэтому в представленном списке: а) содержатся основные сведения по изданным погребальным комплексам; б) впервые публикуется неизвестное ранее захоронение с остатками деревянного «саркофага»; в) уточняются виды и типы переносных конструкций согласно их первичному описанию, в том числе к «саркофагам» отнесены только сборные конструкции, монтирующиеся на месте и состоящие из орнаментированных и покрашенных боковых стенок.

Предскифские погребения с переносными деревянными конструкциями (рис. 1):

Колоды

Васильевка 1/8, Херсонская обл., Украина (рис. 1, 9).

Впускное погребение в подпрямоугольной яме с закругленными углами (3–В, 2,6 × 1,2 × 4,2 м; в придонной части 2,4 × 0,8 м) с уступом на глубине 3,9 м

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 13-01-0016 «Российские исследования Немировского городища на Южном Буге (энеолит и ранний железный век) по материалам коллекций Государственного Эрмитажа и Научного архива ИИМК РАН».

² Здесь и далее при упоминании погребений первоначально указывается номер кургана, затем — номер погребения: Холмское 2/3 обозначает Холмское, курган 2, погребение 3.

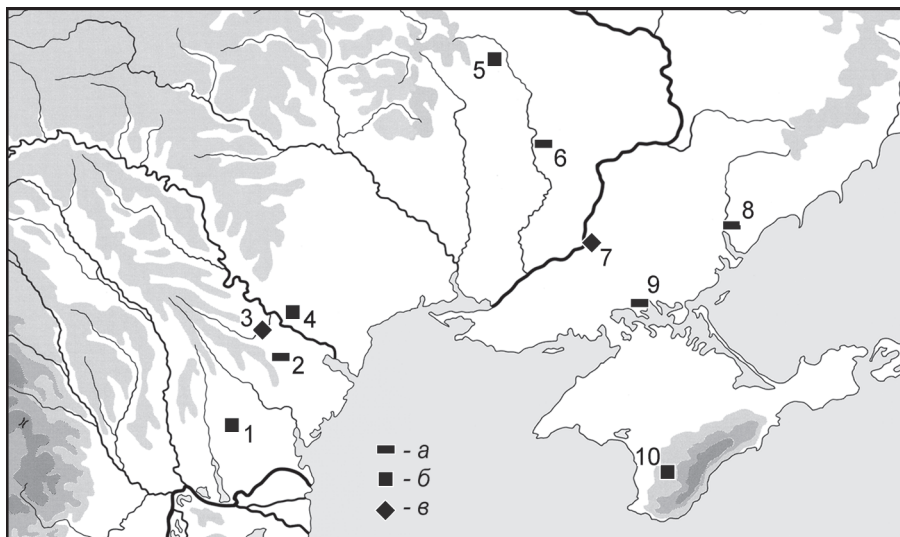

Рис. 1. Предскифские погребения с переносными деревянными конструкциями из Северного Причерноморья: 1 — Холмское 2/3; 2 — Хаджиллар 1/2; 3 — Кэушень 1/1965; 4 — Слободзея 3/3; 5 — Головкивка 6/13; 6 — Радионовка (Родионовка) 1/4; 7 — Софиевка 40/5; 8 — Зеленый Луг 3/6; 9 — Васильевка 1/8; 10 — Зольное 1/10.
Условные обозначения: а — колоды; б — носилки/помосты/ложа; в — «саркофаги»

(вдоль Ю, В и С стенок; ширина 0,15–0,2 м). Яма в верхней части забутована крупными известняковыми камнями. На уровне уступа она была перекрыта поперек 10 досками шириной 25–29 см. Доски перекрытия опирались на пять столбиков диаметром 10–12 см, три из которых стояли вдоль С стенки и два — вдоль Ю стенки. Дно ямы посыпано мелом. Погребенный (взрослый) был похоронен, судя по описанию, не в «саркофаге», а в колоде, остатки которой были прослежены вокруг костей скелета. Умерший был уложен в вытянутом положении на спине, головой на З.

Инвентарь: два кубка (лощенный орнаментированный и сероглиняный); кремневый отщеп.

Литература: Шевченко 1987: 140 сл., рис. 2, 5–7; Махортых 2005: 158, 319, рис. 61, 10–12.

Описание: остатки колоды овальной формы (195 Ч 65 см, толщина стенок до 1,5 см). Вариант I.1.A.

Зеленый Луг 3/6, Запорожская обл., Украина (рис. 1, 8).

Впускное погребение в овальной яме (СЗ–ЮВ; 2,6 × 1,1 × 3,8 м) с овальным подбоем (параллельно входной яме, СЗ стенка, 3,1 × 1,25 м). Погребенный был похоронен в колоде, в вытянутом положении на спине, головой на СЗ. Под колодой зафиксированы следы меловой подсыпки.

Инвентарь: лощеный орнаментированный кубок; железный меч/кинжал; железная бляшка-пуговица.

Литература: Фіалко 1986: 58–60, рис. 1; Махортых 2005: 185, 331, рис. 88, 1–2.

Описание: колода желобовидной формы (толщина стенок 1,5–2 см), с крышкой (толщина до 1 см), торцы из досок, закрепленных вертикально. Нижние края торцевых досок выступали ниже дна колоды и отпечатались на песчаном дне погребальной камеры. Не исключено, что торцевые стенки одновременно выполняли функцию своеобразных ножек-подставок, как в случае носилок/ложа. На дне колоды прослежена циновка из камыша прямого плетения. Вариант I.1.B.

Радионовка (Родионовка) 1/4, Днепропетровская обл., Украина (рис. 1, б).

Впускное погребение в прямоугольной яме с округленными углами (СЗ–ЮВ; 2,25 × 1,1 м). Каменный заклад из гранитных глыб, прямоугольный (СЗ–ЮВ, 2,4 × 1,5 м, толщина 0,7–0,87 м). Погребенный взрослый был похоронен в колоде. Захоронение потревожено, кости плохой сохранности (погребение с частичным смещением?). Череп, обращенный лицевой частью на Ю, находился в центре колоды, на левом боку. В западной части колоды лежали таз, перекрещенные бедренные кости и стопы ног.

Инвентарь: горшок; фрагменты бронзовых накладок деревянной чаши; трубчатые кости мелкого животного (ритуальная пища?).

Литература: Махортых 2005: 231, 355, рис. 134, 3–6.

Описание: колода прямоугольной формы, скругленная в изголовье, с крышкой (185 × 60 см, толщина стенок до 3 см). Самые крупные сохранившиеся фрагменты достигали 45 см длины и 8–10 см ширины. Вариант I.1.A.

Хаджиллар 1/2, район Штефан Водэ, Республика Молдова (рис. 1, 2).

Впускное погребение. Подросток был похоронен в колоде, в вытянутом положении на спине, головой на З.

Инвентарь: горшок с подлощенной поверхностью; шесть астрагалов овцы/козы.

Литература: Агульников 2011: 280, 285, рис. 4, 1–3, 6, 8; Махортых 2005: 248, 364, рис. 151, 1–5.

Описание: колода вытянутой овальной формы (160 Ч 40 см, толщина стенок до 5 см), выдолбленная из половины древесного ствола. Вариант I.1.A.

Носилки/помосты/ложа

Головковка 6/13, Кировоградская обл., Украина (рис. 1, 5).

Впускное погребение в прямоугольной яме с уступом (СВ–ЮЗ; 2,2 × 1,35 м поверху и 1,87 × 1,1 м ниже уступа, слегка расширяясь ко дну; глубина — 4,6 м). На уступах (на глубине 3,7 м) лежало двухслойное перекрытие, состоявшее из двух нижних продольных плах и поперечных тонких плах и бревнышек. Поверх деревянного перекрытия насыпан слой мелкого гранита. По периметру вдоль стен на дне ямы прокопаны канавки, шириной и глубиной 0,1 м. По углам зафиксированы столбовые ямки диаметром 0,2 м и глубиной 0,15 м, в которых сохранились остатки вертикальных деревянных столбиков высотой до 0,4 м. Погребенный был похоронен на решетчатых носилках, лежащих на плотной овальной «подушке» (размерами 1,65 × 0,8 м) из грунта, вынутого из кана-

вок и угловых столбовых ямок. Умерший был уложен в вытянутом положении на спине, головой на ССВ, со скрещенными в голених ногами. Сверху он был покрыт слоем коричневого тлена и тонких прутьев (остатки решетчатого балдахина/навеса?).

Инвентарь: деревянная полусферическая чаша с четырьмя позолоченными бронзовыми накладками; светло-коричневый сильно закопченный кубок с четырьмя небольшими упорами; железная ворворка; небольшая лепешка черной смолы; ритуальная пища (кости овцы в чаше); кучка рыбьей чешуи и два рыбьих позвонка; куча шелухи от зерен проса.

Литература: Полин и др. 1994: 5–6, рис. 7–8; Махортых 2005: 175, 326–327, рис. 78.

Описание: решетчатые носилки прямоугольной формы, состоящие из рамы (180 × 95 см) и поперечных перекладин. Четыре поперечные перекладки крепились через 22–30 см, ширина планок составляла 5 см и толщина — до 2 см. Носилки были застелены слоем луба, поверх которого была положена плотная решетка из тонких прутьев с шириной ячейки в 10 см. Вариант II.1.A.

Зольное 1/10, Симферопольский район Крыма, Украина (рис. 1, 10).

Впускное погребение в прямоугольной яме (СВ–ЮЗ; 2,9 × 1,4 × 2,6 м). Внутри могилы навес/балдахин, от которого сохранились истлевшие продольные жерди и прутья в заполнении ямы, а также остатки кольев вдоль стен, стоявших на расстоянии 0,3–0,5 м друг от друга. Колья представляли собой столбики (диаметром 5–8 см), с заостренными нижними концами, вкопанные в грунт на 0,2 м и возвышающиеся над дном могилы на 0,8 м. Мужчина 30 лет был похоронен на решетчатых носилках. Погребенный был уложен в вытянутом положении на спине, с разворотом вправо, головой на ЮЗЗ, кисть левой руки была положена на пояс, правая нога развернута вправо и слегка согнута в колене.

Инвентарь: большой фрагментированный чернолощенный сосуд; железный меч; 33 наконечника стрел (25 бронзовых, четыре железные и четыре костяные); оселок; бронзовые удила, бронзовые псалии; бронзовые бляхи в виде мальтийского креста; костяная ворворка; костяные принадлежности уздечного убора и детали плети, украшенные резным геометрическим, циркульным и S-овидным узором: четыре лунницы, 16 ромбовидных бляшек, бляхи в виде мальтийского креста, несколько колец, одно из которых с обоймой, а также два цилиндра (вся резная кость была покрыта красной и черной красками).

Литература: Щепинский 1962: 57 сл., рис. 1–8; Махортых 2005: 189–190, 333–334, рис. 92–93.

Описание: от решетчатых носилок на дне ямы сохранились деревянные брусья до 5 см шириной и 2,5 см толщиной, уложенные поперек в 0,3–0,5 м друг от друга. Поверх брусьев находились тонкие прутья, диаметром до 2,5 см, положенные вдоль, вплотную друг к другу, в один слой. Вариант II.1.A.

Слободзея 3/3, г. Слободзея, Республика Молдова (рис. 1, 4).

Основное погребение в прямоугольной яме с округленными углами (З–В; 2,5–2,7 × 1,85–1,9 × 0,6 м). Шатровая намогильная конструкция на уровне

древней погребенной почвы, состоящая из круглого вала (высота 0,4–0,5 м, ширина 4–5 м, внешний диаметр 9–9,5 м), который был сооружен из материкового выкида и радиально уложенных в один слой жердей (длиной около 4–6 м и диаметром 7–9 см). Шатровая конструкция на 1–1,5 м возвышалась над погребением и снаружи могла закрепляться поперечными жердями. Намогильная конструкция практически полностью сгорела, верхняя часть выкида была обожжена до ярко-красного цвета, мощный прожог зафиксирован в 2,6–4 м от выкида, особенно в Ю части. Стенки могильной ямы обгорели, особенно ЮЗ угол. По углам на дне имелись четыре столбовые ямки, диаметром 0,3–0,4 м и глубиной 0,2–0,25 м. Погребенный мужчина 30–55 лет (*adultus–maturus*) был похоронен на деревянном помосте/носилках. Погребенный был уложен в вытянутом положении на спине, с небольшим разворотом влево, головой на З, правая рука согнута, ее кисть положена на таз, левая нога слегка согнута и повернута влево, стопы развернуты влево. Скелет плохой сохранности, кости сильно обожжены. Дно могильной ямы было покрыто древесной подстилкой, посыпанной мелом.

Инвентарь: железный меч; железные конусы; остатки деревянного щита; оселок; предметы конского снаряжения: 8 роговых псалиев, бронзовые изделия — 4 пары удил, восемь круглых блях, 12 пирамидальных бляшек-разделителей, 8 ременных обоймочек, 2 пронизи-разделителя, 3 пропеллеровидные застешки и кольцо; украшения — золотое кольцо в 5,5 оборотов и бронзовое височное кольцо в один оборот; напутственная пища (обожженные кости мелкого рогатого скота).

Литература: Яровой и др. 2002: 290–301, рис. 3; 5–9; Махортых 2005: 236–239, 356–359, рис. 139–142.

Описание: от решетчатого помоста сохранилась лишь небольшая часть (размерами 110 × 75–85 см) на дне в З части ямы. Его основу составляла деревянная рама из досок, на которую крепились продольные жерди, диаметром 1–1,5 см, уложенные в один слой вплотную друг другу, а также поперечные жерди через 0,3–0,4 м. Вариант П.1.А.

Холмское 2/3, Одесская обл., Украина (рис. 1, 1).

Впускное погребение в удлиненной овальной яме (С–Ю; 1,5 × 1,1 × 2,6 м) с овальным подбоем с Ю стороны (2,8 × 1,2 м по дну) и небольшим (0,1 м) косым уступом на глубине 1,8–2,2 м у З стенки. Каменный заклад из крупных и мелких необработанных известняковых камней, прямоугольный по верху (С–Ю, 1,2 × 1,0 м). Верхняя часть каменного заклада была выложена из известняковых плит средних размеров (0,3 × 0,2 м), под которыми находились более крупные плиты (1,0 Ч 0,7 м), причем одна из них имела размеры 1,2 × 1,0 м. В закладе попадались отдельные обожженные камни. Судя по характеру заполнения, каменный заклад опирался на деревянное перекрытие и затем просел в яму. Верхнюю деревянную конструкцию из этого погребения, судя по сохранившимся деталям, описанию и предложенной реконструкции (см. Черняков, Новицкий 1987: рис. 3), можно интерпретировать как балдахин. Балдахин/носилки решетчатой конструкции находился (180 × 90 см) внутри могилы. Он

имеет удлиненно прямоугольную форму, основу которой составил центральный продольный брус (длиной 180 см и прямоугольным сечением 9×7 см), две параллельные прямоугольные планки (сечение $3 \times 2,5$ см) и 13–15 поперечных планок (длиной 90 см и сечением 5×3 см). Только над головой погребенного поперечные планки были перекрыты досками. Прямоугольный торцевой брус передней части балдахина имел сечение 6×4 см, его концы на половину толщины были закруглены и оформлены в виде рукояток длиной 7,5 см. Балдахин стоял в погребении на четырех ножках, исполненных в виде брусков, сечением 5×5 см, которые крепились при помощи шипового соединения с поперечными планками. Высота ножек балдахина могла составлять 30–50 см. Сверху балдахин был покрыт циновками и травяным настилом. Погребенный был похоронен на деревянном ложе/носилках. Он был уложен в вытянутом положении на спине, с небольшим разворотом вправо, головой на С, лицевой частью на З, левая рука положена наискось кистью к правой, левая нога слегка согнута. Голова и ступни погребенного выступали за пределы деревянного ложа и были положены на специальные фигурные подставки, изготовленные из еще сырой глиняной «подушки», на которой стояло ложе. Глиняный подголовник имел призматическую форму (размерами $37 \times 20 \times 12$ см), а окрашенное красной охрой подножие выполнено в виде восьмерковидной в плане усеченной призмы (размерами 27×15 – 30×16 см).

Инвентарь: бронзовый двухлопастный наконечник стрелы, который, судя по месту обнаружения: «при разборке скелета в районе грудной клетки» (Там же: 155), мог являться причиной смерти; остатки деревянного прибора для добывания огня.

Литература: Черняков, Новицкий 1987: 151–157; Махортых 2005: 249, 364, рис. 152, 1–4.

Описание: ложе/носилки прямоугольной формы (170×90 см) с четырьмя ножками. Ложе стояло на глиняной «подушке» размерами $1,7 \times 0,8 \times 0,1$ м. Оно состояло из прямоугольной рамы из досок (толщиной 5 см) с решеткой из досок (толщиной 1,5 см) и прутьев, настеленных сверху через 0,8–1 см. Нижний край досок рамы фигурно вырезан и образует бортик высотой 8–10 см. У изголовья решетка из прутьев была более густой. Ножки, высотой 20 см и толщиной 5–6 см, были закреплены по углам рамы шпонками и, вероятно, клеем животного происхождения. Сечение ножек у изголовья и изножья отличалось. Вся поверхность деревянных частей ложа была окрашена красной охрой. Вариант П.1.В.

«Саркофаги»

Софиевка 40/5, Запорожская обл., Украина (рис. 1, 7; 2, 1–5).³

³ В. Ю. Мурзин (Мурзін 1977: 75–76, рис. 1, 4) и А. И. Тереножкин (1976: 60–61, рис. 29, 3; 30) опубликовали искаженный рисунок узора длинных стенок «саркофага» из Софиевки 40/5 (рис. 2, 4). Этот же рисунок воспроизведен в каталоге С. В. Махортых (2005: рис. 144, 9). Соответствующий действительности орнамент (рис. 2, 5) был восстановлен по фотографиям из полевого отчета (Тереножкин 1973; Шилов 1973). Автор при-

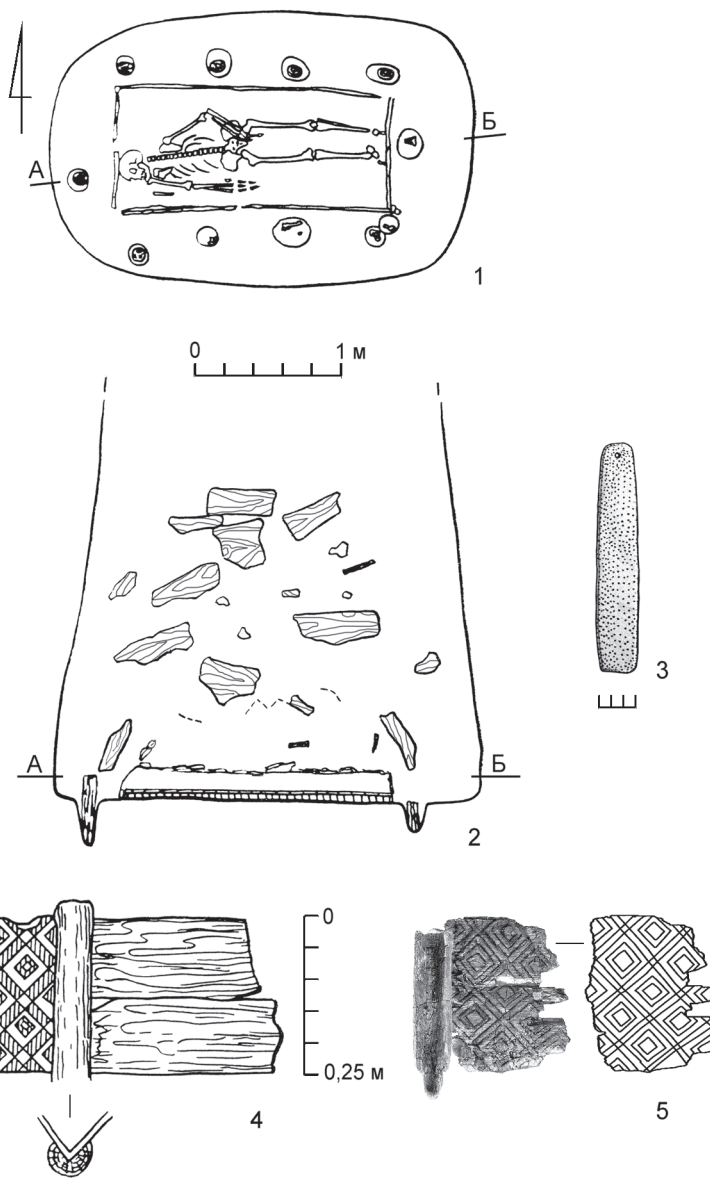

Рис. 2. Раннекочевническое погребение Софиевка 40/5 с деревянным «саркофагом»: 1 и 2 — план и разрез; 3 — каменный оселок; 4 — стенки «саркофага», схема узора и конструкция бокового крепления; 5 — правильный узор на стенках (фотография из полевого отчета и рисунок по фотографии) (1–4 — по Мурзин 1977; Тереножкин 1976; 5 — по Тереножкин 1973; Шилов 1973)

Впускное погребение в восьмерковидной/овальной яме (З–В; 2,35–3 × 1/1,3–1,9 × 5 м). Внутри могилы находился навес/балдахин, от которого сохранились куски жердей в заполнении ямы и 11 столбовых ямок (глубиной до 50 см) на дне могильной камеры снаружи «саркофага». Считается, что эти ямки относятся к каркасу перекрытия могилы (Мурзин 1977: 76). Взрослый мужчина был похоронен в «саркофаге», в вытянутом положении на спине, с разворотом на левый бок, головой на З. Кисть левой руки лежит на тазовых костях.

Инвентарь: точильный брусок; обломок железного предмета (лезвие тесла?); обломок трубчатой кости овцы.

Литература: Тереножкин 1973; 1976: 60–61, рис. 29–30; Шилов 1973: альбом № 5, табл. XXXVIII–XXXIX; Махортых 2005: 241, 360–361, рис. 144, 8–10.

Описание: «саркофаг» прямоугольной формы, был смонтирован из четырех досок — длинных (195 см) и боковых коротких (85 см), шириной 25 см и толщиной 1–1,5 см. Сверху «саркофаг» был покрыт продольными досками шириной 10–12 см. Поставленные на ребро стенки «саркофага» были закреплены в углах с помощью вбитых в дно могилы круглых столбиков с боковым пазом. С внутренней стороны длинной северной стенки имелось продольное массивное ребро, толщиной до 3,4 см и шириной около 4,6 см. Дно могилы внутри «саркофага» было покрыто глиняной подсыпкой, поверх которой находилась подстилка из прутьев, камыша и коры (древесины). Длинные окрашенные красной краской стенки отделаны с наружной стороны резным геометрическим узором из косых ромбов и квадратов, составляющих композицию «ромб в ромбе» (рис. 2, 1, 4–5). Тип II.2.

Кэушень 1/1965, район Кэушень, Республика Молдова (рис. 1, 3; 3–6).⁴

Разрушенное впускное (?) погребение из раскопок 1965 г. кургана I возле г. Кэушень. В фондах Национального музея истории Молдовы (г. Кишинев) сохранились обломки «саркофага». Намогильная конструкция, погребальная камера, положение умершего и сопроводительный инвентарь неизвестны.

Описание: от «саркофага» сохранилось около 25 фрагментов боковых стенок (рис. 3, 1–5; 4, 3–8), один обломок крышки (рис. 4, 2) и один фрагмент углового столбика (рис. 4, 1). Сохранившаяся длина и ширина досок различна, судя по имеющемуся на них узору, все они относятся к длинным стенкам «саркофага». Обломки стенок с одной из сторон отделаны резным геометрическим орнаментом, а фрагмент крышки — с двух сторон. Сохранившиеся обломки крышки «саркофага» покрыты орнаментальной сеткой, основу которой составляет косой ромб с равными сторонами или почти квадрат (рис. 4, 2). В непрерывную орнаментальную сетку на боковых стенках вписаны законченные фигуры ромб и квадрат, сочетание которых составляет композицию «ромб в ромбе»

носит искреннюю благодарность сотруднику фондов Института археологии НАНУ (г. Киев, Украина) Ирине Карашевич за помощь в поисках материалов из погребения Софиевка 40/5.

⁴ Автор приносит искреннюю благодарность генеральному директору Музея д. и. н. Еужену Саве, а также коллегам Сергею Агульникову и Виталию Бурлаку, оказавшим помощь при работе с материалами.

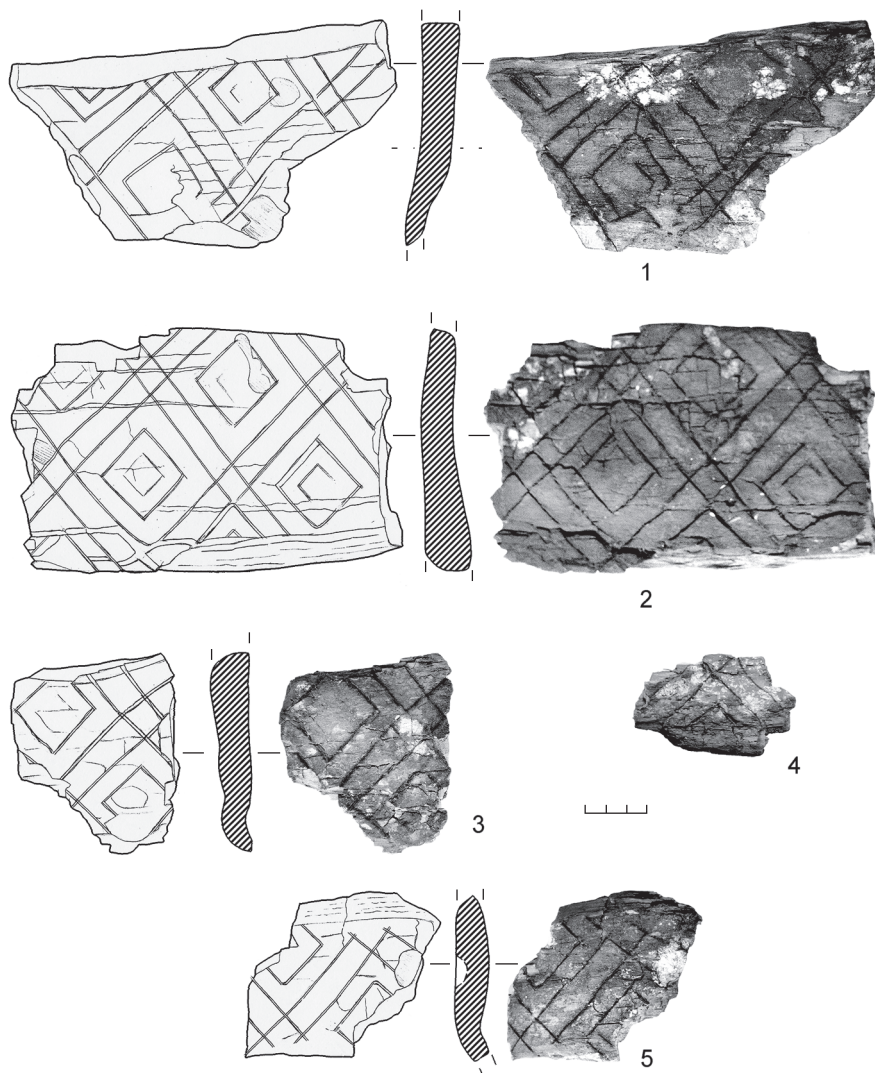

Рис. 3. Остатки деревянного «саркофага» из разрушенного погребения Кэушень 1/1965 (фонды Национального музея истории Молдовы, г. Кишинев)

(рис. 5, 1–3). На внешней, покрытой узором стороне стенок «саркофага» частично сохранилась голубая/светло-синяя краска. Тип П.2.

Систематизация и обобщение имеющихся данных показывает, что в основе изготовления зафиксированных в 10 погребениях переносных деревянных конструкций лежали два приема. Соответственно, конструкции были цельные (раздел I — 4 комплекса) и сборные (раздел II — 6 комплексов). Сборные конструкции монтировались из готовых элементов, не требующих дополнительной обработки на месте, за исключением подгонки отдельных деталей.

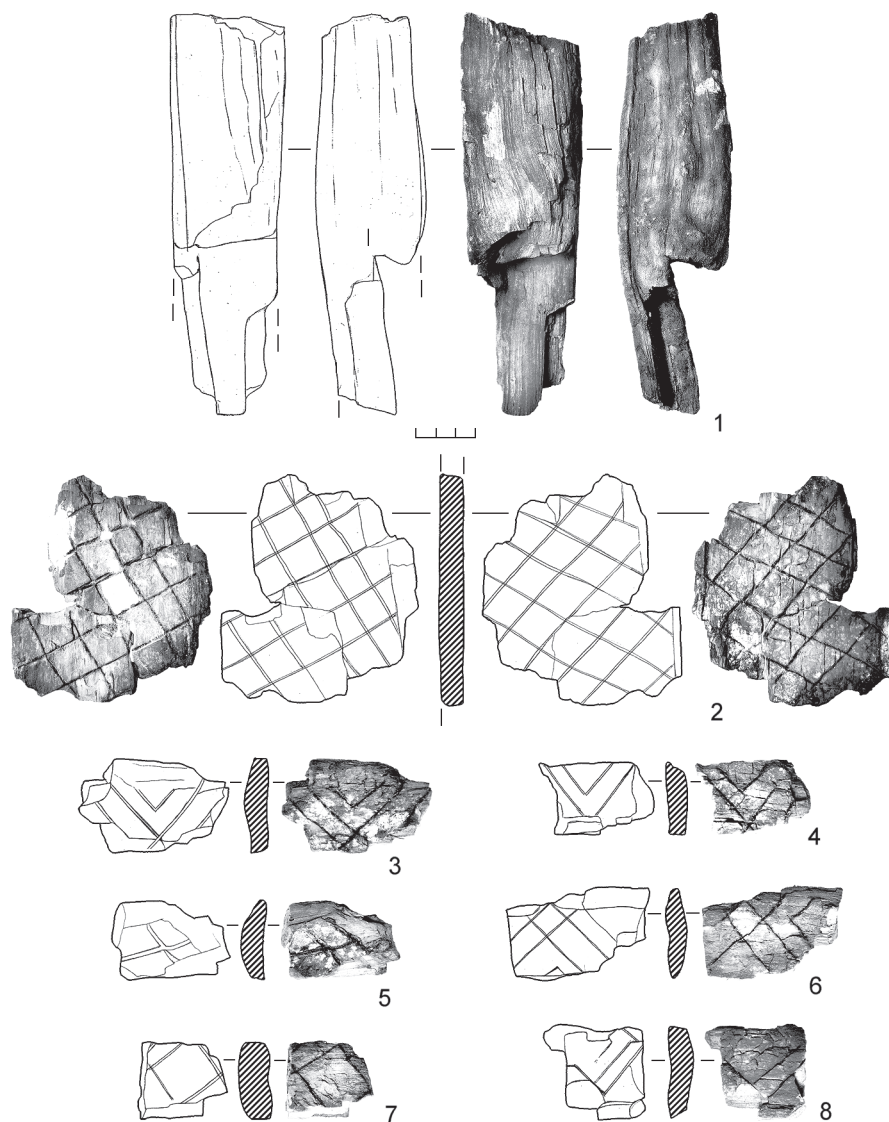

Рис. 4. Остатки деревянного «саркофага» из разрушенного погребения Кэушень 1/1965 (фонды Национального музея истории Молдовы, г. Кишинев)

Цельные конструкции представлены колодами вытянутой овальной (желобовидной) формы (тип I.1 — 4 комплекса), которые сделаны/выдолблены из цельного ствола дерева. Они имеют длинные боковые стенки, как правило, загнутые, толщиной до 2–3 см. Колоды разделяются на два варианта: к первому относятся типичные изделия (вариант I.1.A), ко второму — изделие, в котором сочетаются принципы цельной (колода) и сборной (носилки/ложе) конструкции (вариант I.1.B). К последним относится колода из Зеленого Луга 3/6, тор-

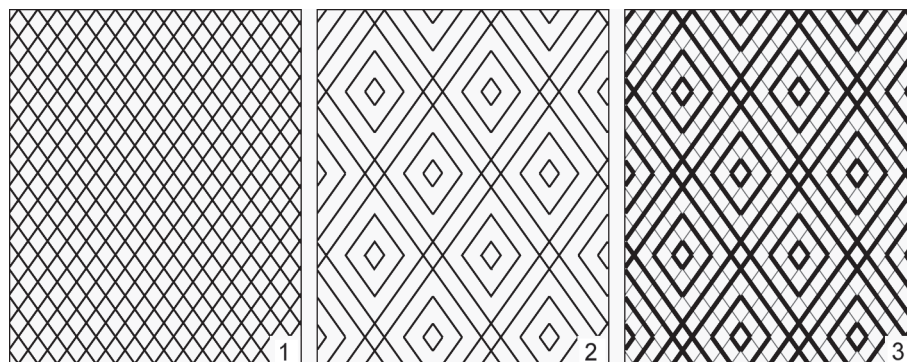

Рис. 5. Принцип построения орнамента на основе модульной сетки, зафиксированной на крышке и стенках деревянного «саркофага» из разрушенного погребения Кэушень 1/1965: 1 — модульная сетка; 2 — орнамент; 3 — совмещение модульной сетки и орнамента

цевые стенки которой были сделаны из досок и могли служить в качестве ножек-подставок. На дно колод иногда помещались камышовые подстилки.

В сборных конструкциях реализовывались два основных технических принципа: они могли монтироваться независимо от места сборки (тип П.1) или на месте (тип П.2). Сборные конструкции независимо от места сборки (4 комплекса) все решетчатые и представлены носилками/помостами (вариант П.2.А — три комплекса) и ложами/носилкам (вариант П.2.В — один комплекс). Основу всех этих конструкций составлял каркас прямоугольной формы. В одних случаях на раму крепились несколько поперечных плоских планок, поверх застеленных подстилками из луба и решетками из тонких жердей (Головковка 6/13). В других случаях из планок состояла только рама, на которую крепилось несколько поперечных толстых жердей, а более тонкие продольные жерди вплотную пригонялись друг к другу (Слободзея 3/3). Известен случай имитации решетчатых носилок/помостов, к таковым можно отнести погребение Ясиноватое 19/1, в котором дно погребальной камеры было устлано небольшими поперечными деревянными плашками (Гошко, Отрошенко 1986: 178–179, рис. 6, 6; 7, 5). Особое место среди этих конструкций занимает покрашенное в красный цвет решетчатое ложе с фигурными бортиками и на четырех ножках из Холмское 2/3.

Сборные конструкции, монтирующиеся на месте, представлены «саркофагами» (2 комплекса), которые составлены из четырех боковых стенок и имеют прямоугольную форму. Их дно не было деревянным, а обустроивалось непосредственно на дне погребальной камеры путем специальных подсыпок из глины, сверху которых накладывались конструкции из тонких жердей, а также плетеные подстилки из камыша и коры. Резной узор покрывал длинные боковые стенки, а также крышку. В комплексе из Кэушень 1/1965 с двух сторон крышки имелся резной узор в виде косой сетки. Зафиксированный на длинных стенках двух «саркофагов» (Софиевка 40/5 и Кэушень 1/1965) орнамент однотипен и представляет собой композицию «ромб в ромбе», в основе кото-

рой лежит косая сетка (модуль; рис. 5). В обоих случаях стенки «саркофагов» были покрыты краской — красной или голубой/светло-синей.

Можно заметить, что в сравнении со сборными конструкциями колоды были более узкими, что обусловлено материалом их изготовления. Однако размеры всех переносных деревянных сооружений сопоставимы между собой, что, по всей вероятности, было связано с древними мерами длины, соотносимыми с величиной человеческого тела.

Вопросы хронологии и происхождения

Большую часть раннекочевнических погребений с переносными деревянными конструкциями (см. список выше) по наиболее выразительным характеристикам погребального обряда и сопровождающему инвентарю исследователи датируют VIII в. до н. э. С точки зрения культурной атрибуции — вытянутое труполоположение, наряду с другими признаками, сопоставляется с поздним этапом черногоровской культуры (см. Дубовская 1996: 115–116; и др.) или с новочеркасской группой (см. Махортых 2005: 95 сл.; и др.) раннекочевнических памятников. Однако имеются существенные расхождения в датировке и культурной атрибуции некоторых комплексов. Например, Слободзея 3/3 — это погребение было датировано нами второй половиной—концом IX в. до н. э. (с чем не согласились С. Б. Вальчак и С. Р. Эрлих, считая его более поздним), при этом автор настоящей статьи соотносит его с черногоровской группой ранних кочевников, а С. В. Махортых — с новочеркасской (см. Яровой и др. 2002: 318 сл.).

В связи с датировками предскифских комплексов с переносными деревянными конструкциями интерес представляет радиоуглеродная дата образца древесины «саркофага» из Кэушень 1/1965 — Le-9685: 3070 ± 85 BP, 1510–1050 cal BC (95,4 %) (рис. 6). Как видно, эта дата оказалась слишком ранней при сопоставлении с традиционными датировками черногоровской и новочеркасской групп ранних кочевников Северного Причерноморья, отсчет которых начинается с IX в. до н. э. (см. Тереножкин 1976; Махортых 2005: 119 сл.). Дата показывает на заключительный период эпохи бронзы и сопоставима с имеющимися радиоуглеродными датами белозерской культуры (Отрошенко 1986: 150). В качестве примера можно привести близкую рассматриваемому комплексу ¹⁴C дату образца древесины перекрытия из погребения Заповитне/Степной 3/1: первоначальная ¹⁴C дата — Ki-885: 2805 ± 55 BP, 921 ± 71 BC, новая — Ki-9823: 2915 ± 45 BP, 1087 ± 78 BC (Отрошенко 2003: 343).

Если учесть, что ¹⁴C дата по Кэушень 1/1965 получена из долгоживущего материала и, соответственно, имеет место «эффект старой древесины», то она определенно сближается с радиоуглеродными датами двух погребений из Высокой Могилы, одно из которых традиционно относится к черногоровской группе — Высокая Могила 1/5: Ki-8425: 2765 ± 50 BP, 1020–800 cal BC (95,4 %), а второе (Высокая Могила 1/2) — к новочеркасской: Ki-8424: 2740 ± 50 BP, 1000–800 cal BC (95,4 %) (Евразия в скифскую эпоху... 2005: 123 сл., рис. 3.38).

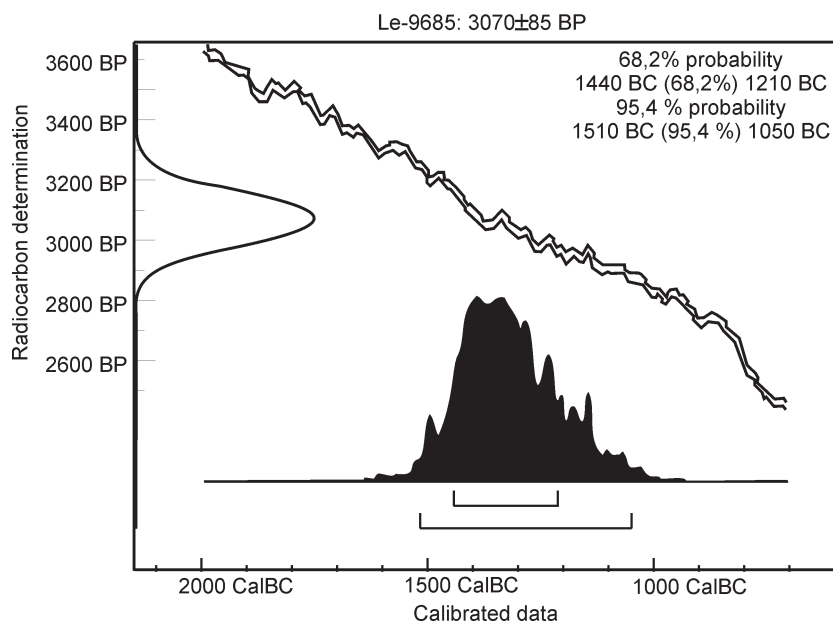

Рис. 6. Радиоуглеродная дата по древесине «саркофага» разрушенного погребения Кэушень 1/1965

В связи с радиоуглеродной датой для погребения Кэушень 1/1965 обращает на себя внимание совпадение орнамента, в том числе использованной модульной сетки, на стенках «саркофагов» — из этого комплекса и Софиевки 40/5 (рис. 2, 5; 3–5). Диахронные аналогии рассматриваемому узору достаточно широки: от поздней бронзы (так называемая андроновская сетка или сетчатый узор на псалях типа Тосцег (по А. Можолитч) / типа II (по Н. Бороффка) в северной части Карпатского бассейна — см. Vогоffka 1998: 95, 100–102, 107, Abb. 5, 5) до скифского периода («ромб в ромбе» на фрагментированной кожаной пластине от предмета неизвестного назначения из Александропольского кургана — см. Королькова 2011: 12–13, рис. 6) и более позднего времени. Хотя совпадение орнамента «саркофагов» из Софиевки 40/5 и Кэушень 1/1965 не является надежной основой для достоверных хронологических построений, все же отмечу, что в Северном Причерноморье для белозерской культуры такой узор не характерен. В предскифский же период в раннекочевнических погребениях имеется единственный сосуд, украшенный композицией «ромб в ромбе», — это кубок из погребения Васильевка 1/8, обнаруженный в изголовье за деревянной колодой (см. выше). По своим морфологическим характеристикам и композициям розеточного узора этот кубок можно отнести к импорту из культуры поздней Сахарны Среднего Днестра и датировать концом IX в. до н. э. Что касается лесостепи Северного Причерноморья, заселенной общностями, которые широко использовали лощеную посуду с резным геометрическим узором (включающим ромбы и квадрат), то в культуре поздней Сахарны Средне-

днепровского бассейна известны редкие аналогии косой сетке и композиции «ромб в ромбе», которые могут быть датированы еще концом IX в. до н. э. (Гольцева, Кашуба 1995: табл. XXXI, 5; XXXII, 2; XXXVIII; Кашуба 2000: табл. XLIV, 2; CXI, 8). Такой узор чаще встречен в последующей по времени жаботинской культуре южного Правобережья Днестра, будучи характерным для периода Жаботин-I или первой половины VIII в. до н. э. (Дараган, Кашуба 2011: табл. 5, 6–7, 10; 6, 8; 19; 24, 10; 25, 1, 3–4, 7, 10; 29, 1; и т. д.). Приведенные аналогии и наблюдения позволяют уточнить и датировку погребения Софиевка 40/5 в пределах конца IX–рубежа IX/VIII вв. до н. э.

Радиоуглеродная дата погребения Кэушень 1/1965 позволяет коснуться проблемы происхождения переносных деревянных конструкций. При публикации комплекса Холмское 2/3 авторы статьи справедливо отметили «значительное распространение различных деревянных конструкций <...> в погребениях белозерского типа» (Черняков, Новицкий 1987: 156). Не рассматривая в настоящей статье проблему, являлась ли белозерская культура «основным источником сложения киммерийских традиций» (см. Махортых 2005: 276 сл.), можно присоединиться к мнению многих исследователей об определенном вкладе белозерской культуры в формирование некоторых параметров раннекочевнического погребального обряда. Сопоставимыми выглядят шатровые сооружения, отделка стен погребальных камер досками и столбиками, а также внутримогильные конструкции в виде легких навесов, зафиксированные в белозерской культуре (Отрошенко 1986: 130 сл.; Ванчугов 1990: 49 сл.; Агульников 2011: рис. 2; 3, 1; и др.). Близки также принципы обустройства известных в белозерских захоронениях постаментов, когда на дне могилы вырезалась «лежанка» под тело умершего (Отрошенко 1986: 130), и «саркофагов» в раннекочевнических погребениях, боковые стенки которых, собственно, ограничивали ту же «лежанку» под тело умершего. Поэтому, рассматривая переносные деревянные конструкции в раннекочевнических погребениях, следует иметь в виду, что по крайней мере традиция возведения в захоронениях «саркофагов» своими корнями уходит в белозерскую культуру. Этому заключению не противоречит полученная радиоуглеродная дата погребения Кэушень 1/1965.

Выводы

Анализ переносных деревянных конструкций в предскифских погребениях Северного Причерноморья выявил три их основных типа: цельные (тип I — колоды) и сборные сооружения, монтирующиеся независимо от места сборки (тип II.1 — ложа/помосты/носилки) и на месте сборки (тип II.2 — «саркофаги»). Конструктивные особенности сооружения «саркофагов» и радиоуглеродная дата погребения Кэушень 1/1965 дают основание считать, что истоки традиции таких конструкций в Северном Причерноморье своими корнями уходят в белозерскую культуру. С другой стороны, хотя раннекочевнические захоронения с переносными деревянными конструкциями датируются, преимущественно, VIII в. до н. э., полученная ¹⁴C дата для погребения Кэушень 1/1965 и анализ

узора на стенках «саркофага» из этого комплекса и «саркофага» Софиевки 40/5 намечают тенденцию более раннего датирования таких комплексов. Наряду с другими данными радиоуглеродные даты двух погребений Высокой Могилы, с которыми сближается ¹⁴C дата погребения Кэушень 1/1965, дают хорошие основания для удревнения хронологии черногоровской и новочеркасской групп ранних кочевников Северного Причерноморья, а также подтверждают их существование в какой-то период в течение IX в. до н. э., что неоднократно обсуждалось в специальной литературе (см. Евразия в скифскую эпоху... 2005: 126 сл.; Мимоход 2009: 63–65; и др.).

В социальной структуре обществ ранних кочевников Северного Причерноморья исследователи выделяют погребения военных вождей разных рангов (см. Махортых 2005: 290 сл.) или погребения представителей воинской и административно-религиозной элиты (Дудин 2012: 316 сл.). Согласно отобранным социальным маркерам в эти группы попали два комплекса с переносными деревянными конструкциями — это захоронения воинов-всадников из Зольного 1/10 и Слободзеи 3/3 (в обоих случаях — решетчатые носилки/помост). Между тем погребения с наиболее выразительными переносными деревянными конструкциями: ложами/носилками и «саркофагами», относящиеся к уникальным образцам декоративного искусства резьбы по дереву, не учитывались в качестве элитных.

Однако само наличие в захоронениях переносных деревянных конструкций позволяет предполагать проведение некоей продолжительной погребальной церемонии. В таком случае переносные деревянные конструкции с находящимися в них телами умерших могли использоваться для совершения обрядов вне погребальной камеры, и, не исключено, что вне места захоронения (готовый или строящийся курган). На важность происходящего события и особый характер погребальной церемонии указывают «саркофаги» с орнаментированными и покрашенными стенками (Софиевка 40/5, Кэушень 1/1965), а также покрашенное ложе с фигурными бортиками (Холмское 2/3). По всей вероятности, переносные деревянные конструкции в погребениях являются показателем особого прижизненного статуса людей, похороненных таким способом (при этом сопроводительный инвентарь во многих могилах «своеобразен» и как будто не подтверждает значимость комплекса). Если в погребениях Слободзеи 3/3 и Зольное 1/10 были похоронены военные вожди высокого ранга или воины-всадники, то в случаях комплексов Кэушень 1/1965, Холмское 2/3 и Софиевка 40/5 речь может идти о захоронениях жреческой элиты. Примечательно, что погребения воинской и административно-религиозной/жреческой элиты (рис. 1, 1, 3–4) маркировали западную границу территории разных групп ранних кочевников в Северном Причерноморье.

Агульников 2011 — Агульников С. М. Могильник белозерской культуры у с. Хаджиллар в Северо-Восточном Буджаке // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса, 2011. Вып. 12. С. 278–293.

Ванчугов 1990 — *Ванчугов В. П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье: Проблема формирования белозерской культуры. Киев, 1990.

Гольцева, Кашуба 1995 — *Гольцева Н. В., Кашуба М. Т.* Глинжень II: Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978–79 гг. и 1989–90 гг.). Тирасполь, 1995.

Гошко, Отрощенко 1986 — *Гошко Т. Ю., Отрощенко В. В.* Погребения киммерийцев в каменных и подбойных сооружениях // СА. 1986. № 1. С. 168–183.

Дараган, Кашуба 2011 — *Дараган М. Н., Кашуба М. Т.* Глава 3. Полевые исследования Жаботинского поселения (1950–1951, 1957–1958, 1972 гг.) // *Дараган М. Н.* Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной лесостепи. Киев, 2011. С. 74–384.

Дубовская 1996 — *Дубовская О. Р.* Этапы черноговровской культуры (в плане относительной хронологии) // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э.: Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. СПб., 1996. С. 115–118.

Дудин 2012 — *Дудин А. А.* К вопросу о социальной элите ранних кочевников Северного Причерноморья в первой трети I тыс. до н. э. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы междунар. научн. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2012. Кн. 2. С. 316–320.

Евразия в скифскую эпоху... 2005 — Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005.

Кашуба 2000 — *Кашуба М. Т.* Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // STRATUMplus. 2000. № 3. С. 241–488.

Королькова 2011 — *Королькова Е. Ф.* Конский «эгрет» со сценой терзания из Сибирской коллекции Петра I // Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб., 2011. Вып. 69. С. 5–14.

Махортых 2005 — *Махортых С. В.* Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев, 2005 (Bibliotheca Vita Antiqua).

Мимоход 2009 — *Мимоход Р. А.* Курганы эпохи бронзы–раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. М., 2009 (Материалы охранных археологических исследований. Т. 10).

Мурзин 1977 — *Мурзин В. Ю.* Похоронения VIII–початку VII ст. до н. э. на Херсонщині // Археологія. 1977. № 22. С. 74–78.

Отрощенко 1986 — *Отрощенко В. В.* Белозерская культура // *Березанская С. С., Отрощенко В. В., Чередиенко Н. Н., Шарафутдинова И. Н.* Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986. С. 117–152.

Полин и др. 1994 — *Полин С. В., Тупчиенко Н. П., Николова А. В.* Курганы верховьев Ингульца. Вып. 3 (Курганы у с. Головкивка, Звенигородка и Протопоповка). Препринт. Кировоград, 1994.

Тереножкин 1973 — *Тереножкин А. И.* Отчет о работе Херсонской экспедиции в 1973 г. // Архив ИА НАНУ, д. 1973/10.

Тереножкин 1976 — *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев, 1976.

Фіалко 1986 — *Фіалко О. С.* Киммерійське поховання поблизу Молочного лиману // Археологія. 1986. № 56. С. 58–60.

Черняков, Новицкий 1987 — *Черняков И. Т., Новицкий Е. Ю.* Погребения раннежелезного века с деревянными конструкциями // Российская археология. 1987. № 4. С. 151–157.

Шевченко 1987 — *Шевченко Н. П.* Новые памятники раннего железного века на юге Украины // Древнейшие скотоводы степей юга Украины: Сб. науч. трудов. Киев. С. 140–148.

Шилов 1973 — *Шилов Ю. А.* Альбом 5, 6 с. Софиевка // *Тереножкин А. И.* «Отчет о работе Херсонской экспедиции в 1973 г.». Архив ИА НАНУ, д. 1973/10а.

Щепинский 1962 — *Щепинский А. А.* Погребение начала железного века у Симферополя // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 12. С. 57–65.

Яровой и др. 2002 — *Яровой Е. В., Кашуба М. Т., Махортых С. В.* Киммерийский курган у пгт. Слободзея // Северное Причерноморье: от неолита к античности (сб. науч. статей). Тирасполь, 2002. С. 279–343.

Boroffka 1998— *Boroffka N.* Bronze- und früheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen // *Eurasia Antiqua*. 1998. Bd 4. S. 81–135.

Otroshchenko 2003 — *Otroshchenko V. V.* Radiocarbon chronology of the bilozerka culture — based on barrows near the village of Zapovitne (the «Stepnoy» cemetery) // *The Foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 4000–1000 BC*. Poznan, 2003. P. 336–364 (Baltic-Pontic Studies. Vol. 12).

PORTABLE WOODEN CONSTRUCTIONS IN THE PRE-SCYTHIAN BURIALS OF THE NORTH BLACK SEA REGION

M. T. Kashuba

The paper is devoted to the analysis of the portable wooden constructions from the Pre-Scythian burials of the North Black Sea region (10 assemblages). They can be divided into three principal types, represented by one-piece (type I) and composite (types II.1 and II.2) constructions. Burial troughs belong to type 1. Composite constructions, that could have been assembled anywhere (type II.1), include litters/platforms/beds. «Coffinettes» belong to the number of constructions that were mounted where they were assembled (type II.2). The ^{14}C date obtained on wood from a «coffinette» of Slobodzeya 1/1965 (Le-9685: 3070 ± 85 BP, 1510–1050 cal BC, 95,4 %), as well as ^{14}C dates for two burials of Vysokaya Moghila form a basis for a deeper chronology of the Chernogorovo and Novocherkassk groups of the North Black Sea region early nomads. The tradition of erecting «coffinettes» goes back to the Belozersk culture. It seems likely that the portable wooden burial constructions are indicative of a special status of the deceased. While Slobodzeya 3/3 and Zolnoe 1/10 were burials of high-rank military leaders or warriors-riders, Keushen 1/1965, Kholmiskoe 2/3, and Sofievka might be interpreted as burials of elite priests. The burials of military and administrative-religious elite marked the western border of the area occupied by early nomads in the North Black Sea region.

ДВОР В СТРУКТУРЕ ЖИЛИЩА СРЕДНЕЙ АЗИИ ПЕРИОДА РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (VII–XIX вв.)

Д. АБДУЛЛОЕВ

Раннесредневековые жилые постройки городов Средней Азии изучены слабо. Лишь дома древнего Пенджикента раскопаны на большой площади (Воронина 1950; 1957; 1964; Беленицкий и др. 1973: 25–30; Распопова 1969; 1990; Абдуллоев 2009). Сельские жилища успешно исследованы в Хорезме (Неразик 1966; 1976). Следует отметить, что в эту эпоху рядовое население в основном жило в укрепленных селениях, а земледельческая аристократия — в замках. Ценные сведения в этом плане были получены в результате раскопок в Хорезме (Гудкова 1964), Согде (Якубов 1979; 1988) и Фергане (Булатова 1972).

К сожалению, археологические данные о среднеазиатских жилищах IX–XIV вв. незначительны. О жилищах этого времени приходится судить по исследованию части кварталов и отдельных домов, которые были вскрыты на Афрасиабе (Ташходжаев 1970), в Пайкенде (Мухамеджанов и др. 1988), в Варахше (Шишкин 1963; Кабанов 1958), в Дехистане (Атагарриев 1986), в Отраре (Акишев и др. 1987; Байпаков 1989), в Ак-Тюбе (Бубнова 1963).

О средневековых жилищах города и деревни сообщают и письменные источники (Казвини 1340 г. х.; Балхи 1337 г. х.). Важные данные о жилых строениях имеются в этнографических исследованиях. Впервые обстоятельные описания среднеазиатских жилищ были сделаны русскими учеными и путешественниками (Данилевский 1851: 105–120; Иванин 1873; Арандаренко 1883: 56–78; Семенов 1903: 12–34), а затем советскими этнографами (Андреев 1958; Писарчик 1970; Жилина 1967; 1970; Жданко 1952; Кисляков 1939; Давидов 1973; Сухарева 1976; Сухарева, Турсунов 1982; Хамиджанова 1982). Настоящая статья посвящена изучению дворов среднеазиатских жилищ, причем этапы эволюции двора в городе и в сельской местности впервые рассматриваются на основе письменных, археологических и этнографических источников.

Двор в средневековых персидско-таджикских толковых словарях назван арабскими словами «хаёт», «хавли» или персидско-таджикскими «ханэвар, хонавор». Так, в толковом словаре «Бурхон-и-котеъ», относящемся к XVII в., говорится: «хаёт — это пространство, по периметру которого располагались жилые, хозяйственные помещения и другие постройки (Бурхон-и-котеъ 1330 г. х.: 15–16). Почти аналогичное определение двора дает другой толковый словарь «Гиёс-ул-лугот», составленный в XIX в. Гиёсиддином Мухаммадом (Гиёс-ул-лугот 1988: 288).

Двор жилищ Средней Азии раннесредневекового периода

Дворы жилищ этого времени встречаются очень редко. В наиболее изученном раннесредневековом городище древнего Пенджикента их обнаружено всего три. Они были вскрыты на объектах XVI, XXI и XXV (рис. 1).

Объект XVI расположен в юго-восточной части городища. У одного из жилищ в северной части объекта был расчищен двор (Беленицкий и др. 1982), неровная поверхность которого была местами вымощена камнем. К западу от двора находился зал для приема гостей. К западу от дорожки, которая вела к залу, в полу двора было выявлено пять углублений. Возможно, они являлись остатками гнезд от деревянных столбов сооружения типа беседки (Там же: 202). С востока во двор выходили еще два помещения. Одно из них первоначально служило кухней, затем его переоборудовали в место для приготовления лепешек. В отчете об исследовании XVI объекта ничего не говорится о назначении двора.

XXI объект находится в северной части городища. Домовладение состояло из парадного зала, культового помещения, а также жилых и хозяйственных комнат с общим двором. Проход, находившийся в его юго-восточной части, вел на улицу (Беленицкий, Маршак 1976: 178–179). Описание самого двора отсутствует.

Объект XXV, раскопки которого возглавлял автор этих строк, находится в центральной части городища. Здесь вскрыто несколько домовладений знати. Прямоугольный двор (25 × 15 м), вытянутый с юга на север, находился в юго-восточной части объекта (рис. 2).

Первоначально (VII в.) во двор можно было попасть из двух жилищ, располагавшихся к западу и северо-западу от него. В конце VII–начале VIII в. широкий проход, который находился в юго-западном углу двора, был заложен, и выход в него одно из жилищ утратило. Поверхность двора, который понижался с севера на юг, не была вымощена камнем или керамикой и не подсыпана песком. Двор был открытый. В его западной и восточной половине обнаружены небольшие части канавок, предназначенных для отвода скапливавшихся в замкнутом пространстве двора атмосферных осадков. Водоотводная система двора хорошо сохранилась в его западной половине. На этом участке раскопан отрезок канавки шириной 20–30 см и глубиной 10–15 см. Канавка тянулась с севера на юг на расстояние 3,4 м с небольшим уклоном на юг вплоть до юго-западного угла двора. Затем она соединялась с керамическими трубами, которые находились в южной стене двора. Через них сточные воды попадали в помещение, располагавшееся к югу от двора. Далее канавка продолжалась вдоль западной стены этого помещения и доходила до его южной стены. В юго-западном углу помещения, под южной стеной был смонтирован водосток из больших камней. Через него дождевая вода из западной половины двора стекала на улицу. Упомянутое помещение служило до 740 г. конюшней. Оно имело плоское перекрытие и сообщалось с двором единственным проходом в северной стене. Пол помещения был вымощен булыжником. Вдоль его южной стены обнаружены остатки яслей. После 740 г. уровень пола подняли на 20 см и устроили его из глины. Вместо яслей вдоль южной стены

Рис. 1. Древний Пенджикент, дворы на объектах XVI, XXI и XXV, план (по Распопова 1990)

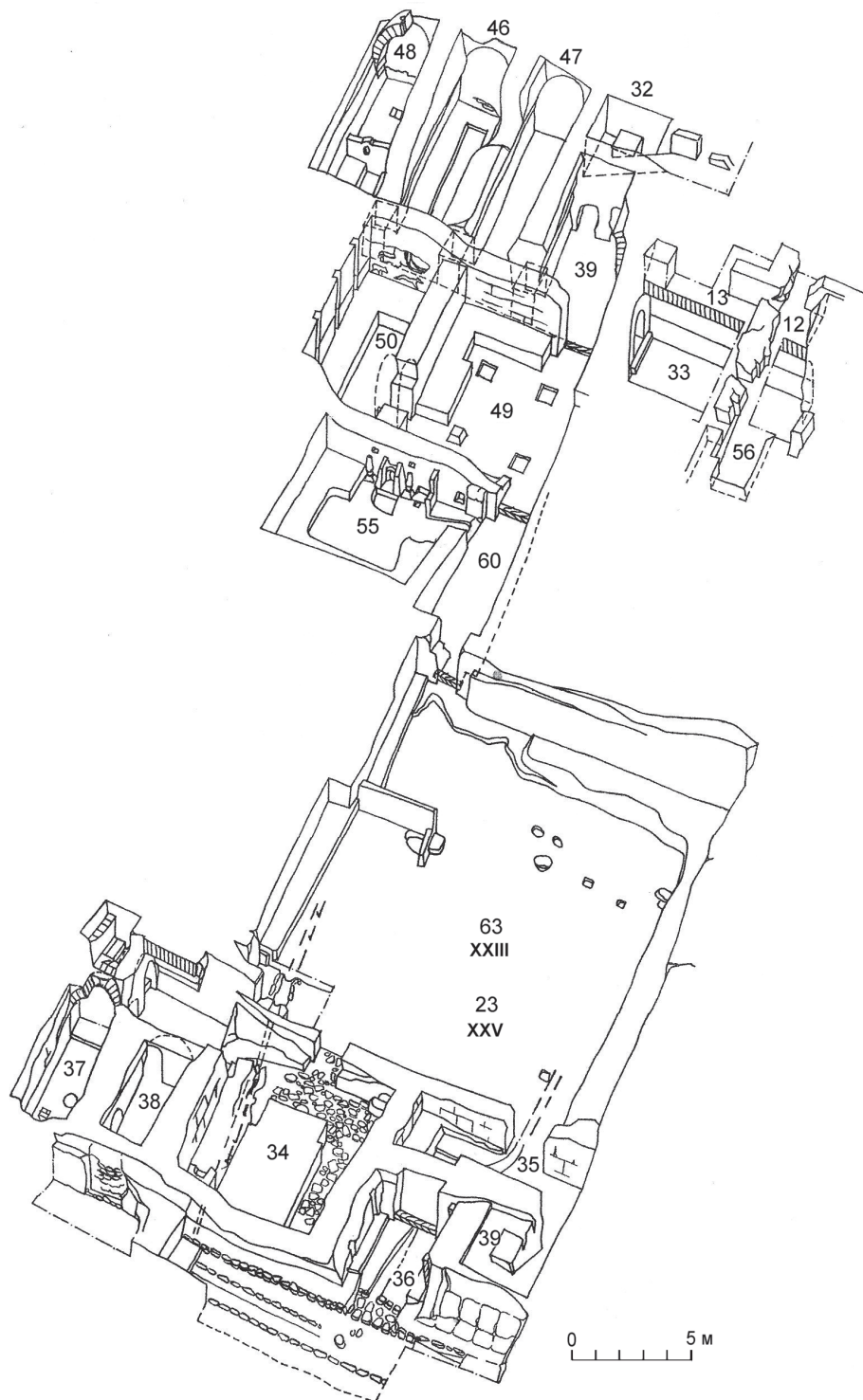

Рис. 2

оборудовали несколько бытовых очагов, превратив помещение в кухню (рис. 2 — пом. 34). В юго-восточном углу двора находился проход шириной 2,5 м, который вел в вестибюль, а затем к воротам с навесом, открытым в сторону улицы (рис. 2 — пом. 36). Во дворе и вдоль его стен не обнаружены бытовые очаги, суфы и айваны (навесы).

Таким образом, все три двора, раскопанные в древнем Пенджикенте, находились в жилищах богатых горожан, возможно, занимавших особое положение в обществе. Поэтому они позволяли себе, несмотря на дороговизну земли в городе, устраивать дворы, которые могли использоваться для семейных и родовых церемоний: свадеб, праздников или похорон. В остальное время дворы, видимо, играли роль связующего звена между жилищем и улицей.

На городище Афрасиаб вскрыт единственный двор раннесредневекового жилища. Раскопки в северо-западной части памятника показали, что уже во второй половине VIII в. в городской застройке наметилась периметральная планировка двора, причем сооружали не двух- или трехэтажные дома, как в древнем Пенджикенте, а одноэтажные. Все помещения располагались по периметру двора и выйти на улицу можно было только через двор (Шишкина 1973).

В горном Согде небольшой двор сельского одноэтажного жилища раскопан на поселении Гардани Хисор (верховья Зеравшана). Дом включал жилое, культовое, бытовое и хозяйственное помещения, которые не сообщались между собой. Каждое из них было снабжено отдельным выходом во двор (рис. 3). Исследователь этого памятника Ю. Якубов обоснованно сравнивает планировку этого жилища с современными среднеазиатскими домами, имеющими дворик-«хавли» (Якубов 1988: 83–88).

Обратимся теперь к рассмотрению дворов раннесредневековых сельских жилищ Средней Азии.

В Хорезме, в отличие от других областей Средней Азии, археологическому исследованию подверглись в основном замки и дома-усадьбы крупных землевладельцев и простых крестьян (Неразик 1966; 1976; Гудкова 1964). Сельское хорезмийское жилище, независимо от того, был ли это замок феодала или усадьба рядового общинника, являлось в основном единым домом. Отличия между замком феодала и усадьбой простого землевладельца заключались в том, что первый был лучше укреплен и имел большие размеры. Однако их планировка почти не отличалась друг от друга. Раннесредневековые сельские жилища Хорезма либо разделены коридором на две равные части, либо помещения группируются вокруг двора. Последний вариант был более распространен. Например, широкий коридор делил усадьбу № 28 на две половины. Ее западную часть занимал обширный двор с единственным входом (Неразик 1966: 72–73). Самые ценные материалы были получены в результате раскопок замков Тешик-кала и Якке-Парсан (Там же). В Тешик-кале был исследован

Рис. 2. Древний Пенджикент, план южной части объекта XXV с двором (по Распопова 1990)

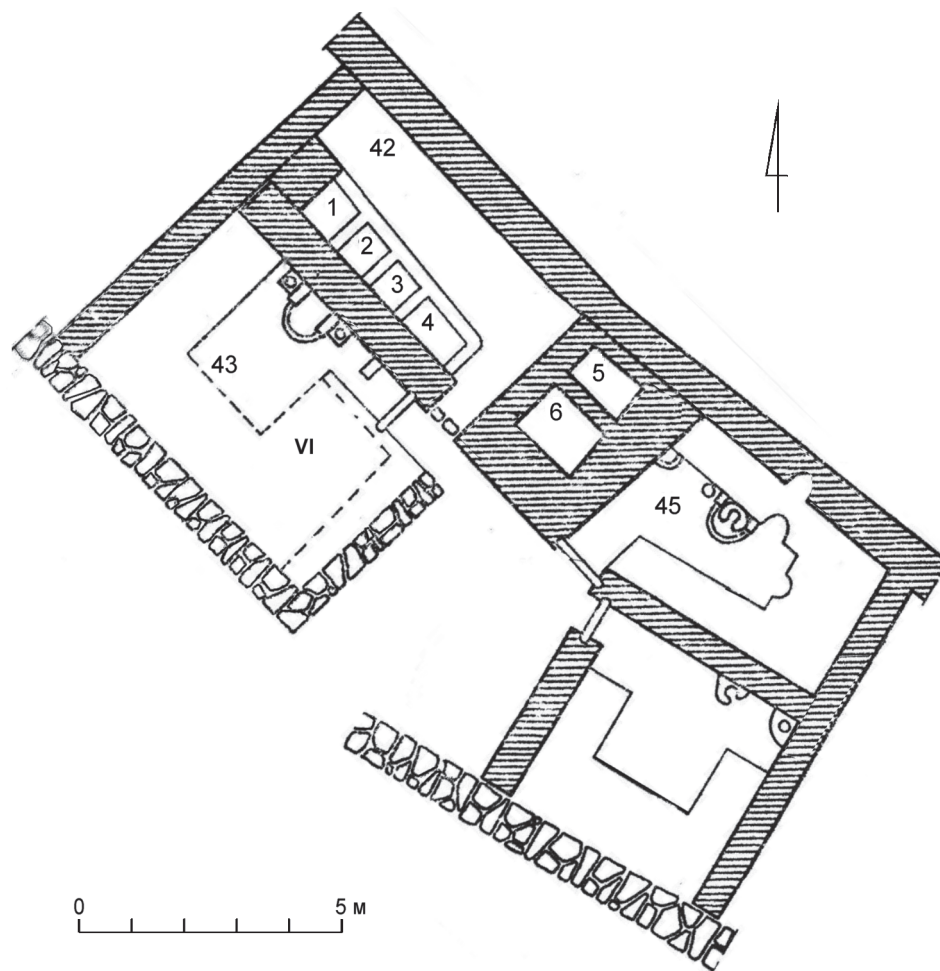

Рис. 3. Гардани Хисор, план четырехкомнатного жилища (по Якубов 1988)

участок между восточной крепостной стеной и донжоном. Выяснилось, что эта территория была разделена несколькими параллельными глухими стенами на ряд несвязанных между собой комплексов, состоявших из двух комнат. Строения тянулись от крепостной стены к центру двора (Там же: 69–72). Планировка, аналогичная тешик-калинской, была выявлена при раскопках другого замка — Якке-Парсан, где вскрытый участок был занят сплошным жилым массивом, состоявшим из отдельных комплексов, разделенных между собой глухими параллельными стенами. Выход из комплексов вел во двор (Там же: 73–75).

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что в раннесредневековых городских и сельских жилищах Средней Азии дворы были редки. Это объясняется, видимо, нехваткой земли, особенно в городах.

Двор жилищ Средней Азии периода развитого средневековья

Начиная с IX в. двор занимает в среднеазиатском жилище центральное место. Дома этого времени имели в основном один этаж и плоское перекрытие. Комнаты располагались по периметру двора, часто с отдельными выходами в него. Во дворе под навесом (айваном) находилась суфа, где члены семьи отдыхали весной и летом. Здесь же размещались бытовые очаги и тандыр для выпечки хлеба.

С распространением ислама большие изменения произошли и в планировке среднеазиатских жилищ. Дома теперь разделены на две части, причем одна из них, включающая передний двор, составляла мужскую половину, а задняя часть с внутренним двором — женскую. Ценные сведения об этом имеются в средневековых персидских письменных источниках. Так, автор XIV в. Амир Хасан Казвини сообщает о доме одного из богатых горожан Герата. Он пишет, что его жилище было окружено высокой стеной. Посреди одной из стен были устроены двухстворчатые ворота с навесом. Пройдя их, посетитель оказывался в большом дворе, по периметру которого размещались разные комнаты хозяйственного назначения, а также помещение для гостей — «михманхане» (Казвини 1340 г. х.: 245). Эту половину дома с двором автор называет мужской. Женская половина дома находилась во внутреннем дворе. Она сообщалась с мужской половиной небольшим проходом. В этой части дома располагались жилые и бытовые помещения, водоем (хауз), фруктовые деревья и цветники. Заходить сюда могли только отцы, мужья, братья и другие близкие родственники. Посторонним вход на женскую половину был запрещен (Там же: 247).

Почти аналогичное описание имеется также у Музаффара Балхи, автора XVI в. Однако он сообщает о наличии навесов (айванов), сооруженных по периметру дворов (Балхи 1345 г. х.: 121). Балхи также дает краткую характеристику жилища простого горожанина и сельского жителя. Он отмечает, что планировка их домов не отличалась от планировки жилищ богатых горожан. Разница состояла лишь в площади дома и убранстве его интерьера (Там же: 122–123).

Теперь обратимся к рассмотрению археологических материалов. На городище Афрасиаб было раскопано жилище IX–X вв., разделенное на две части — хозяйственную и гостевую с большим залом (михмонхона) (Ташходжаев 1970). Ввиду отсутствия подробного описания и плана этого дома трудно судить о том, были ли разделены его части дворами.

Жилище, раскопанное на средневековом городище Талгар, состояло из двух частей с внешним и внутренним дворами (Савельева 1989). Во внешнем дворе находились хозяйственные помещения и загон для скота, а во внутреннем — жилые помещения. Планировка этого дома соответствует сведениям вышеизложенных персидских письменных источников.

Иная структура жилищ IX–X вв. была выявлена на городище Варахша. Самый большой дом был вскрыт в западной части памятника (рис. 4). Вход в жилище вел с улицы, проходившей восточнее дома, центром которого служил открытый дворик. Вокруг него располагались жилые помещения, кладовая с хумами, кухня с очагами и комната с тануром (Шишкин 1963: 97–105).

Рис. 4. Варакша, план жилых домов в западной части городища (по Шишкин 1963)

К северу от этого жилища находился другой дом, меньший по размерам. По периметру его двора также располагались жилые и бытовые помещения (Там же: 98–100). Вход в дом был устроен там же, что и у вышеописанного жилища. Как отмечают исследователи Варакши, раскопанные здесь дома принадлежали малым небогатым семьям (Там же: 100–105; Кабанов 1958).

Почти аналогичная планировка характерна для жилищ городища Ак-Тюбе в Таласской долине Кыргызстана. Здесь раскопан дом, окруженный мощной глухой глинобитной стеной. Через проход, который находился в одной из стен жилища, попадали в обширный двор. По его периметру располагались жилые, хозяйственные и бытовые помещения со своими отдельными выходами во двор (Бубнова 1963: 45–50).

Близки по своей планировке к варакшинским жилищам дома XIII–XIV вв., раскопанные на городище Отрар (Акишев и др. 1987: 15–92; Байпаков 1989). В результате археологических исследований здесь были выявлены три типа жилищ. К первому из них относятся дома из двух или трех комнат с двориком, имеющим выход на улицу. Например, дом ремесленника состоял из двух жилых помещений, открытого дворика и мастерской (Байпаков 1989: 76–78). Ко второму типу относились жилища, состоявшие из четырех и более жилых, хозяйственных и бытовых помещений с выходами в открытый дворик. Жилища третьего типа занимали значительно большую площадь сравнительно с двумя первыми (Там же: 77–90).

К сожалению, о средневековых сельских жилищах Средней Азии можно судить лишь по незначительным материалам, добытым археологами в Хорезме. Например, в Кават-калинском оазисе раскопан дом богатого человека. Постройка состояла из жилых комнат, парадного помещения для гостей, хозяйственных и бытовых комнат. Вдоль восточной стены жилища находился двор, в котором были обнаружены большие ямы, врытые в землю хумы и несколько бытовых очагов (Неразик 1976: 77–88).

Небольшой дом был раскопан в районе крепости Акча-челин (Хорезм). Он принадлежал простому сельскому жителю и состоял из кухни, жилой комнаты и хозяйственного помещения с хранилищами. С западной стороны дома располагался двор (Там же: 135–136).

Перечисленные материалы свидетельствуют о том, что в средние века двор занимал центральное место в планировке жилищ Средней Азии, помещения в которых располагались по периметру двора. Каждая комната часто имела отдельный выход во двор (Афрасиаб, Варахша, Отрар, сельские поселения Хорезма). Средневековый двор также выполнял хозяйственно-бытовую функцию.

Судя по письменным источникам и археологическим данным (городище Талгар), в это время впервые появляются дома с двумя дворами, причем внешний двор являлся мужским, а внутренний — женским.

Двор жилищ Средней Азии периода позднего средневековья

Этот период хронологически охватывает XVI—начало XX в. Для XVI—XVIII вв. ценные сведения были получены при раскопках средневекового города Отрар (Казахстан), исследователям которого удалось выделить два основных строительных горизонта, соответствующих двум периодам жизни на городище. Нижний горизонт датируется XVI—первой половиной XVII в., верхний — второй половиной XVII—XVIII в. (Байпаков 1989). В результате раскопок в некоторых домах были обнаружены летние дворики с навесами. Большой интерес представляют дома, состоявшие из нескольких жилых помещений с общим двором (рис. 5). Количество жилых, хозяйственных и бытовых помещений в домах доходило до шести (Там же: 85–90).

Дворы городских и сельских жилищ конца XIX—начала XX в. рассмотрены по этнографическим данным, которые свидетельствуют о том, что каждый городской дом в это время делился на две части: внешний двор (мужская половина) и внутренний двор (женская половина) (Данилевский 1851: 105–106; Иванов 1873: 32–34; Арандаренко 1883: 56–67; Семенов 1903: 45–34; Жданко 1952: 36–43; Кисляков 1939; Писарчик 1970; Сухарева, Турсунов 1982). Во внешнем дворе, как правило, находились входная дверь или двустворчатые ворота, через которые попадали в дом; помещение для гостей («михманхане»); различного рода навесы (айваны), предназначенные как для отдыха в летнее время, так и для хозяйственных нужд; подвалы для хранения запасов, конюшня и хлев.

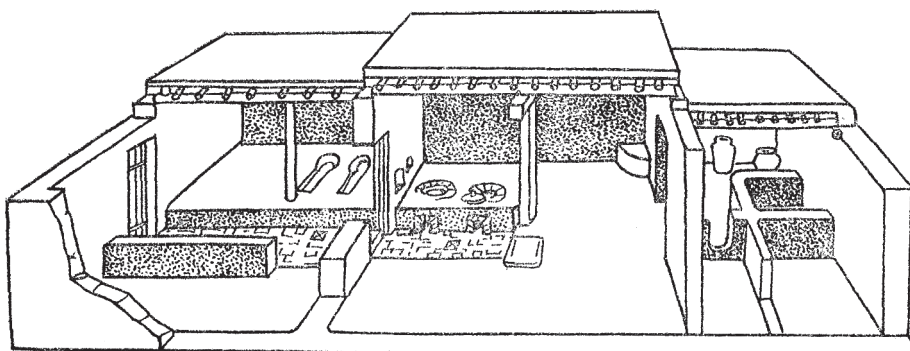

Рис. 5. Отрар, реконструкция дома XVII в. (по Байпаков 1989)

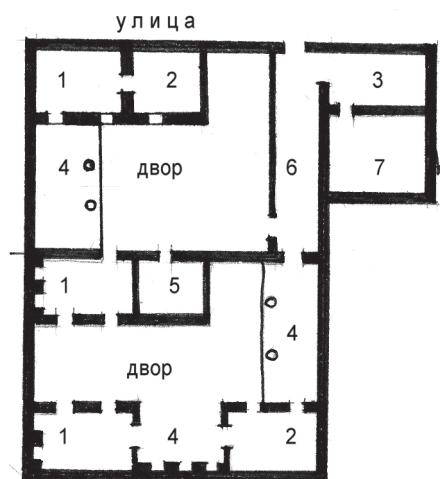

Рис. 6. Жилище XIX в. (дом Усто-Насырджана) с внешним и внутренним дворами (по Писарчик 1970): 1 — жилая комната; 2 — кухня; 3 — коридор; 4 — айван; 5 — кладовая; 6 — проход; 7 — «михманхане»

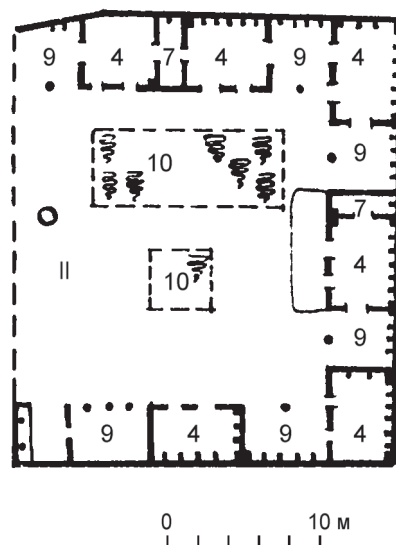

Рис. 7. Жилище XIX в. с садом и огородом во дворе (по Жилина 1967)

Во внутреннем дворе располагались жилые помещения, айваны, зимняя и летняя кухни. В кухнях также устроена печь для приготовления лепешек (рис. 6).

Судя по этнографическим данным, в городах Ходжент, Маргелан, Коканд, Ура-тубе часто встречались дома, которые не занимали весь периметр двора. Свободное место во дворах использовали для разбивки сада и огорода (Жилина 1967). Следует отметить, что такая планировка характерна и для сельских жилищ Средней Азии (рис. 7; Андреев 1958: 23–45; Давыдов 1973).

Все рассмотренные в настоящей статье материалы свидетельствуют о том, что функция двора среднеазиатского городского и сельского жилища менялась в различные исторические периоды.

Судя по планировке раннесредневекового города (VII–VIII вв., древний Пенджикент), представлявшей собой кольцо крепостных стен, внутри которых располагались плотно сомкнутые друг с другом жилища, двор не являлся обязательным элементом жилой застройки и встречался очень редко. Отсутствие во дворах очагов, хранилищ сельскохозяйственных продуктов и других хозяйственно-бытовых построек указывает на то, что дворы в этот исторический период играли главным образом роль связующего звена между домом и улицей.

Большие изменения произошли в структуре городской и сельской застройки Средней Азии в период развитого средневековья (IX–XV вв.). В это время помимо жилищ с одним двором появляются дома с внешними и внутренними дворами, что было связано с исламизацией населения. Внешний двор считался мужской половиной. Здесь находились хозяйственные постройки. Одной из

обязательных деталей в планировке внешнего двора являлось наличие «михманхане» (помещения для гостей). Внутренний двор отводился для женщин (женская половина). В этой части жилища располагались жилые и бытовые помещения. Вход посторонним мужчинам в женскую половину дома был категорически запрещен.

Вместе с тем в эту эпоху продолжают существовать дома с одним двором. Однако планировка таких жилищ меняется коренным образом. Если раннесредневековый двор примыкал к дому и сообщался с ним единственным входом (древний Пенджикент, Гардани Хисор, замки и усадьбы Хорезма), то теперь двор занимает центральное место, а все помещения жилища находятся по его периметру, причем каждое помещение имеет отдельный выход во двор (Афрасиаб, Варахша, Отрар). Еще раньше, с конца VIII в. (Афрасиаб), исчезают двух- и трехэтажные дома со сводчатыми перекрытиями. Взамен их появляются одноэтажные жилища с небольшими двориками. Во дворах средневековых жилищ появляются постройки хозяйственно-бытового назначения. Двор в эту пору приобретает и хозяйственно-бытовую функцию.

В позднем средневековье (XVI–XVIII вв.) функции двора жилищ Средней Азии расширяются. В это время представлено несколько вариантов построек: 1) дома с одним двором, 2) жилища с внешним и внутренним дворами, 3) дома с двумя дворами, один из которых был отведен под сад или огород.

Абдуллоев 2009 — *Абдуллоев Д.* Средняя Азия в VII–XIII веках и вопрос о согдийском культурном наследии. СПб., 2009.

Акишев и др. 1987 — *Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б.* Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата, 1987.

Андреев 1958 — *Андреев М. С.* Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1958.

Арандаренко 1883 — *Арандаренко Г. А.* Дарваз и Каратегин. СПб., 1883.

Атагарриев 1986 — *Атагарриев Е.* Средневековый Дехистан. М., 1986.

Байпаков 1989 — *Байпаков К. М.* Средневековый Отрар // Градостроительство и архитектура. Ташкент, 1989. С. 75–90.

Балхи 1345 г. х. — *Балхи Мухаммадхусейн.* Тухфат-ул-ахбоб. Тегеран, 1345 г. х. (на перс. яз.).

Беленицкий и др. 1973 — *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.

Беленицкий и др. 1982 — *Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И., Исаков А.* Раскопки древнего Пенджикента в 1976 г. // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 1982. Вып. 16. С. 197–221.

Беленицкий, Маршак 1976 — *Беленицкий А. М., Маршак Б. И.* Черты мировоззрения согдийцев VII–VIII вв. в искусстве Пенджикента // История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 170–179.

Бубнова 1963 — *Бубнова М. А.* Средневековое городище Ак-Тюбе I у села Орловки // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 45–56.

Булатова 1972 — *Булатова В. А.* Древняя Кува. Ташкент, 1972.

Бурхон-и-котеъ 1330 г. х. — *Мухаммад Муин.* Бурхон-и-котеъ. Тегеран, 1330 г. х. Т. 1. (на перс. яз.).

Воронина 1950 — *Воронина В. Л.* Изучение архитектуры древнего Пенджикента // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. 1. 1946–1947 гг. М.; Л. 1950. С. 25–49 (МИА. Вып. 15).

- Воронина 1957 — *Воронина В. Л.* Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества // *Архитектурное наследство*. М., 1957. № 8. С. 112–129.
- Воронина 1964 — *Воронина В. Л.* Архитектура древнего Пенджикента // *Труды Таджикской археологической экспедиции*. 1954–1959 гг. М.; Л., 1964. С. 66–84 (МИА. Вып. 124).
- Гиёс-ул-лугот 1988 — *Гиёсиддин Мухаммад*. Гиёс-ул-лугот. Душанбе, 1988. Т. 1 (на перс. яз.).
- Гудкова 1964 — *Гудкова А. В.* Ток-кала. Ташкент, 1964.
- Давыдов 1973 — *Давыдов А. С.* Жилище // *Материальная культура таджиков Зеравшана*. Душанбе, 1973. С. 7–38.
- Данилевский 1851 — *Данилевский Г. И.* Описание Хивинского ханства // *Записки Русского географического общества*. СПб., 1851. Кн. 4. С. 105–120.
- Жданко 1952 — *Жданко Т. А.* Каракалпаки Хорезмского оазиса // *Труды Хорезмской этнографической экспедиции*. М., 1952. Т. 1. С. 36–47.
- Жилина 1967 — *Жилина А. Н.* Традиционные поселения и жилище узбеков // *Жилище народов Средней Азии и Казахстана*. М., 1967. С. 137–162.
- Жилина 1970 — *Жилина А. Н.* К истории формирования современного узбекского жилища: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970.
- Иванин 1873 — *Иванин М. И.* Хива и река Амударья. СПб., 1873. С. 32–56.
- Кабанов 1958 — *Кабанов С. К.* Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахша // *Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР*. Ташкент, 1958. Т. 8. С. 95–125.
- Казвини 1340 г. х. — *Казвини Амир Хасан*. Наводир-ул-вакоъ. Тегеран, 1340 г. х. (на перс. яз.).
- Кисляков 1939 — *Кисляков Н. А.* Жилище горных таджиков бассейна Хингоу // *СЭ*. 1939. Т. 2. С. 56–78.
- Мухамеджанов и др. 1988 — *Мухамеджанов А. Р., Адылов Ш. Т., Мирзаахмедов Д. К., Семенов Г. Л.* Пайкенд. Ташкент, 1988.
- Неразик 1966 — *Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966.
- Неразик 1976 — *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I–XV вв.). М., 1976.
- Писарчик 1970 — *Писарчик А. К.* Жилище // *Таджики Каратегина и Дарваза*. Душанбе, 1970. Вып. 2. С. 67–89.
- Распопова 1969 — *Распопова В. И.* Квартал рядовых горожан Пенджикента. VII–VIII вв. // *СА*. 1969. № 1. С. 69–182.
- Распопова 1990 — *Распопова В. И.* Жилища Пенджикента. Л., 1990.
- Савельева 1989 — *Савельева Т.* Средневековый Талгар // *Памятники истории и культуры Казахстана*. Алма-Ата, 1989. Вып. 5. С. 124–145.
- Семенов 1903 — *Семенов А. А.* Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903.
- Сухарева 1976 — *Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976.
- Сухарева, Турсунов 1982 — *Сухарева О. А., Турсунов Н. О.* Из истории городских и сельских жилищ Средней Азии второй половины XIX–начала XX в. // *Жилище народов Средней Азии*. М., 1982. С. 45–67.
- Ташходжаев 1970 — *Ташходжаев Ш. С.* Самаркандский жилой дом X века // *Средневековые города Средней Азии и Казахстана*. Л., 1970. С. 53–54.
- Хамиджанова 1982 — *Хамиджанова М. А.* Жилище таджиков Ягноба // *Жилище народов Средней Азии*. М., 1982. С. 226–238.
- Шишкин 1963 — *Шишкин В. А.* Варахша. М., 1963.
- Шишкина 1973 — *Шишкина Г. В.* Городской квартал VIII–XI вв. на северо-западе Афрасиаба // *Афрасиаб*. Ташкент, 1973. Вып. 2. С. 70–75.
- Якубов 1979 — *Якубов Ю.* Паргар в VII–VIII вв. Душанбе, 1979.
- Якубов 1988 — *Якубов Ю.* Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. Душанбе, 1988.

**COURT IN THE STRUCTURE
OF THE EARLY AND LATE MEDIEVAL
DWELLINGS OF CENTRAL ASIA (VII–XIX cc.)**

D. Abdulloev

The functions of courts of Central Asian urban and rural dwellings were not the same in different historical periods. During the Early Medieval times (VII–VIII cc.) courts are found very rare (fig. 1–3). The absence of hearths and other household constructions indicates that they had no economic functions, serving just as connecting links between the house and street. In the High Middle Ages (IX–XVI cc.) the court occupies the central place in the dwelling structure. All the rooms are arranged along the perimeter of the courtyard, and each room has its exit there (fig. 4–5). Still earlier, at the end of the VIII c., the court began to acquire economic functions, as is evidenced by the appearance of one-store dwellings with small courts with various household constructions in them. There are dwellings having both inner courts and forecourts, which was connected with the spread of Islam. The forecourt was considered the men's half of the house. It included various household constructions and «mikhmankhane» (guest rooms). The inner court was intended for women and belonged to the women's half, where no strange men were allowed to enter. In the Late Medieval period (XVII–XVIII cc.) the functions of the court broadened (fig. 6–7). Three types of dwellings are present in this time: houses with one court; houses with both the inner court and forecourt; houses with two courts one of which served as a garden.

СВОЙСТВА И РОЛЬ СВИНЦОВО-ОЛОВЯННЫХ СПЛАВОВ В ПРОИЗВОДСТВЕ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ РАННИМИ СЛАВЯНАМИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

А. Н. ЕГОРЬКОВ

В Восточной Европе свинцово-оловянные сплавы в раннем средневековье получили широкое распространение в качестве ювелирного металла. В частности, они постоянно встречаются в поднепровских кладах раннеславянского времени — объектах, состав металла которых уже продолжительное время служит предметом исследований в ИИМК РАН (Горюнова 1992; Егорьков 2002; Егорьков, Щеглова 2001; 2006). Иногда количество изделий из этого сплава (бляшки, ворворки, нашивки, реже — фибулы) может быть очень большим. Так, в раннеславянском кладе VII в. из с. Великие Будки на Сумщине (Украина) их число превышает 1200 (Горюнова 1992: 130).

Свинец и олово имеют совершенно разное рудопроявление. Первичная руда свинца — галенит, сульфидного характера, вторичная — карбонат, церуссит. Первичная, она же основная руда олова — касситерит, является диоксидом. Вследствие этого олово и свинец не могут быть взаимной рудной примесью и их сплавы — рукотворные артефакты. По этой причине закономерен вопрос: почему широкое распространение в кладах «древностей антов» получил именно их сплав. Но при этом следует решить и попутный вопрос о том, находили ли использование сами эти металлы в элементном виде.

Что касается олова, то изделия из него в это время автору неизвестны, а в более позднее время — немногочисленны. Тогда уже встречаются подвески, перстни, а небольшое количество олова использовалось в стеклоделии, для чего, впрочем, не требовалась выплавка металла из руды. Главное же предназначение олова сводилось к использованию в качестве легирующего металла, в том числе — для бронзовой пластики. В некоторых регионах бронза с высоким содержанием олова шла на изготовление зеркал. В развитом средневековье олово уже стало незаменимым для отливки пушек и колоколов. До их появления востребованность металлического олова в раннем средневековье в Восточной Европе нельзя оценивать как значительную.

Иначе обстояло дело со свинцом, использование которого в элементном виде было намного шире. Так, он применялся как кровельный материал, для изготовления водоотводов, в стеклоделии, в делопроизводстве, для технического plombирования, отливки грузил и др.

Первостепенную важность в контексте рассматриваемой темы имеет также вопрос о доступности ранним славянам свинца и олова в качестве отдельных

¹ По материалам статьи сделан доклад на конференции «Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства», СПб. Тезисы опубликованы (Егорьков 2012).

металлов. Об этом можно судить, используя данные лингвистики. Здесь русскоговорящие встречаются с парадоксом, поскольку слово *олово* во всех славянских языках (в польском оно мужского рода — *olów*, в белорусском пишется *олава*), кроме русского и украинского, означает *свинец*. Совершенно иная ситуация с обозначением самого олова в разных славянских языках. В западнославянских языках (чешском, словацком, польском) и белорусском его название восходит к немецкому *Zinn*, а в южных (сербском, болгарском), как и в турецком, обозначается тюркским словом *калай*, да и в латинском языке современное название олова *stannum* — новообразование. Общее для славян обозначение свинца и заимствованные из иных языков разные обозначения олова свидетельствует о том, что свинец был известен и доступен ранним славянам, тогда как олово в элементном виде известно не было. В то же время, согласно обзору Н. Forshell, в Западной Европе оловянные артефакты этого и близкого времени хорошо известны. Главным образом они тяготеют к Британским островам, где на п-ове Корнуолл находится крупное и давно разрабатываемое месторождение олова (Forshell 1992: 24). Причины, по которым олово не было известно в раннеславянском мире, можно видеть в малом количестве месторождений олова в Европе. Английский исследователь П. Т. Крэддок указывает, что олово в Европе добывалось лишь в Британии и Чехии, возможно, разработки велись также в северо-западной испанской провинции Галисия (Craddock 1985: 32). Кроме того, выплавка олова из руды сопряжена с определенной трудностью. Она заключается в том, что реакция восстановления рудного диоксида олова в металл сильно эндотермична, т. е. протекает с большим поглощением тепла, что в свою очередь требует поддержания высокой температуры греющего агента (Charles 1979: 27).

Однако в раннеславянских кладах Поднепровья именно сплав олова со свинцом получил широкое распространение как ювелирный металл, иногда в современной литературе называемый пьютером (англ. *pewter*). Ясно, что из-за отсутствия олова он не изготавливался на месте, а имел импортное происхождение, поступая уже в готовом виде. О том, что он производился на Западе, имеются и свидетельства в литературе (Forshell 1992: 24). Причины появления и широкого распространения сплава кроются в его свойствах, которые, как можно предполагать, оказались вполне благоприятными. Рассмотрим их ниже, но здесь уместно еще напомнить, что свойства сплава далеко не всегда парциально складываются из свойств слагающих его компонентов, причем отклонения от формально вычисленных усредненных значений могут быть очень велики.

Достаточно вспомнить бытовой пример, связанный с посыпкой зимой дорог солью. Добавка ко льду соли приводит к его плавлению, хотя температура плавления самой соли составляет сотни градусов. Как видим, при этом не получается соединения с какой-то средней температурой плавления, а, напротив, температура застывания смеси воды с солью при правильном подборе их соотношения может быть опущена до -16°C . Нечто подобное наблюдается и у сплавов, которые представляют собой твердые растворы, в том числе — и у рассматриваемых здесь свинцово-оловянных. При этом сплавы плавятся при опре-

деленной температуре, если они представляют собой так называемые эвтектики. Пьютерам же присущ сложный полиэвтектический характер, в результате чего они имеют начальную и конечную температуры плавления. Это означает, что в процессе плавления первые капли жидкой фазы появляются при одной температуре, а последние твердые частицы исчезают при другой, более высокой. При этом по мере плавки состав твердой и жидкой фаз постоянно меняется. Для того чтобы расплавить сплав полностью, требуется нагреть его до температуры конца плавления.

Некоторые свойства свинцово-оловянных сплавов приведены в таблице, причем здесь рассмотрены продажные промышленные и бытовые припои, свойства которых хорошо изучены. Они имеют обозначение ПОС, которое расшифровывается как «припой оловянно-свинцовый», за которым следует процентное содержание в сплаве олова (Одноралов 1991: 63).

Таблица

Физико-химические свойства оловянно-свинцовых припоев

Марка припоя	Температура начала плавления, °С	Температура конца плавления, °С	Интервал плавления, °С	Прочность на разрыв, кг/мм ²	Относительное удлинение, %
Олово	232	232	0	1,9	43
ПОС 90	183	202	39	4,3	25
ПОС 50	183	209	26	3,6	32
ПОС 40	183	235	52	3,2	63
ПОС 30	183	256	73	3,3	58
ПОС 25	183	265	82	2,8	52
ПОС 18	183	277	94	2,8	67
Свинец	327	327	0	1,1	45

Из таблицы видно, что и конечная, и начальная температуры плавления сплавов во всех случаях ниже температуры плавления свинца (327° С), наиболее тугоплавкого компонента! Это наблюдается даже при содержании легкоплавкого (232° С) олова всего 18 %! При равном, например, содержании в сплаве олова и свинца (ПОС 50) сплав полностью расплавляется при температуре ниже температуры плавления олова! Еще более разительным оказалось увеличение прочности на разрыв, в этом отношении все сплавы значительно превысили свойства исходных материалов! Прочностные свойства и пониженная температура плавления и явились причиной появления и широкого использования свинцово-оловянных сплавов в ювелирном деле, а также, как отмечено (Forshell 1992: 25), и для изготовления столовой посуды.

Можно указать и на другие преимущества сплава. Одно из них связано с тем, что свинец при плавлении заметно окисляется, что хорошо заметно по появлению налета оранжевого глета, оксида двухвалентного свинца. Отливка изделий из более низкоплавких сплавов, естественно, снизит степень окисле-

ния свинца, к этому же приведет и разбавление оловом. Другая очень важная причина, приведшая к распространению свинцово-оловянных сплавов, состоит в том, что свинец гораздо дешевле олова. По каталогу химреактивов 1983 г. равный по степени очистки свинец дешевле олова более чем в 16 раз (Химические... 1983: 415, 450), следовательно, и сами сплавы, имеющие лучшие качества, оказываются дешевле олова! Можно предполагать, что в прошлом недоступность месторождений олова и сложность технологии его выплавки делали ценовое соотношение еще более значительным. Разумеется, такой набор преимуществ сплава не мог не остаться незамеченным литейщиками раннего средневековья.

Как следует из таблицы, свойства сплавов не очень сильно изменяются с изменением соотношения компонентов, поэтому в восточноевропейских раннеславянских сплавах можно видеть довольно значительные колебания соотношения основных компонентов, когда в качестве основы могут выступать и олово, и свинец, или наблюдаться их равное содержание (Орлов 1989: 101; Горюнова 1992: 135; Егорьков, Щеглова 2000: 60–61).

Кроме изготовления ювелирных изделий свинцово-оловянный сплав нашел применение как легирующий компонент для металла или сплава иного типа, на что уже указано в литературе (Орлов 1989: 101). Такое использование объясняет видимую в ряде случаев многокомпонентность раннеславянского металла. Вошедшая в это время в обиход ранних славян Восточной Европы в качестве ювелирного металла латунь в целях ее экономии иногда сплавлялась с пьютером, в результате чего содержащийся в ней цинк сопровождался оловом и свинцом, нередко в сопоставимых количествах (Егорьков, Щеглова 2001: 304, 306, 307; 2006: 24). Однако это сплавление в каждом конкретном случае определялось сложившимися обстоятельствами. Так, например, приплав пьютера к латуни хорошо прослеживается для металла раннеславянского клада из с. Куриловка Курской обл., в меньшей степени это заметно для близкого по времени и местоположению клада из Суджи-Замостья (еще не опубликованные результаты, раскопки В. Е. Родинковой). Следует отметить, что сплавление латуни со свинцово-оловянной лигатурой — литейный прием, характерный не только для ранних восточных славян: он использован и для отливки предметов из погребения Sutton Ноо в Британии, где все детали англосаксонского щита и скипетра имеют в припаве к меди цинк, свинец и олово (Oddy 1983: 950). Изделий из металла подобного состава достаточно много найдено в Прибалтике (Черных и др. 1969: 114–119). Разумеется, они обнаруживаются и в прилегающих славянских землях, в частности, на территории современной Польши. Так, одну из трех групп предметов конской узды из погребения в Тумянах, выполненных из металла на медной основе, составляют латуни, присаженные свинцово-оловянной лигатурой (Hensel 1996: 128). Резонно предположить, что легирование пьютером в раннем средневековье осуществлялось в Европе повсеместно.

Взгляды некоторых авторов на то, что легирующие элементы вводились по-разному, вряд ли можно признать обоснованными, поскольку при разном леги-

рующем действии нет разумных причин вводить их несколько по отдельности. О том, что свинец и олово вводились лигатурой, свидетельствует и состав металла некоторых бубенчиков из раннеславянских кладов: для них требуется звучный сплав, которым сама латунь быть не может и где главными легирующими элементами для меди оказались и олово, и свинец (Орлов 1989: 101). Чаще всего эту роль выполнял пьютер, сплавленный с небольшим количеством латуни (Егорьков, Щеглова 2001: 307). Особо показателен в этом отношении Гапоновский клад, в котором присутствуют 7 колокольчиков, один из которых отлит из меди, сплавленной с пьютером, остальные содержат еще и приплав небольшого количества латуни (неопубликованные результаты). Присутствие в металле свинца не оказывает существенного влияния на звучание колокольчиков и бубенцов малых форм.

Приплавом к серебру лигатур объясняется и многокомпонентность постоянно присутствующих в раннеславянских кладах биллонов, сплавов с преобладающим или повышенным содержанием серебра. В них всегда цинк имеет значительно меньшее содержание, чем медь, что прямо указывает на легирование серебра латунью. Видимое же иногда присутствие олова и свинца в сопоставимых с цинком количествах может быть расценено как дополнительное легирование свинцово-оловянной лигатурой. Возможен и другой вариант: серебро было сплавлено с латунью, которая в свою очередь уже была сплавлена с пьютером. Вообще, вопрос о биллонах в раннеславянских кладах представляется сложным, поскольку трата дорогого металла иногда не приводит к достижению благородства внешнего вида изделий, в результате чего они не имели видимых отличий от латуни. Зачем надо было прибегать к столь глубокому легированию дорогого серебра, остается лишь гадать.

Мнение о том, что легирование серебра осуществлялось латунью, а не цинком и медью порознь, уже высказано ранее (Там же: 281). Оно основано на том, что цинк во всех опубликованных анализах хорошо известного Мартыновского клада (Приходнюк и др. 1991: 87–90) имеет сугубо подчиненное содержание по отношению к меди. Тот же взгляд изложен в отношении серебра упомянутого выше погребения в Тумянах в Польше, которое, как предполагается, было легировано лигатурой меди и пьютера (Hensel 1996: 136). Представления о том, что серебро легировалось уже готовым сплавом, противоречит мнению украинских коллег, которые считают, например, что цинк в серебро предметов найденного на Украине известного Мартыновского клада вводился самостоятельно с целью экономии серебра, а ряд предметов отлит из «сложного сплава меди, серебра, цинка и свинца». Причину появления такого сплава авторы видят или в результате смешения отдельных компонентов, или в добавлении в серебро лома изделий из многокомпонентных сплавов (Приходнюк и др. 1991: 74). Однако при этом не указывается, откуда брались эти многокомпонентные сплавы, а представления о введении в серебро компонентов порознь, как отмечено выше, не вписываются ни в какие рамки здравого смысла. Впрочем, свинец в серебре мог быть остаточным, поскольку серебро добывается в основном из

свинцовых руд, а не примесью к серебряной руде, как полагают некоторые исследователи (Там же). К тому же известный славянам элементный свинец мог вводиться в сплавы и самостоятельно. Цинк же не вводился отдельно еще и потому, что доступная ранним восточным славянам латунь была цементационная, получаемая без выплавления металлического цинка (Егорьков 2008), и элементный цинк, как и олово, не был доступен ранним славянам Восточной Европы. Многокомпонентность сплавов возникала в силу сложившихся обстоятельств из-за сплавления уже готовых лигатур, доступных литейщикам того времени.

Следует заметить, что все вышесказанное относится к металлу из кладов ранних славян Восточной Европы, результаты анализа которого опубликованы. Слаженность общей картины состоит в том, что в наиболее хорошо проанализированных на состав металла кладах нет ни одного предмета, который можно было бы отнести к оловянной бронзе, а также ни одного биллона, в котором можно было бы предполагать легирование серебра оловянной бронзой. Так, для давно и хорошо известного Мартыновского клада О. М. Приходнюком с сотрудниками опубликовано 97 анализов металла, в основном на основе серебра (Приходнюк и др. 1991). В некоторых случаях серебро сплавлено с большим количеством пьютера (Там же: 87, ан. 3, 7, 8, 18), в одном — со свинцом (ан. 17). Для приведенных в этой же работе анализов состава металла изделий малых кладов из Малого Ржавца и Христофоровки в одном случае серебро сплавлено с пьютером (ан. 104), еще один металл получен при легировании меди в основном пьютером (ан. 116). К настоящему времени опубликованы результаты по раннеславянскому кладу, найденному в г. Трубчевске Брянской обл. (Приходнюк и др. 1996), для металла изделий которого выполнено 139 анализов (Егорьков, Щеглова 2001: 301–304). В основном предметы отлиты из серебра, легированного латунью или пьютером, в ряде случаев — обеими лигатурами. Все медные сплавы представлены латунью, также в некоторых случаях сплавленной с пьютером. К сожалению, до сих пор не нашли печатного воплощения результаты анализа металла клада, обнаруженного у с. Гапоново Курской обл. (Гавритухин, Обломский 1996), для которого автором выполнено 143 анализа. В этом кладе изделия из биллона составляют меньшую часть, материал основной части изделий — латунь, иногда сплавленная со свинцово-оловянной лигатурой. Единичные экземпляры отлиты из меди. Оловянная бронза как для изготовления изделий, так и для легирования серебра не применялась.

Иная ситуация сложилась в Центральной (Hensel 1996) и Западной (Oddy 1983) Европе, где состав раннесредневекового металла имеет уже широкие вариации. Близость к месторождениям олова способствовала появлению оловянной бронзы. В частности это видно на примере славяно-аварского металла с территории Чехии, где наряду с медными сплавами, полученными приплавом к меди пьютера, и латунью встречена и оловянная бронза (Frána, Maštalka 1992: 782–789).

Несомненным остается, что именно благодаря своим свойствам свинцово-оловянные сплавы нашли широкое применение в качестве ювелирного материала у ранних славян Восточной Европы, а как легирующий приплав в раннем средневековье использовались на всей территории Европы.

Гавритухин, Обломский 1996 — *Гавритухин И. О., Обломский А. М.* Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Горюнова 1992 — *Горюнова В. М.* Новый клад антского времени из среднего Поднепровья // АВ. СПб., 1992. № 1. С. 126–140.

Егорьков 2002 — *Егорьков А. Н.* Основы интерпретации состава металла кладов «древностей антов» // Клады: состав, хронология, интерпретация: ТД. СПбГУ. 26–30 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 89–92.

Егорьков 2008 — *Егорьков А. Н.* О цементационном получении бронзы и латуни в древности // АВ. М., 2008. № 15. С. 157–162.

Егорьков 2012 — *Егорьков А. Н.* Свойства и роль свинцово-оловянных сплавов в «древностях антов» // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: ТД. ИИМК РАН. 3–5 декабря 2012 г. СПб., 2012. С. 198–201.

Егорьков, Щеглова 2000 — *Егорьков А. Н., Щеглова О. А.* Состав свинцово-оловянных сплавов раннеславянских кладов «древностей антов» // Археометрия та охорона історико-культурної спадщини. Київ, 2000. № 4. С. 56–61.

Егорьков, Щеглова 2001 — *Егорьков А. Н., Щеглова О. А.* Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001. С. 279–307.

Егорьков, Щеглова 2006 — *Егорьков А. Н., Щеглова О. А.* Металл из Козиевки/Новой Одессы // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: ТД. ИИМК РАН. 10–15 апреля 2006 г. СПб., 2006. С. 21–24.

Одноралов 1991 — *Одноралов Н. В.* Секреты мастера // Сделай сам. 1991. № 1. С. 43–68.

Орлов 1989 — *Орлов Р. С.* Химический состав украшений Битицкого клада // Проблемы археологии Сумщины. Сумы, 1989. С. 100–101.

Приходнюк и др. 1991 — *Приходнюк О. М., Шовкопляс А. М., Ольговская С. Я., Струина Т. А.* Мартыновский клад // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 72–92.

Приходнюк и др. 1996 — *Приходнюк О. М., Падин В. А., Тихонов Н. Г.* Трубчевский клад антского времени // Материалы I тыс. н. э. по археологии и истории Украины и Венгрии. Киев, 1996. С. 79–101.

Химические... 1983 — Химические реактивы и высокочистые химические вещества: Каталог. 2-е изд. М., 1983.

Черных и др. 1969 — *Черных Е. Н., Хоферте Д. Б., Барцева Т. Б.* Металлургические группы цветного металла I тысячелетия н. э. из Прибалтики // КСИА. 1969. Вып. 119. С. 109–119.

Charles 1979 — *Charles J. A.* The development of the usage of tin and tin-bronze // A. D. Franklin et al. (eds.). The search for ancient tin. Washington, 1979. P. 25–38.

Craddock 1985 — *Craddock P. T.* Medieval copper alloy production and West African bronze analyses — part I // Archaeometry. 1985. Vol. 27, no. 1. P. 17–41.

Forshell 1992 — *Forshell H.* The inception of copper mining in Falun. Stockholm, 1992.

Frána, Maštalka 1992 — *Frána J., Maštalka A.* Röntgenfluoreszenzanalyse von frühmittelalterlichen Bronzen aus Böhmen und Mähren // F. Daim (Hrsg.). Awarenessforschungen. Wien, 1992. Bd 2. S. 779–801.

Hensel 1996 — *Hensel Z.* Elementy rędzów końskich z cmentarzyska w Tumianach, woj. olsztyńskie, w świetle badań składu chemicznego // Archeologia Polski. 1996. T. 41, z. 1–2. S. 127–138.

Oddy 1983 — *Oddy W. A.* Bronze alloys in Dark-Age Europe // *Bruce-Mitford R.* The Sutton Hoo Ship-Burial. London, 1983. No. 3. P. 945–961.

**PROPERTIES AND ROLE OF LEAD-TIN ALLOYS
IN THE PRODUCTION OF JEWELRY
BY THE EARLY SLAVS OF EAST EUROPE**

A. N. Egor'kov

The tin-lead alloy, commonly named pewter, was widely used by the early Slavs of East Europe. This is confirmed by numerous finds of jewelry in the hoards of this time. The addition of cheap lead additives to much more expensive tin yields an alloy with higher breaking strength and often more fusible than its individual components. These features caused the wide use of pewter. Early Slavs did not know elemental tin and zinc, therefore pewter was utilized as alloying component for metals of other composition. It was used for alloying brass that was the main copper jewelry alloy of early Eastern Slavs. Pewter was also used for alloying silver (often together with brass) to prepare billons, which are widely represented in the hoards left by the early Slavs of East Europe. It was this mixing that caused the frequently visible complexity (multicomponent composition) of the early Slavonic jewelry alloys. The comparison of metal composition from different regions gives grounds to think that during the Early Medieval times pewter served as an alloying agent for copper and silver alloys all over Europe.

КОЖАНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ НОВОГРУДКА (по материалам раскопок 1985 г.)¹

А. В. КУРБАТОВ

Введение

Материалы многолетних раскопок средневекового Новогрудка, проводившихся Ф. Д. Гуревич, опубликованы в монографии и многочисленных статьях. Фрида Давыдовна не только подробно описала и исследовала материальную культуру одного из крупнейших городов Понеманья, но и детально проанализировала широкий круг вопросов регионального развития западнорусских земель в эпоху средневековья.

К сожалению, осталась неопубликованной небольшая коллекция кожаных предметов, найденных в последний год раскопок в Новогрудке (Гуревич 1985). Вводя их в научный оборот, автор тем самым хотел бы отдать дань уважения старейшему сотруднику ИИМК РАН, на работах которого он во многом учился исследовательской работе.

В культурном слое Новогрудка кожаные предметы сохраняются плохо. При характеристике материалов раскопок 1957–1967 гг. Ф. Д. Гуревич так оценивала культурный слой: «Мы лишены возможности охарактеризовать такие несомненно существенные отрасли городского ремесла, как выработка кожи и сапожное дело. При раскопках на детинце встречены фрагменты кожаной обуви со следами швов и отверстий, обрезанные лоскуты кожи и ремешки. Шилья, ножи, иглы и некоторые другие находки могли также применяться и в сапожном деле. Однако все эти материалы крайне незначительны и не дают возможности сделать на их основании сколько-нибудь серьезные выводы» (Гуревич 1981: 147).

Раскопки детинца в 1985 г. имели целью обследование до материка ранее заложенного раскопа. «Выяснено, что культурный слой XIII в., показавшийся в конце исследований прошлого сезона, имеет толщину более 1,5 м, а общая мощность культурного слоя на раскопе превышает 5,5 м. <...> В отличие от ранее исследованной территории детинца в данном раскопе хорошо сохранилось дерево. Открыты остатки разновременных наземных срубных построек. На глубине 3,5 м лежал дощатый настил, протяженностью с северо-запада на юго-восток более 5 м, уходивший в восточную стенку раскопа. Настил подстилал горелый слой. Остатки сруба, тянувшегося на 6 м и уходившего в стенку раскопа, были встречены на глубине 3,7–4 м. По-видимому, к этой постройке относились два столба, укрепленные камнями. Один из них имел сверху выемку, в которую, вероятно, вкладывалась жердь. В предматериковом слое открыты ос-

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного автором в декабре 2012 г. на заседании Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН, посвященного памяти Фриды Давыдовны Гуревич (1911–1988). См.: Пескова 2012; Ревуненкова, Ревуненкова 2012.

татки хорошо сохранившегося плетня, к которому примыкал угол рубленой “в обло” постройки. <...> Материалы позволяют заключить, что территория дачи была заселена в конце XII—начале XIII в.» (Гуревич 1987: 447).

Состав и планиграфия находок

На сегодня сохранилось 46 предметов из кожи, найденных в раскопе 1985 г. (таблица). В свое время эти находки были вымыты и законсервированы при помощи химических составов (вероятно, глицерина). Некоторые предметы, после их извлечения из слоя и первичной промывки, имели визуальное частичное расслоение. Для лучшей сохранности они были наклеены на ткань. Почти все находки имеют обрывы краев, что существенно затрудняет их атрибуцию. Тем не менее многолетний опыт непосредственной работы с коллекциями средневековой кожи позволил решить этот вопрос (опыт атрибуции см. Курбатов 2004: 18–20, 38–39). С определенной долей вероятности, обрезанные и оборванные детали можно относить к ранее определенным видам кожаных изделий, а также вариантам обрезков. Коллекция включает: детали обуви — 25 единиц, обрезки от раскроя — 7, обрезки с края шкуры — 1, детали рукавиц — 2, чехлы для ножей — 3, детали игрового мяча — 1, обшивка края — 1, завязка — 1, неопределимые обрывки — 5.

Все кожаные предметы найдены на пространстве нескольких метров в смежных квадратах, преимущественно в кв. Ц, Ч-30–31 и связаны с разборкой слоя со щепой, лежавшего под слоем песка, включая расчистку плетня и под плетнем, а также развала камней в указанных квадратах.

Сырье

Определимость видовой принадлежности сырья составляет около 50 %. Можно выделить кожу из шкур крупного и мелкого рогатого скота. Толщина большинства предметов не превышает 1,3 мм, а часть обрезков имеет толщину менее 1 мм. При этом большинство находок показывает частичное расслоение материала. Одной из причин такого состояния можно считать недостаточное развитие методов дубления кожевенного сырья.

Описание находок. Основная часть находок принадлежит деталям обуви, но за единственным исключением — всё это фрагменты или дополнительные пришивные части верха. Типологически определяемой по виду обуви можно назвать только одну деталь — это целая передняя деталь так называемой рабочей туфли — вида низкой обуви, предназначенной для работы в доме и на дворе. Главное отличие этой обуви от других видов — наличие шва на продольной оси «зоны подошвы» (рис. 1, 12). Размеры детали свидетельствуют о ее принадлежности к детской или подростковой обуви. Кроме того, две находки являются головками мягких туфель или же сапог (рис. 1, 10, 15). Еще одна находка является фрагментом сильно профилированной подошвы (рис. 2, 1). Деталь каплевидной формы с истертой мересей служила врезной заплатой на подошвенную

Таблица

**Кожаные предметы из раскопок Новогрудка 1985 г.
(атрибуция автора)**

№ по описи	Шифр НВ-85	Наименование	Место находки
1064	1124	Фрагмент верха туфли, 2 заплаты (?), соединительный ремень, обшивка края, фрагмент неопределимой детали, обрывок кожи	кв. Ц, Ч-30–31
1093	1161	Фрагмент детали верха обуви (?) со швами	кв. Ц-31, под песком, расчистка камней
1094	1162	1 обрезок от раскроя и 1 обрезок подошвы	кв. Ч, Ц-30, расчистка щепы
1095	1163	3 обрезка от раскроя (1 — с края шкуры) и фрагмент детали верха обуви	кв. Ч, Ц-30–31, расчистка слоя под плетнем
1096	1164	Основная деталь рукавицы	кв. Ц-30, под слоем песка
1097	1165	Деталь для большого пальца рукавицы, фрагмент подошвы, 2 обрезка от раскроя	
1098	1166	Фрагмент изделия из кожи	
1099	1167	Фрагмент изделия из кожи	
1100	1168	3 фрагмента головки туфли	кв. Ц, Ч-30–31, расчистка слоя под плетнем
1101	1169	дополнительная деталь верха туфли	
1102	1170	Фрагмент детали верха обуви?	
1103	1171	Передняя деталь «рабочей» туфли и обрезок головки туфли	
1104	1172	Передняя деталь «рабочей туфли»	кв. Ч, Ш-30
1105	1173	Фрагмент носка верха туфли	
1106	1174	Фрагмент подошвы	
1107	1175	Фрагмент подошвы	
1108	1176	Фрагмент неопределимой детали	
1109	1177	Деталь подошвенной зоны «рабочей» туфли	
1110	1178	Обрезок чехла для ножа (?)	
1111	1179	Обрывок крупной детали с потайным швом	
1112	1180	Обрывок верха обуви?	
1113	1181	Дополнительная деталь верха туфли, обрывок подошвы и 3 обрезка от раскроя	
1114	1182	Деталь игрового мяча	предматериковый слой
	1183	Обрывок детали мяча?	
1115	1184	Обрывок кожи	
1116	1185	1 прокладка в шов, 4 обрезка неопределимых деталей со швами	
1117	1186	Чехол для ножа	

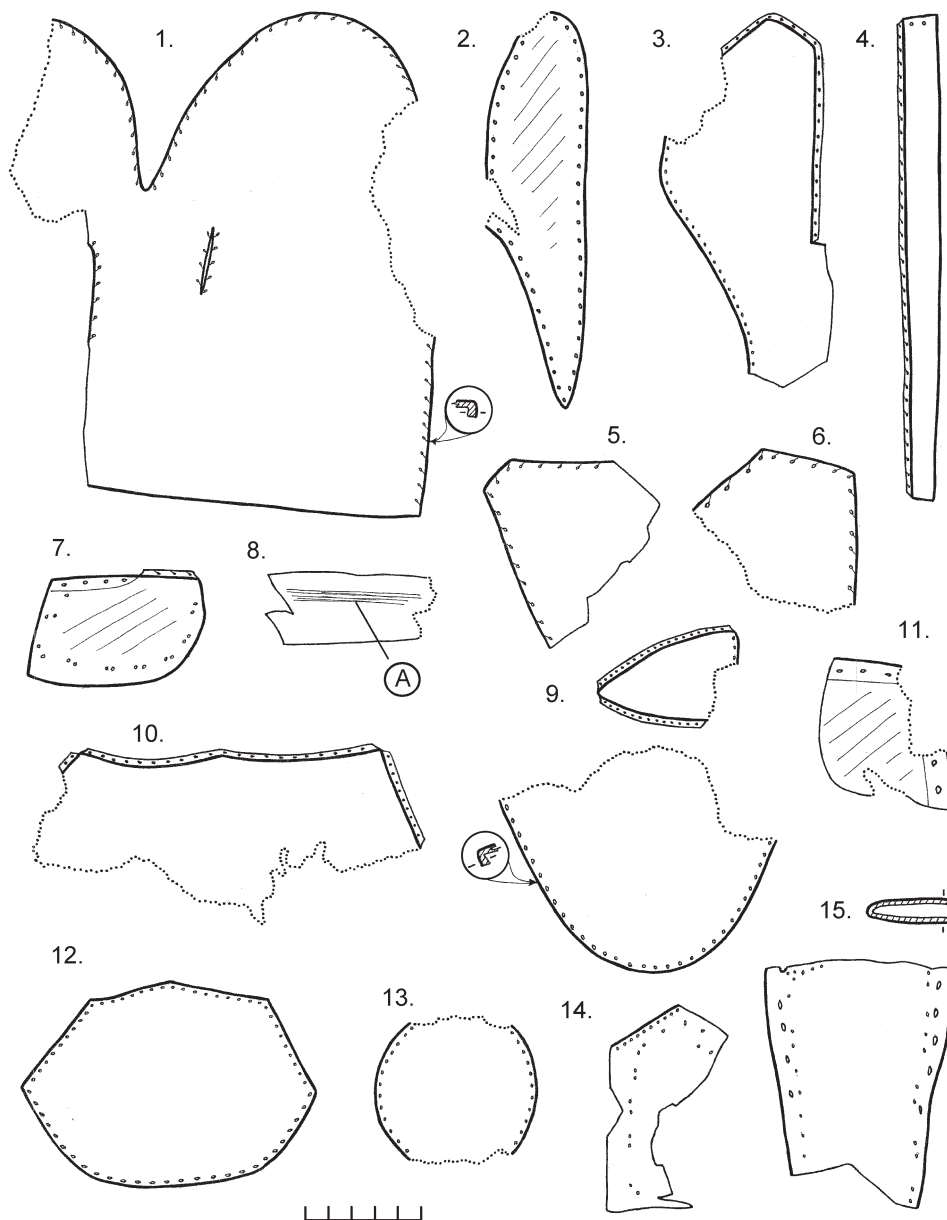

Рис. 1. Кожаные предметы из раскопа 1985 г. в Новогрудке

зону «рабочей туфли» после ее ремонта (рис. 1, 2). Два фрагмента служили элементами многослойной подошвы (рис. 2, 2, 5), а еще две детали следует считать фрагментами подметок, дополнительно нашиваемых на внешнюю сторону подошвы (рис. 1, 7, 11). Несколько находок являются фрагментами и обрезками деталей верха обуви (рис. 1, 3–6, 9, 14; 2, 4, 6, 17).

Датировка и аналогии

Аналогии находкам следует искать в синхронных памятниках на территории Белоруссии и других областей средневековой Руси. Такими городами являются Берестье, Минск, Смоленск, Новгород, где встречены комплексы кожаных предметов предмонгольского времени. Однако при минимуме найденных вещей детальное сравнение новгородской коллекции с материалами других городов невозможно. Следует только отметить, что фрагменты изделий позволяют говорить об их профессиональном пошиве, о ремонте и перешивании этих изделий, а также о существовании этого ремесла в самом Новгороде. В целом, производство и бытование кожаных предметов укладывается в хронологические рамки, предложенные Ф. Д. Гуревич, — конец XII—начало XIII в.

Заключение

Коллекция кожаных предметов из раскопок Новгорода подтверждает ранее сделанное наблюдение, что в древнерусских городах с классическим «сухим» слоем должны существовать низинные участки, где на ограниченной площади можно встретить средневековые слои с хорошей сохранностью органических материалов. Такие участки были найдены, например, во Владимире-на-Клязьме (Григорьев 2008; Курбатов 2008; Осипов 2007).

Не менее интересно и то, что кожаные изделия показывают удивительное техническое, типологическое и декоративное единообразие продукции древнерусских городов. Очевидно, что пошив кожаных изделий (особенно обуви) в средневековье был индивидуальным и заказным. Их шили в мелких мастерских, где, вероятно, работал только один мастер, учениками и помощниками которого, надо полагать, были члены семьи (дети). Передача опыта проходила путем непосредственного наблюдения и подражательного исполнения учеником действий мастера (Курбатов 2003: 180–181). Опыт индивидуальной передачи ремесленных навыков позволяет предполагать выработку своеобразных традиций раскроя, пошива и декора кожаных изделий в каждом относительно крупном городском центре, где производство ремесленной продукции изо дня в день стабильно обеспечивало потребности горожан и жителей сельской округи. Такой взгляд на древнерусское общество делает необъяснимым отсутствие местных традиций в ремесле, выраженных в своеобразных формах изделий, которые археологи находят в городских комплексах домонгольского времени. Рассмотрение в этом отношении продукции кожевенного ремесла можно счи-

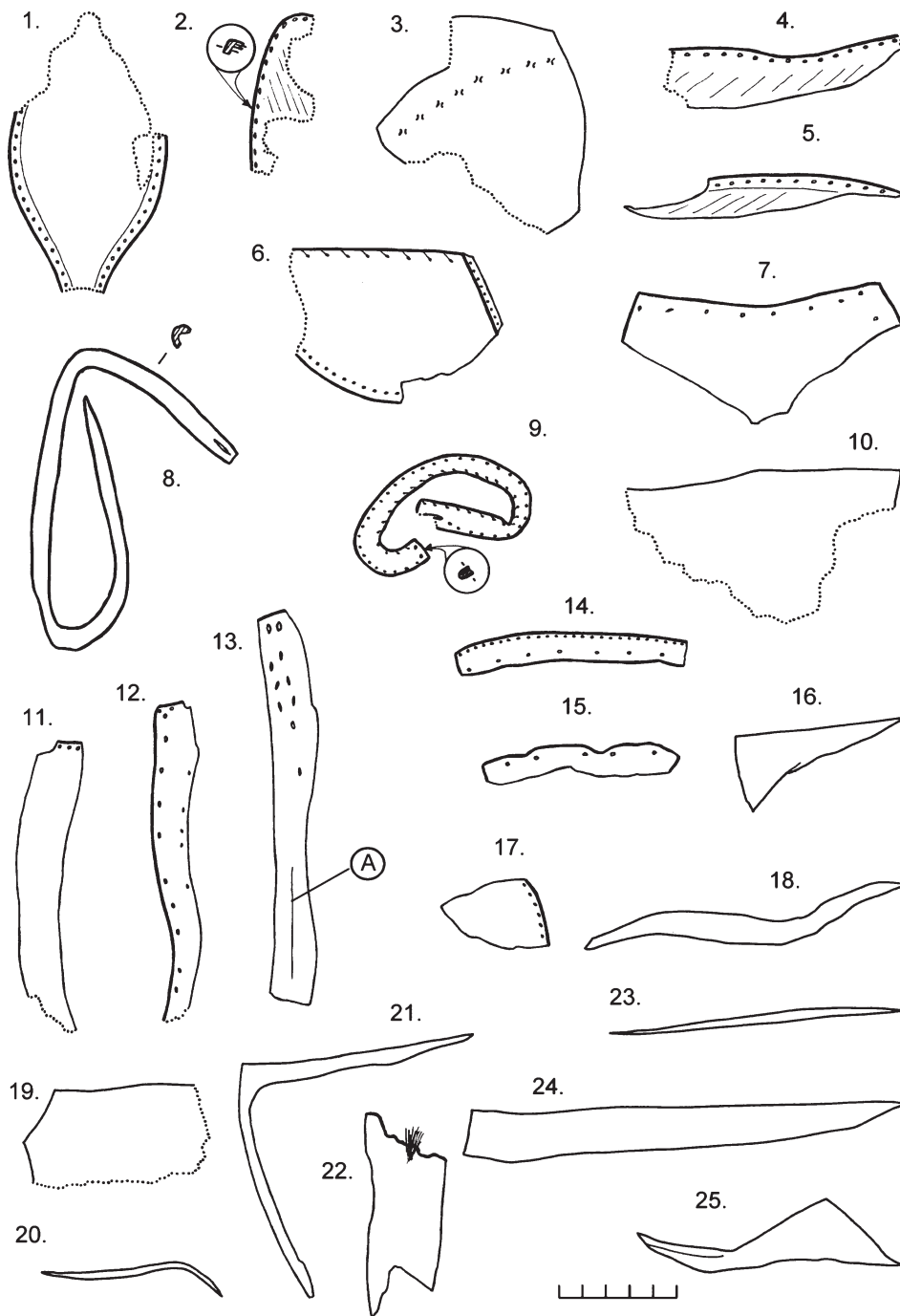

Рис. 2. Кожаные предметы из раскопа 1985 г. в Новогрудке

тать очень показательным в силу массовости сохраняющихся в культурном слое кожаных изделий, прежде всего обуви.

Интересные наблюдения и выводы дало изучение самой представительной на сегодня коллекции средневековых кожаных предметов из Тверского кремля. В тверской выборке выделяются серии раскроек мягких туфель близких пропорций, различаемые очень незначительно, — это «стиль» или манера оформления краев детали, вырезов в раскройке верха, количество и форма используемых подшивных элементов, особенности швов (длина стежка, толщина нити, отступление шва от края). Можно выделять «стили», показывающие разную профессиональную подготовленность обувщиков (проведение ровных надрезов, одинаковое расстояние между параллельными прорезями и подобное).

Туфли близкого раскроя и манеры сшивания, с расшивкой или иным декором, в древнерусских комплексах XII–XIV вв. встречены во многих городах (Курбатов 2004: 45). Орнаментация мягких туфель, в которой выделены три группы декоративных приемов и сюжетов, находит переключку с материалами из других древнерусских земель — с юго-западом (Смоленск, Берестье) и северо-западом (Новгород, Псков). И только отсутствие статистического анализа декоров, выполненного по единой методике для разных городов, не дает возможности дать более определенное заключение по этому вопросу (Там же: 72–73).

Григорьев 2008 — *Григорьев Д. Н.* Раскоп 2007 г. на Нижегородской ул. г. Владимира // АВСЗ. 2008. Вып. 2. С. 92–103.

Гуревич 1981 — *Гуревич Ф. Д.* Древний Новогрудок (посад — окольный город). Л., 1981.

Гуревич 1985 — *Гуревич Ф. Д.* Отчет об исследованиях древнего Новогрудка в 1985 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, 1985 г., д. 86–89.

Гуревич 1987 — *Гуревич Ф. Д.* Раскопки на территории детинца древнего Новогрудка // АО 1985 года. 1987. С. 447.

Курбатов 2003 — *Курбатов А. В.* «Меры сапожные» и проблема ремесленного ученичества // АВ. СПб., 2003. № 10. С. 169–182.

Курбатов 2004 — *Курбатов А. В.* Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам раскопок Тверского кремля 1993–1997 гг.). СПб., 2004.

Курбатов 2008 — *Курбатов А. В.* Археологические данные о кожевенно-обувном ремесле в древнем Владимире // АВСЗ. 2008. Вып. 2. С. 171–190.

Осипов 2007 — *Осипов Д. О.* Обувь и другие изделия из кожи, найденные при раскопках в исторической части г. Владимира // АВСЗ. 2007. Вып. 1. С. 134–144.

Пескова 2012 — *Пескова А. А.* К истории научных исследований Ф. Д. Гуревич // ЗИИМК. 2012. № 7. С. 229–232.

Ревуненкова, Ревуненкова 2012 — *Ревуненкова Е. В., Ревуненкова Н. В.* Фрида Давыдовна Гуревич // Там же. С. 233–244.

**LEATHER OBJECTS FROM NOVOGRUDOK
(excavations of 1985)**

A. V. Kurbatov

The paper introduces a small group of archaeological finds from Novogradok, which have received no elucidation in the works by F. D. Gurevich. These are 46 objects of leather discovered in 1985 (the last season of F. D. Gurevich's works at Novogradok) in the citadel area. The collection consists mainly of shoe details and fragments; in addition it includes details of mittens, bolls, a knife sheath, and leather scrapings. According to its constructive and stylistic characteristics, the assemblage can be dated to the late XII—early XIII c.

КОСТНЫЕ ОСТАТКИ ЖИВОТНЫХ ИЗ СТАРОГО ВЫБОРГА

А. К. КАСПАРОВ

Современный российский город Выборг находится в 122 км к северо-западу от Петербурга, в непосредственной близости от российско-финской границы. История этого поселения уходит корнями в средневековье. Первое шведское укрепление было построено здесь в самом конце XIII в. К рубежу XIV–XV вв. Выборг становится крупным торговым и политическим центром и получает статус города. Во второй половине XVI в. Выборг быстро растет, и территория его увеличивается почти вдвое. В это время в городе преобладало немецкое население. В середине XVII в. Выборг переживает опустошительный пожар, после которого отстраивается практически с нуля. В 1710 г. город был захвачен российскими войсками и вскоре вошел в состав Российской империи (Волкова и др. 2005).

Археологическое изучение средневековых слоев города проводится экспедицией ИИМК РАН под руководством А. И. Саксы с 1998 г. (Сакса 2009; 2011). Настоящая статья посвящена исследованию массовых костных материалов из раскопок 2011 и 2012 гг. Слои поселения, из которого происходят эти материалы, охватывают период с первой четверти XV по начало XVIII в., т. е. соответствуют шведскому периоду в истории города. Таким образом, полученный при раскопках костный материал дает нам редкую возможность реконструировать облик хозяйства позднесредневекового скандинавского города.

Раскопанная площадь составляет свыше 300 м². В основном это территория одной из городских улиц и прилегающего к ней двора. Стратиграфия и схема сопряжение слоев, вскрытых на разных участках раскопа, позволяют подразделить время накопления костных материалов на семь периодов. Первый из них, самый поздний, охватывает промежуток времени примерно с последнего десятилетия XVII в. по первое десятилетие XVIII в. Второй — примерно с 1660 по 1680 г., третий датируется 1640–1660 гг., четвертый — 1580–1640 гг., пятый — 1540–1580 гг., шестой — 1500–1540 гг. и седьмой период — 1430–1500 гг.

Всего было собрано около 10 400 определимых костных фрагментов (табл. 1). Состав фаунистических остатков приблизительно соответствует ситуации, которая имела место в некоторых других городских поселениях Шведского королевства того времени (Tourunen 2003; Macheridis, Totnberg 2005).

Изменения в составе коллекции костей по основным группам животных в разные периоды отражены в таблице 2 и на диаграмме (рис. 1), из которых видно, что в первые периоды существования поселения главным компонентом мясного рациона являлся крупный рогатый скот (63 % всех определимых костных остатков). С течением времени, однако, доля его начинает снижаться, а доля мелкого рогатого скота возрастать и, к середине XVII в. обе этих категории домашних животных почти сравнялись. В это время город переживал по-

Таблица 1

Видовой состав фаунистической коллекции Старого Выборга

Виды	Период 1		Период 2		Период 3		Период 4		Период 5		Период 6		Период 7	
	Кости/ особи	%	Кости/ особи	%	Кости/ особи	%	Кости/ особи	%	Кости/ особи	%	Кости/ особи	%	Кости/ особи	%
Белка (<i>Sciurus vulgaris L.</i>)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1/1	0,1	–	–
Заяц-беляк (<i>Lepus timidus L.</i>)	113/7	5,2	7/1	0,9	20/4	1,2	46/9	1,7	16/3	1,2	7/3	0,6	2/	0,6
Бобр (<i>Castor fiber L.</i>)	–	–	–	–	–	–	–	–	1/1	0,1	–	–	–	–
Кошка (<i>Felis domestica L.</i>)	5/2	0,2	1/1	0,1	–	–	2/1	0,1	3/1	0,2	3/1	0,2	1/1	0,3
Бурый медведь (<i>Ursus arctos L.</i>)	1/1	0,1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Лошадь (<i>Equus caballus L.</i>)	–	–	2/1	0,2	–	–	–	–	–	–	2/1	0,2	–	–
Корова (<i>Bos taurus L.</i>)	990/25	45,2	391/16	47,5	751/23	43,5	1258/34	46,5	755/23	55,9	791/26	62,2	204/7	63,9
Коза (<i>Capra hircus L.</i>)	141/16	6,4	52/7	6,3	111/17	6,4	116/14	4,3	49/8	3,6	28/4	2,2	10/2	3,1
Овца (<i>Ovis aries L.</i>)	119/23	5,4	37/8	4,5	128/21	7,4	229/45	8,5	79/12	5,8	76/16	6,0	33/9	10,3
Овца или коза (<i>Ovis et Capra</i>)	482/16	22,0	222/13	27,0	481/24	27,9	630/35	23,3	277/14	20,5	188/13	14,8	31/4	9,7
Собака (<i>Canis familiaris L.</i>)	–	–	–	–	2/1	0,1	4	0,1	–	–	6/1	0,5	3/1	0,9
Свинья (<i>Sus scrofa dom. L.</i>)	156/11	7,1	86/9	10,4	172/13	10,0	301/18	11,1	149/15	11,0	142/11	11,2	31/3	9,7
Нерпа (<i>Pusa hispida Scireb.</i>)	–	–	1/1	0,1	1/1	0,1	1/1	0,1	–	–	–	–	–	–
Птицы (<i>Aves sp.</i>)	112	5,1	12	1,5	25	1,4	38	1,4	19	1,4	11	0,9	1	0,3
Рыбы (<i>Pices</i>)	72	3,3	12	1,5	35	2,0	80	3,0	3	0,2	17	1,3	3	0,9
Всего определимых	2191	100,0	823	100,0	1726	100,0	2705	100,0	1351	100,0	1272	100,0	319	100,0

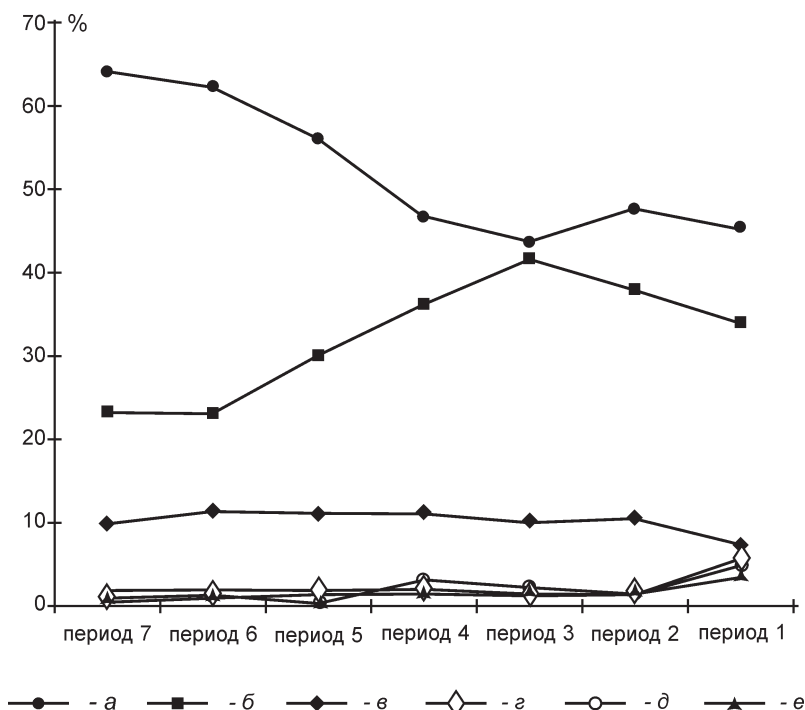

Рис. 1. Процентное соотношение основных групп животных в разные периоды существования Выборга: *a* — корова; *б* — мелкий рогатый скот; *в* — свинья; *г* — прочие виды; *д* — птицы; *е* — рыбы

следствия страшных пожаров 1627 и 1628 гг. Вероятно, последовавший за катастрофическими пожарами общий экономический упадок вынудил жителей перейти на менее качественное и более доступное мясо — баранину и даже козлятину. То, что мелкий рогатый скот в середине XVII в. гораздо активнее использовали в пищу, косвенно подтверждается тем, что именно в этот период количество остатков молодых животных, т. е. дающих более нежное, качественное мясо, оказывается наибольшим и достигает почти 30 % от всех остатков коз и овец, тогда как в другие периоды составляло лишь 18–20 %.

Таблица 2

Соотношение основных видов животных в Старом Выборге по периодам (в %)

Виды \ Периоды	7	6	5	4	3	2	1
Корова	63,9	62,2	55,9	46,5	43,5	47,5	45,2
МРС	23,1	23	29,9	36,1	41,7	37,8	33,8
Свинья	9,7	11,2	11	11,1	10	10,4	7,1
Птицы	0,4	0,9	1,4	1,4	1,4	1,5	5,1
Рыбы	0,9	1,3	0,2	3	2	1,5	3,3
Прочие	1,8	1,6	1,6	1,9	1,4	1,3	5,5

После середины XVII в. доля мелкого рогатого скота несколько снижается, а крупного рогатого скота возрастает, но не очень сильно. А в самом начале XVIII в. доля всех домашних животных становится меньше, а доля рыб, птиц (в том числе и диких) и диких животных (в основном зайца) несколько возрастает. Косвенно это может говорить о понижении жизненного уровня горожан, которое было обусловлено нестабильной политической обстановкой в тот период.

Овцы и козы

Соотношение овец и коз в стаде не всегда было одинаковым. В самых ранних горизонтах XV—первой половины XVI в. количество коз в стаде составляло примерно 23–26 % от количества овец. Со временем, во второй половине XVI—первой половине XVII в., коз стало несколько больше — 33–38 %. В середине XVII в. остатки коз составляют 46 % фрагментов, т. е. почти половину стада мелких полорогих, во второй половине XVII в. — 58 %, а в слоях конца XVII—начала XVIII в. остатки коз в Выборге составляют в среднем 54 % от всех остатков домашнего мелкого рогатого скота, определенных до вида.

Вероятно, коз в последние периоды существования шведской крепости Выборг содержали главным образом ради шерсти, а овец — ради мяса. Пушное козоводство, вероятно, приносило неплохие дивиденды. О некотором изменении отношения к мелкому рогатому скоту говорит то, что на протяжении второй половины XVII в. доля молодых животных здесь несколько падает, хотя в начале XVIII в. вновь возрастает. Кроме того, в слоях найдено огромное количество изолированных роговых стержней коз, взрослых крупных самцов или целых фрагментов их черепов с рогами. Если в середине XVII в., когда количество костей мелкого рогатого скота было наибольшим, рога составляли среди остатков коз лишь около 11 %, то к началу XVIII в. эта величина достигла 33,3 %. Такое большое количество самцов, которым позволялось дожить до вполне зрелого и даже преклонного возраста, может быть обусловлено только стремлением получать качественную шерстную продукцию в товарных количествах. Как известно, с возрастом качество руна улучшается, а качество мяса падает.

Некоторое представление о размерах и породности овец и коз обитателей Старого Выборга можно получить на основе размеров и пропорций их передних метаподий (табл. 3). В практической археозоологии передние метаподии считаются наиболее диагностирующими элементами скелета копытных, поскольку, в отличие, например, от черепов, довольно часто обнаруживаются в неповрежденном виде и, самое главное, имеют гораздо больше характеристических черт строения, свойственных данной морфологической группе животных, чем задние.

Для сравнения передних метаподий домашних овец из Выборга мы использовали также промеры метаподий архаических, примитивных пород овец, появившихся много столетий назад (табл. 3), и данные для овец из некоторых позднесредневековых памятников Севера России (табл. 4 — Цалкин 1954; 1956).

Таблица 3

Основные промеры передних метаподий овец из Старого Выборга и современных примитивных пород

Промеры	Выборг			Некоторые архаические породы овец (по Цалкин 1961)								
				порода чунтук			порода романовская			порода цигайская		
	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M
Наибольшая длина	42	105,2–125,6	115,1	6	145,0–170,5	155,2	31	123,2–142,0	131,8	11	118,0–136,0	128,0
Ширина проксимального эпифиза	42	16,6–22,7	20,5	6	24,8–27,2	25,8	31	22,5–27,3	24,7	11	23,3–26,3	25,0
Ширина диафиза	42	9,6–13,3	11,6	6	12,8–15,0	13,7	31	12,5–15,4	14,0	11	11,6–15,3	14,3
Ширина дистального блока	42	19,9–23,9	22,7	6	27,2–30,2	29,0	31	23,7–28,0	26,0	11	25,3–27,5	26,5

Таблица 4

Основные промеры передних метаподий овец из средневековых городов Севера Русской равнины (по Цалкин 1954; 1956)

Промеры	Новгород			Псков			Старая Ладога			Гродно		
	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M
Наибольшая длина	11	110,0–128,0	118,2	9	118,0–131,0	124,4	18	115,0–135,0	126,4	5	114,0–131,0	125,0
Ширина проксимального эпифиза	11	19,0–22,0	20,6	5	20,5–23,7	21,8	17	20,5–24,0	21,9	5	21,0–24,0	22,8
Ширина диафиза	11	11,1–13,6	12,3	9	12,5–14,8	13,2	18	11,3–15,0	13,0	5	11,6–15,5	13,7
Ширина дистального блока	11	21,4–24,0	22,7	9	23,0–24,7	24,0	18	22,0–26,5	24,3	5	22,0–26,5	24,7

Одной из наиболее древних является порода чунтук. В настоящее время она практически исчезла и в современных каталогах пород домашних животных и справочниках по овцеводству уже не упоминается. В старых сводках коротко указывается, что эта древняя порода, в настоящий момент почти совершенно исчезнувшая (Иванов 1940). Под этим именем были известны курдючные овцы на Украине и в Крыму, куда они попали, вероятно, из среднеазиатских степей, поскольку по экстерьеру чрезвычайно сходны с калмыцкими и вообще с овцами Средней Азии.

Цигайские овцы также имеют очень древнее происхождение. В сельскохозяйственной справочной литературе об этой породе говорится следующее: «Одна из древнейших пород мира. По утверждению академика М. Ф. Иванова, цигайские овцы происходят от тонкошерстных овец, которых разводили на фрикийских пастбищах в Малой Азии, и они были известны еще за 800 лет до нашей эры» (Семенов, Селькин 1994: 175). В Европу эта порода попала в историческое время с Балканского полуострова, где издревле являлась аборигенной породой у местного населения.

Романовская овца как культурная порода была выведена относительно недавно, чуть более 200 лет назад, т. е. несколько позже того времени, которым датируются наши материалы. Считается, что основой для ее выведения послужили местные формы восточноевропейских короткохвостых овец, также известных на территории европейской части бывшего СССР чуть ли не с эпохи бронзы (Иванов 1940).

Для каждой выборки из таблиц 3 и 4 были вычислено по три пропорциональных индекса — отношение ширины диафиза, верхнего и нижнего эпифизов кости к ее общей длине. Сравнение пород между собой по этим трем признакам проводилось методом простого кластерного анализа при помощи программы «PAST», специально разработанной для работы с палеонтологическими материалами (Hammer et al. 2001).

На диаграмме (рис. 2, 1) образцы группируются в две различные группы. Одна группа — это средневековые овцы из Новгорода, Пскова, Старой Ладogi и Гродно, причем овцы из первых трех городов оказываются почти идентичными. Овцы из Гродно несколько отличаются от них, но тем не менее по пропорциям своих метаподий гораздо ближе к этой породно-морфологической группе. Другая группа объединяет современные примитивные породы овец — романовскую и цигайскую. К этой же группе принадлежат и овцы Старого Выборга, которые оказываются наиболее сходны с восточноевропейской романовской породой. Цигайская овца балканского происхождения оказывается менее похожа на эти северные формы. Среднеазиатская порода чунтук, как и следовало ожидать, сильно отличается от всех этих северных форм и расположена на диаграмме особняком.

Эта особенность морфологического строения овец Старого Выборга объясняется, вероятно, тем, что она, в отличие от более ранних средневековых овец Новгорода, Пскова и Старой Ладogi, является уже продуктом определенной

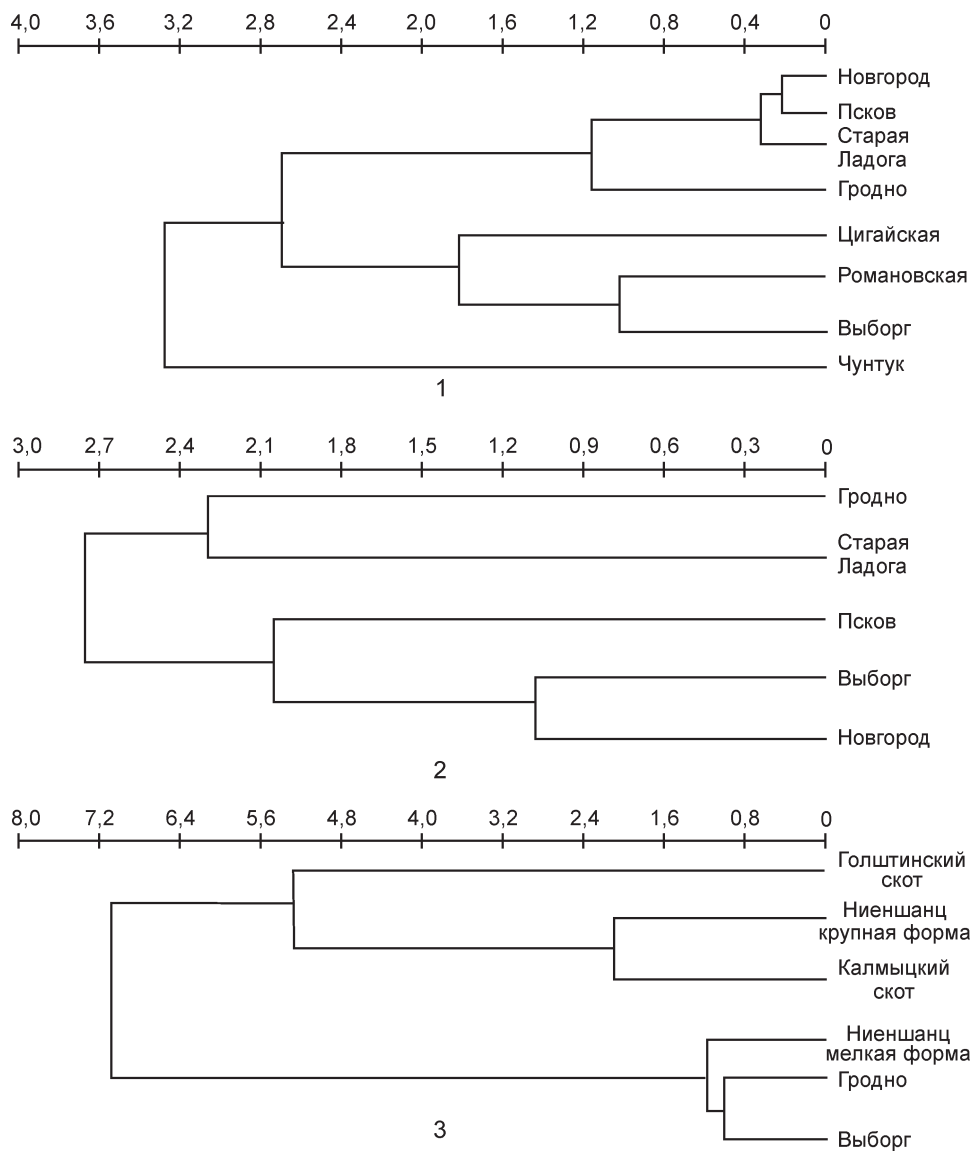

Рис. 2. Степень сходства пропорций передних метаподий мелкого и крупного рогатого скота из Старого Выборга, некоторых других памятников и современных примитивных пород: 1 — овцы; 2 — козы; 3 — коровы

селекционной работы. Видимо, овцы этого типа и послужили основой для окончательного формирования романовской породы, которое произошло примерно в середине XVIII в. Большинство метаподий овец происходит из слоев периода I конца XVII—начала XVIII в.

Говорить о породной принадлежности коз гораздо труднее, потому что среди домашних коз наблюдается гораздо большая морфологическая однородность, чем среди овец. Породные критерии разработаны лишь для очень небольшого числа позднейших групп, в основном шерстно-пухового и молочно-го направления. Основную же массу популяции относят к так называемым местным грубошерстным породам, руководствуясь не столько внешнеморфологическими критериями, которые для них разработаны слабо, сколько географической приуроченностью стад. Достаточно сказать, что если овцы на территории бывшего СССР объединяются зоотехниками в 55 пород, имеющих четкие критерии внешнего строения и зачастую сильно отличающихся друг от друга, то для коз таковых выделено всего 9 (Орехов 1994). Остальные козы представляют собой однородную массу и условно относятся к той или иной местной группе, исходя из области своего обитания. Причем время их появления четко не прослеживается.

Потому для сравнения передних метаподий коз из Выборга привлечены только данные промеров этих костей из археологических памятников — Старой Ладogi, Пскова, Новгорода XIII—XVII вв. и Гродно XVI—XVII вв. (табл. 5; Цалкин 1956). Для передних метаподий коз были вычислены те же индексы, и полученные результаты исследованы методом кластерного анализа (рис. 2, 2). Козы Старого Выборга по своим пропорциям оказались наиболее близкими с козами позднесредневекового Новгорода. Вероятно, это была какая-то форма, распространенная по всей территории Севера России с самых ранних времен. Однако количество костей из взятых для сравнения памятников очень мало. В. И. Цалкиным только из Новгорода было промерено 8 костей, а из других городов он описал не более 2 экз. Таким образом, мы можем говорить лишь о том, что на коз Выборга в большей или меньшей степени похожи какие-то конкретные экземпляры из определенных памятников.

Мелкий рогатый скот Старого Выборга был небольших размеров. Исходя из средней длины передних метаподий (Цалкин 1961), высота овец в холке составляла не более 54 см. У архаических романовских овец, сходных с выборгскими по пропорциям плюсневых костей, высота в холке в среднем, согласно тем же данным, равна уже 65 см.

Козы также были очень небольшими. В. И. Цалкин (1956) специально указывает, что козы лесной полосы Руси ростом сильно уступали современным. Козы Выборга оказываются самыми мелкими из представленных экземпляров. Только одна пята из Гродно и одна пята из Пскова оказываются такого же мелкого размера, как среднестатистический экземпляр из Выборга.

Забой мелкого рогатого скота, судя по стадиям смены зубов погибших молодых особей, происходил во все периоды, но преимущественно в осеннее время.

Таблица 5

**Основные промеры передних метаподий коз из Старого Выборга
и других памятников Севера Русской равнины
(по Цалкин 1954; 1956)**

Промеры	Выборг			Новгород			Старая Ладога	Псков		Гродно	
	n	lim	M	n	lim	M	M	lim	M	lim	M
Наибольшая длина	21	97,8–113,8	103,4	8	105,0–120,0	112,1	108,0	103,0; 108,0	105,5	114,0; 103,0	108,5
Ширина проксимального эпифиза	21	19,5–28,8	22,7	8	22,5–28,0	25,3	23,0	25,2; 23,0	24,1	23,0; –	23,0
Ширина диафиза	21	13,1–20,1	15,7	8	16,4–20,5	18,0	15,0	17,4; 16,7	17,1	15,0; 15,1	15,1
Ширина дистального блока	21	21,3–31,6	26	8	26,0–31,5	28,3	26,5	30,0; 27,0	28,5	26,5; 25,5	26,0

Таблица 6

**Общий анатомический состав костных остатков домашних капринов
из Старого Выборга по периодам (в %)**

Анатомиче- ские категории \ Периоды	7	6	5	4	3	2	1
Обломки краниальной области	35,1	24,3	18,5	24,1	12,0	20,3	23,6
Ребра и позвонки	8,1	24,7	31,5	26,9	32,1	33,4	33,4
Лопатка, таз и трубчатые кости конечностей	32,4	41,7	38,8	36,8	41,4	32,8	28,5
Несъедобные части туши	24,3	9,4	11,2	12,3	14,6	13,4	14,5

В целом общий анатомический состав костной коллекции костей овец и коз во все периоды оставался примерно одинаковым (табл. 6).¹ Можно отметить заметное увеличение в материале мясодержащих частей туши и уменьшение обломков краниальной области в период 3 в середине XVII в., как раз тогда, когда отмечается общее увеличение доли коз и овец среди фаунистических остатков (рис. 1). Это лишний раз свидетельствует, что использование мелкого рогатого скота в это время было сугубо мясное. В последний период 1 доля остатков съедобных частей уменьшается, а количество остатков позвонков, ребер, краниальной области, а также концевых костей конечностей несколько возрастает. Вероятно, мы имеем дело уже не только с пищевым мусором, но и с остатками технологической разделки туш забитых животных. Можно предполагать, что и назначение городского участка, слои которого были вскрыты при раскопках, несколько изменилось.

Корова

Во всех периодах существования города остатки крупного рогатого скота наиболее многочисленны. В середине XVII в., вероятно в связи с катастрофическими пожарами, количество крупного рогатого скота в городских слоях падает, но к началу XVIII в. вновь растет. Количество молодых животных в стаде с течением времени неуклонно увеличивалось. С самого раннего слоя 7 первой половины XV в. до слоя 2 второй половины XVII в. доля молодых животных возрастает с 11 до 19 %. Косвенно это может говорить о все более возрастающей молочной составляющей в типе эксплуатации стада. В самом позднем периоде конца XVII—начала XVIII в. доля молодых животных падает до самой низкой отметки — 8 %. Вероятно, приоритеты скотоводства несколько изменились:— помимо мяса и молока крупный рогатый скот, видимо, стали использовать и для получения шкур или для тягловых целей.

¹ Под краниальной областью понимаются обломки черепа, рогов и челюстей, группа «лопатка, трубчатые кости и таз» включает в себя все части туши, которые содержат хоть какое-то количество мяса, а группа «несъедобные части туши» — концевые части конечностей, начиная с запястья и плюсны.

Морфологическая характеристика домашних коров Старого Выборга дана также по передним метаподиям. Коровы Старого Выборга были очень мелкого размера (табл. 7). Для сравнения использованы основные промеры передних метаподий современного примитивного калмыцкого скота, скота фризской или голштинской породы, скота из позднесредневекового Гродно, а также из крепости шведского города Ниена, находившейся в устье р. Охта (табл. 7–8).

Современный так называемый калмыцкий скот принадлежит к древним аборигенным породам и имеет североазиатское происхождение. Разводится и содержится он в очень суровых условиях степного круглогодичного выпаса. (Цалкин 1960). Условия содержания очень похожи на те, в которых, как предполагается, содержался крупный рогатый скот на позднесредневековых поселениях Севера Русской равнины (Курбатов 2012) и, вероятно, сопредельных регионов.

Голштинская или фризская порода издревле распространена в странах, окружающих Северное море, и происходит опять-таки от азиатского скота, который попал в Рейнскую область примерно в 300 г. до н. э. с дошедшими туда кочевниками. К XVI–XVII вв. он вполне уже сформировался как порода и был широко распространен в Балтийском регионе (Houghton 1897: 350).

Крупный рогатый скот Гродно является типичным скотом Северной Европы XIV–XVII вв.

По размерам передних метаподий и некоторых других костей, найденных при раскопках крепости Ниеншанц в слоях конца XVI–начала XVII в., можно утверждать, что в этот период в районе поселения существовали две породы крупного рогатого скота. Одна из них крупная, вероятно, привозная и не так давно выведенная, а другая — мелкая, примитивная, скорее всего, принадлежавшая аборигенному населению из окружающих крепость и город лесных деревень.

Анализ пропорциональных индексов метаподий крупного рогатого скота (рис. 2, 3) показывает, что коровы XIII–XVI вв. из Выборга оказываются почти идентичными по пропорциям передних метаподий крупному рогатому скоту из Гродно, который датируется почти тем же временем. Обе эти группы очень похожи на мелкую форму коров из цитадели шведского города Ниеншанц. Крупная порода домашних коров из Ниеншанца оказывается сходна с современным калмыцким скотом и несколько меньше — с современной голштинской породой. Хотя количество признаков невелико, большие объемы выборок, особенно из Выборга, Гродно и по современным породам скота, делают полученную картину вполне достоверной. В отличие от овец, мы можем говорить уже не об отдельных экземплярах, а о целых породных или морфологических группах.

Вероятно, в XIII–XVI вв. в Прибалтийском регионе была распространена какая-то древняя порода крупного рогатого скота, ареал которой был довольно широк и охватывал весь Северо-Запад Русской равнины, включая Выборг, Новгород, Прибалтику, север Белоруссии и Польши, а возможно, и Германии. Это были очень мелкие формы. Высота в холке этих коров по схеме В. И. Цалкина (1960) в среднем составляла около 1 м. Малые размеры позднесредневекового крупного рогатого скота северо-запада России связывали с суровыми

Таблица 7

Основные промеры передних метаподий коров из Старого Выборга и Ниеншанца

Промеры	Выборг			Ниеншанц					
				крупная форма			мелкая форма		
	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M
Наибольшая длина	38	158,0–203,0	170,0	5	191,5–208,0	201,5	6	153,0–183,5	167,9
Ширина проксимального эпифиза	38	39,8–67,0	47,4	5	57,5–66,0	59,9	6	42,8–49,0	45,9
Ширина диафиза	38	21,3–27,0	25,2	5	34,5–37,2	36,2	11	24,0–28,8	26,4
Ширина дистального блока	38	40,0–69,5	48,2	7	57,0–69,0	65,8	13	45,0–51,6	47,5

Таблица 8

Основные промеры передних метаподий коров из Гродно и некоторых пород современного скота средневекового происхождения

Промеры	Гродно (по Цалкин 1954)			Калмыцкий скот (по Цалкин 1960)			Датский голштинский скот (по van Wijngaarden-Bakker, Bergström 1988)		
	n	lim	M	n	lim	M	n	lim	M
Наибольшая длина	33	155,0–182,0	168,6	69	189,0–228,0	207,6	67	199,0–221,0	210,5
Ширина проксимального эпифиза	29	42,0–55,0	48,0	69	51,0–77,0	65,5	67	69,7–81,0	75,2
Ширина диафиза	33	23,0–31,0	26,1	69	28,0–48,0	38,2	67	30,6–45,0	39,0
Ширина дистального блока	33	44,0–58,0	48,4	69	52,0–82,0	66,2	67	66,7–75,2	70,7

Таблица 9

**Общий анатомический состав костных остатков коровы
из Старого Выборга по периодам (в %)**

Анатомические категории	Периоды						
	7	6	5	4	3	2	1
Обломки краниальной области	25,2	39,6	17,7	16,2	9,6	11,4	11,0
Ребра и позвонки	34,2	31,2	38,9	41,0	39,6	29,4	42,6
Лопатка, таз и трубчатые кости конечностей	27,7	20,2	32,7	25,9	32,2	36,6	23,7
Несъедобные части туши	12,9	8,7	10,7	16,9	18,5	22,6	22,7

условиями, отсутствием навыков стойлового содержания и недостатком корма (Курбатов 2012). Зажиточное население Ниена в несколько более поздние эпохи содержало уже коров улучшенной породы, сходной с современным степным калмыцким скотом и отдаленно напоминавшей нынешнюю голштинскую породу Северной Европы, на которую она была похожа, впрочем, только величиной. Рост современного калмыцкого скота, голштинцев и крупных коров Ниена составляет 120–130 см.

Общий анатомический состав остатков крупного рогатого скота по периодам (табл. 9) в целом сходен с анатомической структурой для мелкого рогатого скота (табл. 6). В период 3 также наблюдается резкое уменьшение остатков краниального отдела и некоторое увеличение остатков мясосодержащих частей. Наибольшее же количество обломков трубчатых костей, лопаток и тазовой области коров наблюдается в период 4, когда у овец количество таких костей идет на спад. В период 1, как и для овец, возрастает доля несъедобных частей туши коров, падает процент мясосодержащих фрагментов и возрастает количество позвонков и ребер.

Главное же отличие анатомического состава коллекции остатков крупного рогатого скота от мелкого заключается в том, что во все периоды гораздо большую долю составляли ребра и позвонки коров, которые были более многочисленны, чем обломки трубчатых костей лопаток и таза, а у овец и коз — наоборот. Средняя длина фрагментов ребер коров составляет 9–12 см. На ряде фрагментов видно, что ребра целенаправленно разрубали на куски этого размера, оптимального для помещения в горшок средней величины. Это наблюдение еще раз показывает, что костные остатки крупного рогатого скота в культурном слое — это пищевые отбросы, и косвенно свидетельствует о том, что пищу готовили индивидуально.

Свинья

Остатки свиньи немногочисленны во все периоды и доля их в слоях Выборга с течением времени практически не меняется, составляя 10–11 %. Костных фрагментов свиньи, с которых можно было бы снять большое количество диагности-

ческих промеров, не обнаружено. Размеры таранных костей свиной (n = 6): наибольшая длина по наружной стороне — lim 36,8–42,4, M=39,1; ширина нижнего суставного блока — lim 20,0–26,7, M = 22,9. Индекс отношения ширины дистального блока к общей длине — 58,4. Таранные кости свиной из Ниеншанца (n = 4) имеют размеры: наибольшая длина по наружной стороне — lim 38,6–48,7, M=43,2; ширина нижнего суставного блока — lim 22,7–27,0, M = 25,7. Индекс отношения ширины дистального блока к общей длине — 59,5. По В. И. Цалкину (1954; 1956), свиной из Гродно имеют среднюю длину таранной кости 37,9 (lim 35,0–43,0, n=16), а свиной из городов «лесной полосы древней Руси», куда входят Новгород, Псков, Москва и Старая Ладога, — 38,1 мм (lim 32,0–48,0, n = 299). К сожалению, ширина нижнего блока не приводится. Можно полагать, что и в этом случае мы имеем дело с некоей универсальной морфологической группой домашних свиной небольшого размера, которая была широко распространена в северо-западной области европейской части бывшего СССР. Свиной из Ниеншанца оказываются в среднем несколько большего размера, но по пропорциям таранных костей от экземпляров из Выборга почти не отличаются.

Прочие домашние животные — лошадь и собака

Лошадь и собака представлены единичными костями. Ни лошадь, ни собаку в XV–XVII вв. в Выборге в пищу не употребляли и попадание их костей в фаунистическую коллекцию, где представлены в основном пищевые отбросы или остатки разделки мясных туш, абсолютно случайно. Об обитании в городе немалого количества собак говорят следы их зубов на большом количестве костей. Доля погрызенных собакой костей в слоях XV–XVI вв. составляет 5–7 % и лишь к концу XVII в. падает до 3,7 %. Судя по размеру костей собак, это была небольшая форма, размером примерно с карельскую лайку.

Дикие животные

Вызывает удивление полное отсутствие остатков лося, наверняка весьма многочисленного в окрестностях Выборга в XV–XVII вв. Лишь одно очень большое ребро, в два раза превышающее по величине ребра домашних коров, можно предположительно отнести к этому лесному обитателю. Практически нет и остатков другого лесного обитателя, несомненно, многочисленного в то время, — бурого медведя. Однако во множестве найдены кости зайца. Можно предполагать, что охота на крупных лесных животных не осуществлялась или почти не осуществлялась, а на зайца явно охотились, и нередко. По строению костей очевидно, что это именно заяц, а не домашний кролик. В тех немногих случаях, когда остатки зайцеобразных удалось определить до вида, это всегда оказывался заяц-беляк.

Три обломка костей не крупного тюленя, вероятно кольчатой нерпы, обнаружены в слоях периода 1. Можно предполагать, что изредка, в это непростое время существования поселения, в пищу употребляли даже тюленей.

Птицы

Костей птиц найдено в Выборге сравнительно немного. Однако среди тех фрагментов, которые удалось определить до вида, наблюдается значительное систематическое разнообразие (табл. 10). Наиболее многочисленны во все периоды кости домашней курицы. Наиболее высока доля остатков диких видов птиц, добытых на охоте, в период 4 (последняя четверть XVI—первая половина XVII в.) и в последний период 1 (конец XVII—XVIII в.), т. е. тогда, когда уровень жизни обитателей Выборга, во всяком случае тех, кто населял находившиеся в районе раскопа дома, заметно понизился.

То, что дикие виды пернатых, за исключением, возможно, сороки и филина, были добыты на охоте и использованы в пищу, не вызывает сомнений, поскольку на некоторых костях диких птиц, так же как и на костях домашних кур, обнаружены следы ножа.

Таблица 10

Количество костей птиц из Старого Выборга, определенных до вида, по периодам (определения А. В. Пантелеева, Зоологический институт РАН)

Виды \ Периоды	7	6	5	4	3	2	1
Лебедь-кликун (<i>Cygnus cygnus</i>)	—	—	—	1	—	—	—
Серый гусь (<i>Anser anser</i>)	—	1	1	2	1	—	13
Кряква (<i>Anas platyrhynchos</i>)	—	—	—	—	1	—	1
Гоголь (<i>Bucephala clangula</i>)	1	—	—	—	—	—	—
Луток (<i>Mergus albellus</i>)	—	—	—	—	—	—	1
Глухарь (<i>Tetrao urogallus</i>)	—	1	1	5	—	—	3
Рябчик (<i>Tetrastes bonasia</i>)	—	—	1	1	—	—	5
Вальдшнеп (<i>Scolopax rusticola</i>)	—	—	—	1	—	—	—
Филин (<i>Bubo bubo</i>)	—	—	—	2	—	—	—
Сорока (<i>Pica pica</i>)	—	1	—	—	—	—	—
Курица домашняя (<i>Gallus gallus var. domesticus</i>)	—	8	7	22	14	7	56
Всего	1	11	10	34	16	7	79

Заключение

Таким образом на протяжении почти 300 лет видовой состав остеологических остатков шведского Выборга существенно не менялся: на первом месте был крупный рогатый скот, на втором — мелкий, а на третьем — свинья.

Овцы в начале XVIII в. были здесь уже подобны современным. Вероятно, это была некая форма, непосредственно предшествующая романовской породе овец, существующей и поныне. Козы обитателей города более всего напоминали тех, которые описывались из позднесредневекового Новгорода и Пскова. Крупный рогатый скот был похож на одну из форм, которую разводили во всем Северном регионе, в Старом Гродно, Выборге или в шведском Ниеншанце.

Остатки других видов животных как диких, так и домашних немногочисленны. Почти отсутствуют кости таких широко распространенных домашних животных, как лошадь и собака. Это объясняется тем, что мы имеем дело прежде всего с пищевыми отбросами, а эти виды в пищу не употреблялись. Лошадей в городе несомненно использовали, как и везде, для тягловых целей, однако павших животных закапывали, вероятно, в каких-то специальных местах и в обычные культурные слои поселения остатки их не попадали. То, что и собак было в городе достаточно, видно по тому, что многие кости несут на себе следы их зубов.

Примерно в середине XVII в. Выборг переживает определенный упадок, уровень жизни населения несколько падает, что видно по изменению рациона питания.

В последнем периоде существования под владычеством Швеции, непосредственно перед переходом региона под власть Российской империи, в Выборге несколько меняется тип городского хозяйства. Начинают играть несколько большую роль охота и рыболовство, а коз содержат преимущественно для получения шерсти. Возможно, что в этот период поблизости от вскрытых раскопками участков находилось место первичной разделки туш для дальнейшей отправки их на продажу.

Наши заключения сделаны на материалах небольшой части Выборга, где производились раскопки. Однако, вероятно, они отражают общие тенденции изменения городского быта в XVI–XVII вв.

Волкова и др. 2005 — Волкова Л. Г., Геращенко Л. В., Коробова Т. А., Усольцева Т. В., Федосеева В. Н. Вехи выборгской истории. Выборг, 2005.

Иванов 1940 — Иванов М. Ф. Овцеводство. М., 1940.

Курбатов 2012 — Курбатов А. В. Древнерусская животноводческая практика и проблема сбора кожевенного сырья // ЗИИМК. 2012. № 7. С. 103–115.

Орехов 1994 — Орехов А. А. Козы // Эрнст Л. К., Дмитриев Н. Г. Генетические ресурсы сельскохозяйственных животных в России и сопредельных странах. СПб., 1994. С. 305–320.

Сакса 2009 — Сакса А. И. Раскоп на улице Южный Вал в Выборге: Стратиграфия культурных напластований средневекового города // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М., 2009. С. 473–484.

Сакса 2011 — Сакса А. И. Современное состояние археологических исследований в Выборге: Результаты и проблемы // Культурный потенциал Северо-Запада России: Материалы науч. конф. СПб., 2011. С. 27–32.

Семенов, Селькин 1994 — Семенов С. И., Селькин И. И. Овцы // Там же. С. 142–243.

Цалкин 1954 — Цалкин В. И. Фауна из раскопок в Гродно // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. М., 1954. С. 211–236 (МИА. № 41).

Цалкин 1956 — Цалкин В. И. Материалы для истории скотоводства и охоты в Древней Руси. М., 1956 (МИА. № 51).

Цалкин 1960 — Цалкин В. И. Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюллетень МОИП. Отдел биологии. 1960. Т. 65, № 1. С. 109–126.

Цалкин 1961 — Цалкин В. И. Изменчивость метаподий у овец // Бюллетень МОИП. Отдел биологии. 1961. Т. 66, № 5. С. 115–132.

Hammer et al. 2001 — *Hammer I., Harper D. A. T., Ryan P. D.* PAST: Paleontological Statistics Software Package for Education and Data Analysis // *Palaeontologia Electronica*. 2001. Vol. 4, no 1. P. 1–9.

van Wijngaarden-Bakker, Bergström 1988 — *van Wijngaarden-Bakker L. H., Bergström P. L.* Estimation of the shoulder height of cattle // *Archaeozoologia*. 1988. T. 2, no. 1–2. P. 67–82.

Houghton 1897 — *Houghton F. L.* Holstein-Friesian cattle: a history of the breed and its development in America: a complete list of all private and authenticated milk and butter yields; methods of breeding, handling, feeding and showing. New York, 1897.

Macheridis, Totnberg 2005 — *Macheridis S., Totnberg A.* Matrester och slactavfall pa hovdala borg. Bilaga 5 // *Handelser Langs en Vag*. Lund, 2005. S. 286–307 (Report series. 99).

Tourunen 2003 — *Tourunen A.* Elainten luita kaupunkikerroksista — esimerkkeja arkeo-osteologisista tutkimusmetodeista // *Kaupunkia pintaa syvemmalta. Arceologia nakokulmia Turun historiaan*. Helsinki, 2003. S. 371–382 (*Archaeologia Medii Aevi Finlandiae*. 9).

FAUNAL REMAINS FROM OLD VYBORG

A. K. Kasparov

The paper deals with the faunal remains from the excavations of Vyborg, dated to the second half of XV—first decade of XVIII c. During the whole period of almost 300 years ratios between different species remain rather stable, with cattle prevailing, followed by small cattle, followed by pigs. Horse and dog bones are nearly absent. Remains of other species (both wild and domesticated) are scarce. The Vyborg sheep of the late XVII—early XVIII c. were similar to the modern ones. This form seems to have directly preceded the Romanov sheep breed existing today. The goats resembled most of all those known from late medieval Novgorod and Pskov. The cattle looked like one of the forms raised all over the northern region from Old Grodno to Nienschantz. In the middle of the XVII c. the population of Vyborg experienced a decrease of living standards, as evidenced by changing diets. The last years of the Swedish period of Vyborg history witnessed growing reliance on hunting and fishing, while goats were kept mainly for the sake of wool.

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ
ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ
ТЕРСКОГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ
(по материалам раскопок некрополя Свято-Никольской церкви
с. Варзуга)**

И. Г. ШИРОБОКОВ, М. М. ШАХНОВИЧ

У региональных исследователей истории Русского Севера на протяжении десятилетий вызывает неослабевающий интерес история с. Варзуга — древнейшего исторического поселения Кольского п-ова, расположенного на берегах одноименной реки. Первое свидетельство о существовании «в Арзуге погост Корильский» содержится в летописном рассказе о морском рейде в Беломорье мурман в 1419/20 г. Село располагается на двух сторонах одноименной реки, в 25 км от устья, на первой речной террасе, на высоте 3–3,5 м над уровнем воды (правый берег). Водный режим реки не изменился за последнюю тысячу лет, и современные очертания русла такие же, как и 700 лет назад. Крупная речная артерия соединяла побережье Белого моря и центральные районы Кольского п-ова.

Изучение проблем колонизации и истории средневековых поселений Кольского п-ова невозможно без привлечения археологических и антропологических источников, систематическое исследование которых началось лишь в последние годы.

Археологические работы

Интерес к археологическим древностям реки Варзуга возник еще в 1920-е гг. К сожалению, накопленные к настоящему времени материалы имеют разрозненный и часто случайный по происхождению характер. Только в 1969 г. сотрудники археологической экспедиции ЛОИА АН СССР В. Я. Шумкин и И. В. Верещагина предприняли первые успешные археологические исследования в окрестностях с. Варзуга, в ходе которых были найдены три местонахождения каменного века и раннего металла, а также проведены сборы «поздней» керамики (Шахнович 2010: 157–158). Впоследствии (в 1970–1980-е гг.) археологи неоднократно посещали эти места, но проводимые работы были небольшими, и сведения о них ограничиваются краткими информационными сообщениями (Хлобыстин и др. 1988: 43; Шумкин 1993: 152).

Позднесредневековые маловыразительные «сельские» древности XIV–XVII вв. длительное время находились на периферии внимания отечественной археологии. По этой причине какие-либо антропологические материалы, характеризующие население региона в эпоху средневековья, получение которых всегда находится в прямой зависимости от археологических работ, полностью отсутствовали в собраниях научных институтов и музеев.

С 2009 г. археологическое изучение с. Варзуга проводится экспедицией Национального музея Республики Карелия. Первые два полевых сезона (2009–2010 гг.) были посвящены обследованию городища-убежища, расположенного на левом берегу реки, — самого северного из известных средневековых «новгородских» укреплений, погибшего в пожаре в начале XV в. (Шахнович, 2010: 161–170). В 2011–2012 гг. осуществлялись раскопки около старейшего храма Русской Лапландии — Свято-Никольской церкви (1705 г.). Поводом для археологических изысканий стала реставрация этого памятника, в ходе которой он был полностью разобран.

В 2011 и 2012 гг. сплошной площадью исследована незначительная часть некрополя — 25,3 м². На этом участке раскрыто 25 погребений, обнаружены остатки храма и частокольной изгороди XIV–XV вв. Работы показали хорошее состояние культурного слоя.

В 2012 г. на уровне –0,2 м от современной дневной поверхности (в дальнейшем — с. д. п.) обнаружены хорошо сохранившиеся остатки срубной постройки, уложенной непосредственно на землю. Два венца стены прослеживались на протяжении 2,5 м. Толщина бревен — 14 см, ширина — 22 см. Верхний венец полностью обуглен, а нижний не имеет следов воздействия огня. Калиброванный календарный возраст древесного тлена средней части нижнего венца приходится на два интервала: 1380–1440 гг. (55,2 %) — 1390–1425 гг. (43,9 %) и 1310–1360 гг. (40,2 %) — 1325–1345 гг. (24,3 %).¹ Калиброванный календарный возраст угля верхнего венца также охватывает два близких временных интервала: 1380–1430 гг. (50,9 %) — 1390–1415 гг. (39,6 %) и 1310–1360 гг. (44,5 %) — 1325–1345 гг. (28,6 %).²

Целенаправленное подзахоронение младенцев (см. ниже) и одинаковая ориентация с погребениями, а также данные радиоуглеродных датировок позволяют отождествить остатки стены со зданием церкви, погибшей во время набега «мурман» в 1419 г. Ориентация храма приближается к направлению на астрономический северо-восток (так называемый летний восток).

Первоначально в 2011 г. на участке, примыкающем к северной стене церкви, в небольшом шурфе площадью 9,05 м², исследованы шесть погребений (Шахнович и др. 2012). В границах исследованного участка 2012 г., находящегося уже под зданием церкви, выявлено 19 погребений, в том числе 6 частично нарушенных. Половина захоронений (9) — младенцы в возрасте до 6 месяцев, остальные (10) содержали останки взрослых и подростков. Зафиксированы единообразные признаки христианских захоронений: погребения в ямах, тела лежат вытянуто на спине, головой на условный «запад», без сопровождающего инвентаря.

Новорожденных хоронили рядом со стеной церкви (на расстоянии 0,1–0,2 м), с ее внешней стороны или подзахоранивали к могиле «взрослого» умершего. На материале раскопок можно говорить, что традиция «закладных» мла-

¹ Радиоуглеродный возраст образца — 550 ± 30 л. н. (SPb-779).

² Радиоуглеродный возраст образца — 557 ± 25 л. н. (SPb-734).

денческих погребений под полом или у стен храма существовала на Русском Севере уже в XIV в. Четыре «закладных» погребения находились практически на поверхности — на одном уровне с нижним венцом западной стены или на 5–7 см глубже. При этом каноническая ориентация погребенных не выдерживается: они хоронятся параллельно стене. Тела умерших младенцев укладывались в выдолбленные «микроколоды».

На поверхности места могил визуально не отмечались ни холмиками, ни провалами почвы. Несмотря на небольшую исследованную площадь, можно говорить о рядности захоронений. Расстояние между могильными ямами составляет 0,1–0,3 м. Погребения не содержат дополнительных элементов, например, таких, как поверхностные круговые обкладки камнями, которые считаются стабильной деталью «поздних» саамских погребений (Лукьянченко 1981). Ямы отрывались очень «экономно»: их размеры редко превышают длину гробовины более чем на 15–20 см. Форма ям стандартная — в плане подпрямоугольная со скругленными углами, отвесными стенками и ровным дном.

Глубина погребений значительно различается: самые «поздние» захоронения и погребения младенцев находятся практически на поверхности, на уровне 40–55 см от с. д. п., а «нижние» (и соответственно более «ранние») располагаются на глубине до 1,2 м от с.д.п. Незначительная глубина (0,2–0,5 м) средневековых православных захоронений — обычное явление в XII–XIX вв. на Севере европейской части России, что подтверждают данные ближайшего к Варзуге исследованного некрополя Соловецкого монастыря (Буров 2005: 82). Небольшая глубина могил (0,3–0,6 м) отмечена и на кладбищах XIX–XX вв. каменских и иокангских саамов Кольского полуострова, исследованных антропологами (Лукьянченко 1981).

Удалось проследить остатки трех намогильных памятников, представленных нижними частями деревянных столбов, одновременных могилам и установленных в изножии. Диаметр столбов составляет 18–20 см, длина — 40–50 см. Они представляли собой кресты или распространенные на Русском Севере «голубцы» — круглые, прямоугольные или восьмигранные столбики высотой 1,7–2 м, с одним или несколькими декоративными перехватами, перекрытые двускатной кровлей.

Сохранность погребальных сооружений из дерева, предназначенных для укладки тела умершего, минимальная. В захоронении фиксируются лишь контуры гроба в виде прослойки древесного тлена темно-коричневого цвета толщиной не более 1 см. Боковые стенки гробов вертикальные, углы прямые, форма в плане — прямоугольная с небольшим расширением в головной части. Скрепление стенок гробов железными гвоздями зафиксировано в 3 случаях, 8 гробовин полностью накрывались сверху большими пластами бересты шириной до 0,6 м и длиной до 0,7 м.

Погребенные ориентированы головой на южный и юго-западный сектора горизонта. С небольшими отклонениями в пределах 5–10° ориентация совпадает с линией длинной оси последнего здания церкви и направлением на реку. В ненарушенных захоронениях «взрослых» индивидов кости рук были едино-

образно согнуты в локте под углом 90° и, не перекрещиваясь, располагались поперек туловища в области живота.

Вешевая коллекция из работ 2012 г. небольшая — 166 экз. (2011 г. — 109 экз.). В среднем на 1 м² площади раскопа приходилось 10,2 экз. находок. Кованых четырехгранных гвоздей, имеющих более «древний» вид, — 85 экз., из них 42 экз. — отдельные, сильно корродированные фрагменты массивных размеров: шляпка диаметром до 2,6 см, стержень толщиной до 1,2 см и длиной до 14 см. Гвозди, применявшиеся для скрепления стенок гробовин, при большой шляпке (до 2,3 см) имеют меньшую длину (5,7–6,7 см), но есть и длинные экземпляры (8,5–11,5 см).

При раскопках 2012 г. обнаружено 13 мелких фрагментов минимум от 2–3 небольших неорнаментированных сосудов. Среди них 3 венчика, 2 днища и 8 фрагментов стенок. Это обломки кухонной посуды — маленьких тонкостенных горшков (толщина 0,5–0,6 см), изготовленных на гончарном круге из хорошо промешанного теста без средних и крупных примесей песка и слюдянистых включений. Ближайшие аналогии данным типам горшков встречаются в коллекциях гончарной керамики XVIII–XIX вв. беломорских поселений (низовья р. Выг, Сумский Посад), а также Европейского Севера, центральной части России и Сибири.

Индивидуальных находок очень мало: обломок стандартной деформированной обувной подковки (4,9 × 1,8 × 0,3 см), железная скоба, тончайшие и хрупкие фрагменты латунной обкладки с тисненым орнаментом (2 экз.), моток тонкой берестяной ленточки (шириной 0,4 см, диаметром 1,7 см), левая створка крупной раковины пресноводного моллюска и часть оклада иконы — серебряная цапа.

Кроме обуви и гвоздей от гробов других предметов в погребениях не выявлено. В 8 случаях умершие обуты в хорошо сохранившиеся, единообразные кожаные «тапки». Это «простые поршни» — однодетальная цельнокроеная мягкая обувь «ладьевидной формы», с закрытым носком, изготовленная из одного трапециевидного куска кожи, с сужением к пятке. Они сходны с образцами из позднесредневековых некрополей Москвы и имеют все признаки специальной обрядовой обуви (Курбатов 2002: 168; Осипов 2003). У младенцев обувь не зафиксирована.

Антропологическая характеристика варзужан

Скелетные останки, обнаруженные в ходе работ в 2011 г., из-за особенностей почвенных условий сохранились плохо. Их изучение по полной измерительной программе было невозможным. Однако сохранность двух женских черепов из погребений XVIII в. оказалась достаточной для графической реконструкций внешнего облика варзужанок (Хартанович и др. 2012: 68). В результате раскопок 2012 г. впервые получена серия из 9 черепов (4 мужских и 5 женских), пригодных для краниометрических измерений (таблица).

Мужские черепа характеризуются широкой черепной коробкой средней длины с высоким сводом, брахикранной и гипсикранной по указателям. Лице-

Таблица

Средние измерения и указатели краниологической серии из Варзуги

№ по Мартину и др.	Признаки	Мужчины			Женщины		
		n	X	sd	n	X	sd
1	Продольный диаметр	4	178,3	4,5	4	167,8	2,6
8	Поперечный диаметр	4	145,8	5,7	4	137,8	5,9
8:1	Черепной указатель	4	81,8	3,1	4	82,1	3,5
17	Высотный диаметр	4	140,3	3,6	4	132,0	1,8
20	Ушная высота	3	120,0	3,5	3	114,3	6,1
5	Длина основания черепа	4	99,3	4,5	4	96,5	3,7
9	Наименьшая ширина лба	4	98,5	4,2	5	94,8	3,7
11	Ширина основания черепа	3	123,7	3,8	3	114,0	1,7
43	Верхняя ширина лица	3	106,0	3,5	3	100,3	2,1
45	Скуловой диаметр	3	129,7	3,2	1	114,0	—
46	Средняя ширина лица	3	93,7	3,5	3	86,0	4,0
48	Верхняя высота лица	4	69,3	2,2	4	65,3	2,5
51	Ширина орбиты от mf	3	42,2	0,3	4	41,0	2,2
52	Высота орбиты	4	31,8	1,0	4	32,0	1,6
54	Ширина носа	3	25,0	1,0	4	23,8	1,0
55	Высота носа	3	48,3	2,1	4	46,5	2,1
SC	Симотическая ширина	4	10,0	1,8	4	10,0	1,2
SS	Симотическая высота	4	4,2	1,0	4	5,0	0,7
DC	Дакриальная ширина	3	22,6	3,0	1	20,8	—
DS	Дакриальная высота	3	14,0	1,9	1	10,5	—
77	Назomalярный угол	3	141,9	2,4	4	142,1	0,9
zm	Зигомаксиллярный угол	3	131,7	3,1	3	123,4	1,6
72	Общий лицевой угол	2	84,0	—	3	88,0	1,7
73	Средний лицевой угол	2	86,0	—	2	88,5	—
75(1)	Угол выступания носа	3	22,0	—	3	26,0	11,5

вой скелет средневысокий и узкий, мезогнанный, уплощенный на обоих уровнях горизонтальной профилировки. Орбиты низкие и среднеширокие, хамекохные по указателю. Нос низкий, средней ширины, хамеринный. Переносье высокое и широкое, средней величины по указателю, носовые кости к линии профиля выступают слабо.

Череп в женской выборке короткие, средней ширины, брахикранные по указателю, с высоким сводом. Лицевой скелет средневысокий и узкий, ортогнатный, уплощенный на уровне орбит и резко профилированный на уровне альвеолярного отростка. Орбиты среднеширокие и низкие, мезокохные по указателю. Нос низкий и среднеширокий, хамеринный по указателю. Переносье широкое и высокое по абсолютным размерам, высокое по указателю. Носовые кости сильно выступают к линии профиля.

Таким образом, морфологические характеристики мужской и женской выборок при сходстве относительных параметров черепной коробки различаются по ряду угловых размеров лицевого скелета. При этом женщины отличаются более выраженной европеоидной комбинацией признаков. Указанные межполовые различия не следует интерпретировать как свидетельство принадлежности мужчин и женщин к разным антропологическим типам. Скорее всего, они связаны с небольшой численностью анализируемой серии, которая пока не может рассматриваться в качестве выборки, в полной мере отражающей антропологический состав позднесредневекового населения с. Варзуга. Результаты исследования материалов из раскопок 2011 г. свидетельствуют о наличии «лапоноидных» черт в характеристике одного из женских черепов (Хартанович и др. 2012), не фиксируемых, однако, в нашей серии.

Краниологическая характеристика варзужан в значительной степени сближается с антропологическим типом, хорошо известным по материалам из близких к современности (XVIII—начало XX в.) кладбищ карел и коми-зырян (Хартанович 1986; 1991). Характерными чертами указанного типа являются мезобрахикранная черепная коробка с высоким сводом и уплощенный на уровне орбит лицевой скелет с сильно выступающим к линии профиля носом. На материалах женской выборки это сходство проявляется отчетливо. Мужские черепа, сближаясь с карелами по параметрам черепной коробки, в то же время отличаются от последних по ряду признаков лицевого скелета: лицо у варзужан узкое, несколько уплощенное на уровне альвеолярного отростка, со слабо выступающим носом. Описанные признаки лишь условно можно связать с присутствием в составе выборки «монголоидного» или «лапоноидного» компонента. Так, например, саамские серии выделяются на фоне варзужан как большей шириной лица, так и большим углом выступления носа (Хартанович 1980; 2004), т. е. в данном случае краниометрические характеристики карел и саамов отличаются от выборки из Варзуги в одном направлении. Следовательно, специфичный для Варзуги морфологический комплекс не мог возникнуть в результате смешения с саамским населением полуострова.

В действительности среди известных в настоящее время краниологических серий севера европейской части России и Фенноскандии полные аналогии морфологическому типу, представленному в выборке варзужан, отсутствуют. Стандартные внутригрупповые коэффициенты корреляции между величиной скулового диаметра и углами горизонтальной профилировки близки к нулю (Ефимова 1991: 86). На межгрупповом уровне сопоставления выборки с относительно узким лицевым скелетом, как правило, характеризуются более резкой горизонтальной профилировкой, чем широколицые группы. Расчет внутригрупповых коэффициентов корреляции признаков для серии из Варзуги не является пока осмысленным ввиду ее небольшой численности. Однако в качестве наблюдения отметим, что мужской череп из погребения 10, характеризующийся наименьшей величиной скулового диаметра (126 мм), в то же время отличается наибольшей величиной назомалярного ($143,3^\circ$) и зигомаксиллярного ($132,4^\circ$) углов.

По всей вероятности, отсутствие аналогий представленному типу связано с лакунами на палеоантропологической карте региона. Для территории современных Мурманской и Архангельской областей, а также приграничных районов Карелии в настоящее время в музейных собраниях практически отсутствуют материалы по антропологии средневекового населения, а близкие к современности краниологические серии представлены только сборными сериями русских Олонецкой и Архангельской губерний (Алексеев 1969).

Вероятно, что именно с крайними северными районами европейской части России связано распространение узколицевого антропологического типа с «ослабленной» европеоидной (по отношению к современным европейцам) основой. Имеющиеся данные по средневековому и близкому к современности населению Северо-Восточной Европы свидетельствуют о том, что антропологический компонент, характерной чертой которого является узкое лицо со слабо выступающим носом, по всей вероятности, оказал влияние на формирование северных локальных групп русского населения. В частности, ранее было отмечено, что сборные материалы по русским Архангельской и Вологодской областей (XVII—начало XX в.), а также серии вятичей, ярославских, костромских и владимирских кривичей (X—XIV вв.) отклоняются в том же направлении от морфологической характеристики основного массива серий славян, которое мы фиксируем в краниологической серии варзужан. При этом «ослабление» европеоидной основы объясняется исследователями воздействием местного финно-угорского субстрата (Там же; Алексеева 1971; 1973).

Результаты канонического анализа все же в большей степени согласуются с предположением о принадлежности серии черепов варзужан к характерному для карел антропологическому типу, нежели для северных групп русских (рис. 1). Анализ был проведен по программе из 14 краниометрических признаков (№ по Мартину и др.: 1, 8, 17, 9, 45, 48, 55, 54, 51, 52, 77, zm, 75 (1), SS : SC).

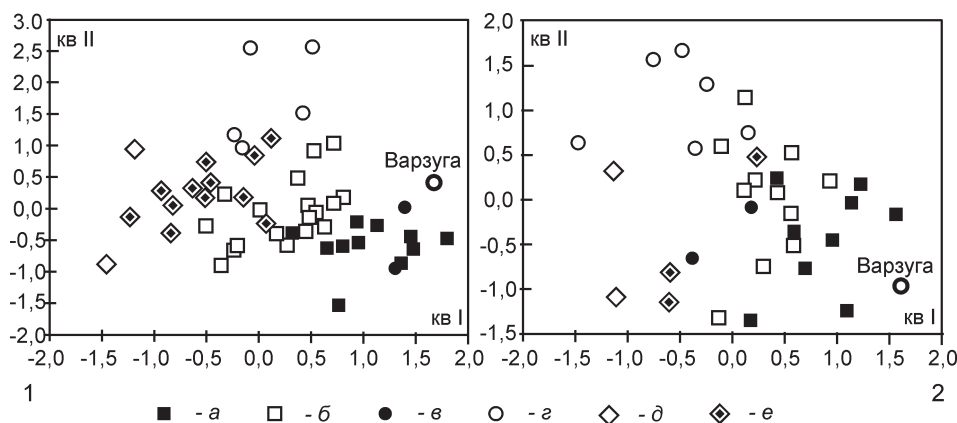

Рис. 1. Положение 51 мужской (1) и 33 женских (2) краниологических серий XVII—начала XX в. с территории Восточной и Северо-Восточной Европы в пространстве I и II канонических векторов: а — карелы; б — русские; в — коми-зыряне; г — саамы; д — шведы; е — финны

Использовались данные по выборкам русских, карел, саамов, финнов, шведов и коми-зырян из материалов кладбищ XVII—начала XX в. Различия в численности мужских и женских выборок связаны, в первую очередь, с отсутствием данных по женским сериям Финляндии.

Для дифференциации как мужских, так и женских групп наиболее значимыми являются признаки, отражающие параметры черепной коробки. Брахиокраниальные высокоголовые серии карел, с одной стороны, и мезокраниальные, со средней высотой черепного свода шведские и отдельные финские группы — с другой, определяют полюса основного направления морфологических различий между выборками. В пространстве первого канонического вектора серия из Варзуги попадает в область «карельских» значений.

Второй основной вектор различий между сериями обусловлен, в первую очередь, параметрами лицевого скелета. Серии саамов с низким лицом и высоким, относительно слабо выступающим носом резко выделяются на фоне основной части групп русских, финнов и карел, у которых противоположная комбинация признаков выражена наиболее отчетливо. В отношении указанных признаков мужские черепа из Варзуги сближаются с финскими и русскими выборками, женские — с карельскими сериями. Единственное отличие результатов анализа мужских и женских выборок заключается в том, что различия между населением Варзуги и саамами Кольского п-ова значительно более отчетливо выражены на материалах женских черепов.

Если исходить из общих результатов анализа, то следует признать, что краниологическая серия из Варзуги, выделяясь специфическим комплексом признаков от любой из привлеченных к анализу выборок, обнаруживает наибольшее сходство с отдельными карельскими и коми-зырянскими группами, хотя и занимает периферийное положение по отношению к последним.

Результаты статистических расчетов, казалось бы, свидетельствуют о том, что особенности морфологической характеристики серии черепов варзужан во многом могут быть объяснены значимой ролью карельских групп в процессах формирования антропологического состава местного населения. Термин «карельские группы» в данном случае следует понимать, в первую очередь, в территориальном, а не в этническом смысле. Как показывают недавно полученные данные, некоторые краниологические серии средневекового Новгорода³ также характеризуются специфичным для карельского населения комплексом, в котором высокая, мезо-брахиокраниальная черепная коробка сочетается с уплощенным на уровне орбит лицевым скелетом и который в целом не характерен для славянского населения. Именно этот комплекс зафиксирован в материалах варзужской серии. Это обстоятельство заставляет воздержаться от строгой формулировки гипотезы об этнической принадлежности первых поселенцев Варзуги. Однако сам факт их принадлежности к кругу популяций, формирование которых протекало в условиях Европейского Севера, по-видимому, не должен вызывать сомнений.

³ Авторы выражают глубокую признательность Д. В. Пежемскому за возможность использования в работе его данных краниометрических измерений по неопубликованным сериям Новгорода Великого.

Заключение

Антропологический состав позднесредневекового населения Варзуги в рассматриваемое время отличается своеобразием на фоне близких к современности серий русских как северных, так и центральных областей России. Формирование местного населения происходило на сложной основе и не может быть сведено к простой однокомпонентной схеме. Вероятно, основную роль в его сложении сыграли группы выходцев с территории современной Карелии. Во всяком случае, выявленный на материалах краниологических выборок карел антропологический тип, выделяющийся легко узнаваемым комплексом признаков, в наибольшей степени сближается с характеристиками как мужской, так и женской выборок из Варзуги. Происхождение другого значимого компонента, более отчетливо выраженного в материалах мужской выборки из раскопок 2012 г., может быть связано с субстратным дославянским населением Северо-Европейского региона. В составе населения Варзуги появление данного компонента, вероятнее всего, происходит опосредованно, с проникновением русских переселенцев из Архангельской обл. и восточных районов Карелии, морфологический тип которых испытал воздействие субстратных групп этих территорий.

Алексеев 1969 — Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. Краниологическое исследование. М., 1969.

Алексеева 1971 — Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии // СЭ. 1971. № 2. С. 48–59.

Алексеева 1973 — Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

Буров 2005 — Буров В. А. Церковь преподобного Германа Соловецкого XIX в.: история и археология // Соловецкое море. Архангельск; М., 2005. Вып. 4. С. 75–92.

Ефимова 1991 — Ефимова С. Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991.

Курбатов 2002 — Курбатов А. В. Погребальная обувь средневековой Руси // АВ. СПб., 2002. № 9. С. 155–172.

Лукьянченко 1981 — Лукьянченко Т. В. О некоторых особенностях погребального обряда кольских саамов // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1981. Вып. 9. С. 91–95.

Осипов 2003 — Осипов Д. О. Кожаная обувь: информационные возможности археологических коллекций (по материалам раскопок в Москве) // Российская археология. 2003. № 2. С. 21–24.

Хартанович 1980 — Хартанович В. И. Новые материалы к краниологии саамов Кольского полуострова // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1980. Т. 39. С. 35–47.

Хартанович 1986 — Хартанович В. И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986. С. 63–120.

Хартанович 1991 — Хартанович В. И. Новые материалы к краниологии коми-зырян // Сборник МАЭ. Л., 1991. Т. 44. С. 108–126.

Хартанович 2004 — Хартанович В. И. Новые краниологические материалы по саамам Кольского полуострова // Палеоантропология. Этническая антропология. Этногенез. СПб., 2004. С. 108–125.

Хартанович и др. 2012 — Хартанович В. И., Шахнович М. М., Галеев Р. М., Лейбова (Суворова) Н. А. Новые данные к антропологии и археологии позднесредневекового населения Герского берега Кольского полуострова (с. Варзуга) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 году. СПб., 2012. С. 62–69.

Хлобыстин и др. 1988 — *Хлобыстин Л. П., Верещагина И. В., Шумкин В. Я.* Исследования Заполярной экспедиции // АО 1986 года. 1988. С. 43.

Шахнович 2010 — *Шахнович М. М.* Археология реки Варзуга // Варзуга — первое русское поселение на Кольском Севере. СПб., 2010. С. 153–172 (Вторые Феодоритовские чтения).

Шахнович и др. 2012 — *Шахнович М. М., Галеев Р. М., Лейбова Н. А. (Суворова), Хартанович В. И.* Археолого-антропологические исследования около Свято-Никольской церкви села Варзуга в 2011 году // Север и история. СПб., 2012. С. 216–228 (Четвертые Феодоритовские чтения).

Шумкин 1993 — *Шумкин В. Я.* Проблемы изучения эпохи раннего металла Кольского полуострова // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 151–158.

**ANTHROPOLOGICAL COMPOSITION
OF THE LATE MEDIEVAL POPULATION
OF THE TERSK COAST, THE WHITE SEA
(with particular reference to the materials from necropolis
of the Saint Nicolas' Church at the village of Varzuga)**

I. G. Shirobokov, M. M. Shakhnovich

The excavations of the necropolis at Varzuga, organized by the National Museum of the Republic of Karelia, gave the first materials shedding light on the anthropological composition of the Late Medieval population of the Tersk Coast. Considered against the background of recent craniological series from the northern and central regions of European Russia, the morphology of the Varzuga people shows a number of peculiar characteristics. It appears that the main role in its formation was played by Karelians, whose specific craniological features have been observed in both male and female skulls from Varzuga. The origin of the second important component, which has an «attenuated» Europeoid basis and is better expressed in the male series, was evidently connected with the Russian colonists, whose morphological type experienced an influence from the «pre-Slavonic» substratum groups living in the north of the European part of Russia.

ХРОНИКА

РАСШИРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ УЧЕНОГО СОВЕТА И ОТДЕЛА ПАЛЕОЛИТА ИИМК РАН, ПОСВЯЩЕННОЕ ЮБИЛЕЮ В. П. ЛЮБИНА

С. А. ВАСИЛЬЕВ

14 января 2013 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета и Отдела палеолита ИИМК РАН, посвященное 95-летию старейшего сотрудника Института, доктора исторических наук, профессора Василия Прокофьевича Любина. Открывая заседание, заместитель директора ИИМК О. И. Богуславский остановился на значении беспрецедентной по длительности научной и организационной деятельности В. П. Любина для развития Института. С поздравлениями от лица Института археологии РАН выступили Х. А. Амирханов, Е. Г. Дэвлет, К. Н. Гаврилов и Д. В. Ожерельев, от Института археологии и этнографии СО РАН — М. В. Шуньков, от Государственного Эрмитажа — Ю. Ю. Пиотровский. Далее последовало оглашение многочисленных приветствий, направленных основными научными центрами нашей страны, ведущими учеными-палеолитоведами Грузии, Турции, Англии, Бельгии, Канады, США и Японии. Приветственную телеграмму направил Президент Юго-Осетии Л. Х. Тебилов. Е. В. Беляева продемонстрировала серию фотографий юбиляра разных лет жизни.

Научную программу заседания открыл доклад Х. А. Амирханова (Москва), посвященный описанию и классификации серии крупных рубящих орудий (гигантолитов), открытых при раскопках древнейших (олдувайских) памятников в Дагестане. М. В. Шуньков (Новосибирск) рассказал о современных представлениях о хронологии и характере нижнего палеолита в Сибири, опираясь прежде всего на данные по основному стратифицированному памятнику региона — стоянке Карам на Алтае. В. Е. Щелинский продемонстрировал находки из нового памятника раннего палеолита Тамани — стоянки Родники 4.

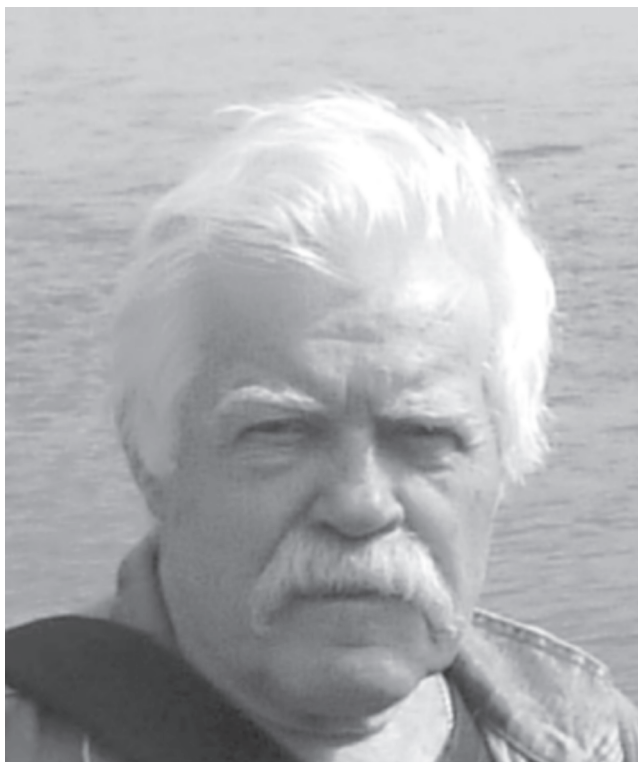
Ряд сообщений затрагивал различные аспекты изучения одного из основных объектов исследований В. П. Любина — пещеры Кударо 1. Г. Ф. Барышников сообщил о результатах многолетней работы по определению фауны хищных по материалам ашельских и мустьерских слоев памятника. Докладчик остановился на филогении медведей в плейстоцене. Е. Ю. Гиря на примере тщательного трасологического анализа отбойника-чоппера из Кударо показал сложность выявления процессов формообразования у нижнепалеолитических

изделий из камня. Г. Н. Поплевко на большой серии микрофотографий представила предварительные итоги трасологического изучения коллекции. Наконец, Г. М. Левковская продемонстрировала спорово-пыльцевые диаграммы по колонкам ряда многослойных памятников Кавказа (пещеры Кударо 1 и 3, Навалишенская, Матузка, Ахштырская, Воронцовская) и провела корреляцию выделяемого по данным палинологии климатического экстремума времени позднего мустье с данными по разрезу стоянки Костенки 12.

На основании зачитанных на заседании докладов, а также статей отечественных и зарубежных коллег В. П. Любина Отдел палеолита планирует издать сборник «Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии».

В. П. Любин празднует юбилей в окружении учеников. Слева направо: Х. А. Амирханов, В. П. Любин, Е. В. Беляева, М. В. Шуньков, С. А. Кулаков (фото Е. Ю. Гири)

ЮБИЛЕЙ СЕРГЕЯ НИКИТИЧА АСТАХОВА

24 апреля 2013 г. исполнилось 80 лет ведущему научному сотруднику-консультанту Отдела палеолита нашего Института, доктору исторических наук Сергею Никитичу Астахову. С. Н. Астахов — один из крупнейших специалистов по каменному веку Сибири, Центральной и Восточной Азии.

Перу С. Н. Астахова принадлежит более 100 печатных работ, в том числе монографические труды «Палеолит Тувы», «Палеолитические памятники Тувы», «Палеолит Енисея. Палеолитические стоянки на Афонтовой Горе в г. Красноярске», «Древний палеолит Японии», и большие разделы в книгах «Палеолит Енисея», «История Тувы», «Палеолитический человек, его материальная культура и природная среда обитания».

На протяжении многих лет С. Н. Астахов успешно руководил крупнейшей новостроечной экспедицией нашего Института — Саяно-Тувинской, сочетая собственные полевые работы с огромной по объему организационной и административной деятельностью. В сложнейших условиях пустынной, степной и горнотаежной местности, зачастую вдали от населенных пунктов, С. Н. Астахову удалось открыть и исследовать десятки первоклассных памятников каменного века в диапазоне от ашеля до неолита. В последнее время он руководит

разведками по каменному веку вдоль трассы строящейся железной дороги Кызыл–Курагино.

Многолетняя работа С. Н. Астахова в Туве по достоинству оценена руководством республики. Ему присуждено звание «Заслуженный деятель науки Республики Тыва».

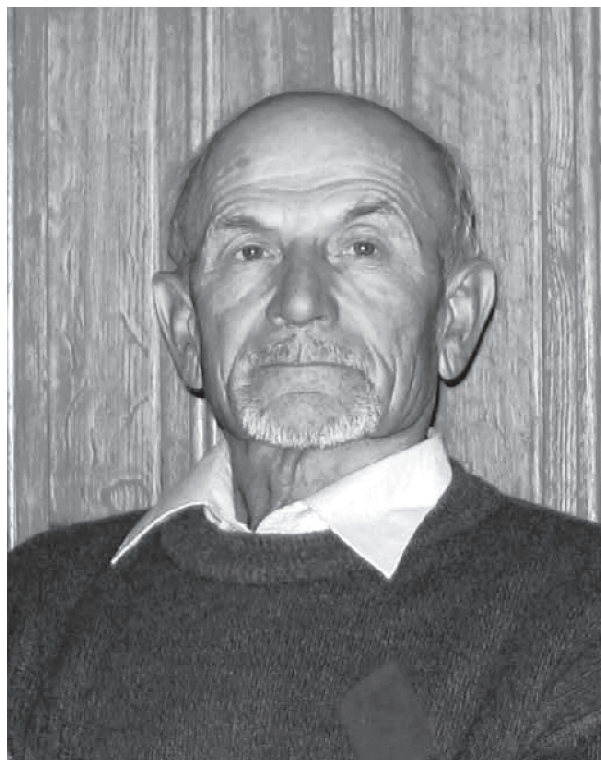
Научные интересы С. Н. Астахова никогда не замыкались в рамках Южной Сибири. Он принимал активное участие в изучении древнейших культур Севера. Плодотворными были его поездки в Японию, Монголию и Непал.

С. Н. Астахов всегда сочетал научную работу с активной общественной деятельностью на благо нашего коллектива. На протяжении многих лет он возглавлял профсоюзную организацию Института, был заместителем директора ИИМК, представлял Институт на общих собраниях РАН. В настоящее время С. Н. Астахов работает помощником директора по спец. вопросам.

В честь славного юбилея Отдел палеолита опубликовал брошюру «Сергей Никитич Астахов: Библиография» (СПб., 2013) с библиографией юбилея, памятными фотографиями, текстами поздравлений друзей и коллег.

С. А. Васильев

IN MEMORIA

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ЕФИМОВИЧА МАТЮХИНА (16.08.1940–11.05.2013)

11 мая 2013 г. от нас ушел ведущий научный сотрудник Отдела палеолита ИИМК РАН, доктор исторических наук Александр Ефимович Матюхин. А. Е. Матюхин отличался широтой научных интересов, охватывающих различные аспекты изучения каменного века. Он представлял собой редкое сочетание специалиста в области технологии и экспериментального исследования функций древнейших каменных орудий с высококвалифицированным полевиком-палеолитчиком, знатоком нижнего и среднего палеолита юга Русской равнины.

Путь в науку для А. Е. Матюхина был непростым. Потеряв родителей в пору военного лихолетья, мальчик воспитывался в детском доме, окончил ремесленное училище, вечернюю школу, трудился на заводе, служил в армии. Лишь

в 1965 г. он поступил на исторический факультет Ростовского университета. После окончания вуза А. Е. Матюхин работал в областном краеведческом музее. В 1972 г. судьба забрасывает молодого археолога в Среднюю Азию, где он принимает активное участие в раскопках кремнедобывающих шахт и становится сотрудником лаборатории Института археологии АН Узбекистана в Самарканде. Перспективного исследователя заметили в Ленинграде (с 1969 г. А. Е. Матюхин участвует в экспедициях ЛОИА), и он получает приглашение поступить в заочную аспирантуру под руководством основоположника трасологического метода С. А. Семенова. Заочная аспирантура со временем становится очной, и с 1974 г. до конца дней научная судьба А. Е. Матюхина неразрывно связана с нашим Институтом.

После окончания аспирантуры А. Е. Матюхин с 1977 г. работал в ЛОИА/ИИМК, вначале в Экспериментально-трасологической лаборатории, а с 1999 г. — в Отделе палеолита. Он прошел путь от младшего научного до ведущего научного сотрудника. В 1978 г. А. Е. Матюхин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Типология изготовления и функции раннепалеолитических орудий», а в 1996 г. — докторскую «Палеолитические мастерские Восточной Европы».

На протяжении многих лет А. Е. Матюхин увлеченно разрабатывал вопросы интерпретации функций древнейших орудий, проводя большие серии экспериментов (как не вспомнить его нашумевшие опыты по разделке туш слонов и жирафов в Ленинградском зоопарке!). Перу исследователя принадлежит большой раздел в коллективной монографии «Технология производства в эпоху палеолита», посвященный процессам изготовления и использования нижнепалеолитических бифасов и галечных орудий.

Полевая деятельность ученого с конца 1970-х гг. была связана с районом устья Северского Донца, где он открыл и исследовал группу разновременных (от среднего палеолита до неолита) стоянок и мастерских в Калитвенке, Бирючьей Балке, Кременской Балке, а в дальнейшем возобновил изучение древнейших памятников региона — местонахождений Михайловское и Хрящи. В последние годы жизни исследователь прилагал титанические труды по обработке и введению в научный оборот огромных по объему коллекций каменного инвентаря. В 2012 г. ему удалось издать фундаментальную монографию «Бирючья балка 2: Многослойный палеолитический памятник в бассейне Нижнего Дона»; остальные рукописи остаются неопубликованными.

Научные интересы А. Е. Матюхина никогда не замыкались в узко региональных рамках. Он автор интересных статей о критериях разграничения подлинных орудий и природных псевдоформ. За десятилетия исследователем детально проработаны коллекции большого числа палеолитических памятников Кавказа, Украины, Молдавии, Польши. Его всегда интересовали общие проблемы методологии первобытной археологии, соотношение типологического, функционального, технологического методов изучения каменной индустрии и роль экспериментов. Ряд публикаций А. Е. Матюхина посвящен вопросам становления человека и общества, связи антропологического типа и культуры

древних людей, реконструкции технологии и социальных структур далекого прошлого.

Труды А. Е. Матюхина получили заслуженное признание в научном мире. Он выступал на многочисленных российских и международных конференциях, в разные годы активно участвовал в работе советско-французских и российско-британских полевых семинаров, позднее ездил на раскопки нижнего палеолита в Англии. Особая страница в научной биографии А. Е. Матюхина — поездка во Вьетнам в 1985 г., где он сумел по-новому взглянуть на материалы известного памятника Гора До.

Нельзя не упомянуть традиционные связи ученого с родной ему донской археологией. Исследователь являлся одним из основных инициаторов создания Донского археологического общества, работал над оформлением археологической экспозиции Ростовского музея, был верным другом и помощником местных археологов.

А. Е. Матюхин всегда занимал активную жизненную позицию; много лет он был депутатом Дзержинского районного совета.

Память о замечательном человеке и большом ученом навсегда сохранится в наших сердцах.

С. А. Васильев

Список сокращений

АВ	– Археологические вести. СПб.; М.
АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли: Материалы науч. семинара. М.
АН	– Академия наук.
АО	– Археологические открытия. М.
АЭАЕ	– Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
ГЭ	– Государственный Эрмитаж. СПб.
ЗИИМК	– Записки ИИМК РАН. СПб.
ИА НАНУ	– Институт археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
ИБ МАИКЦА	– Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. М.
ИИМК	– Институт истории материальной культуры. Л., СПб.
КВ	– канонический вектор.
КСД	– культура строителей дольменов.
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. М.; Л.
КСИА АН УССР	– Краткие сообщения Института археологии АН Украинской ССР. Киев.
КТ	– криотекстура.
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАЭ	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МНО	– майкопско-новосвободненская область.
МОИП	– Московское общество испытателей природы.
МЮТАКЭ	– Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
НА	– Научный архив.

НАН	– Национальная Академия наук.
н/п	– надпойменная.
ПЖЛ	– повторно-жильный лед.
ПОС	– припой оловянно-свинцовый.
РА	– Рукописный архив (отдел).
РАН	– Российская Академия наук.
РБВ	– ранний бронзовый век.
р/о	– растительные остатки.
СА	– Советская археология. М.
САИ	– Свод археологических источников. М.; Л.
СБВ	– средний бронзовый век.
СО	– Сибирское отделение АН СССР/РАН.
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет.
СТС	– сезонно-талый слой.
СЭ	– Советская этнография. М.
ТД	– Тезисы докладов.
ТЮТАКЭ	– Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; Л.; СПб.
INQUA	– International Association on Quaternary Research.
QI	– Quaternary International.
SEQS	– Section on European Quaternary Stratigraphy.

Правила оформления рукописей для публикации в «Записках ИИМК РАН»

1. Статьи должны представляться в электронном варианте (файл Word 97 и выше или RTF). К статье обязательно должны быть приложены:

- фамилия, имя автора и название статьи на английском языке;
- рисунки — не более 5 (не ксерокопии, желательно оригиналы). Для электронного варианта — разрешение 600 dpi на дюйм в формате TIF для черно-белых иллюстраций (сканировать в режиме Line Art) или 300 dpi на дюйм в формате JPEG (сканировать в режиме Gray Scale);

- подписи к рисункам;
- краткое резюме (до 1500 знаков) для перевода на иностранный язык;
- список сокращений.

Если в статье приводятся таблицы или диаграммы, то они должны быть даны отдельным файлом.

2. Объем статей:

- а) статьи: текст — до 20 000 символов вместе с пробелами (0,5 а. л.);
- б) заметки о конференциях, обзоры литературы, информация о научно-организационной деятельности и т. д.: текст 6000–10 000 символов вместе с пробелами (0,15–0,25 а. л.).

3. Оформление библиографии:

в тексте статей ссылки на литературу приводятся в скобках (фамилия автора, год, стр.). Например: (Анисюткин 2000: 12–19).

Общий список работ оформляется следующим образом:

- монографии

Смекалова, Дюков 2001 — *Смекалова Т. Н., Дюков Ю. Л.* Монетные сплавы государств Причерноморья. Боспор, Ольвия, Тира. СПб., 2001.

Оятева 1973 — *Оятева Е. И.* Белозерская кожаная обувь // *Голубева Л. А.* Весь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973. С. 199–205.

- сборники статей или периодические издания

Моргунова 2002 — *Моргунова Н. Л.* Проблемы изучения ямной культуры Южного Приуралья // Проблемы археологии Евразии. М., 2002. С. 104–116.

Корзухина 1958 — *Корзухина Г. Ф.* О памятниках «корсунского дела» на Руси: По материалам медного литья // ВВ. 1958. № 14. С. 129–137.

Черных, Орловская 2004а — *Черных Е. Н., Орловская Л. Б.* Радиоуглеродная хронология древнейшей общности и истоки курганных культур // Российская археология. 2004. № 1. С. 84–99.

— авторефераты

Турецкий 1992 — *Турецкий М. А.* Ямная культура Волго-Уральского региона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

— тезисы

Калинин 1999 — *Калинин А. И.* Российские моряки в Средней Азии в XIX веке // Российскому государственному архиву военно-морского флота 275 лет. Исторические чтения: ТД. Дом ученых. 26–27 января 1999 г. СПб., 1999. С. 7–8.

— рецензии

Курбатов 2004 — *Курбатов А. В.* Мех и кожа в раннесредневековой Европе. Рецензия на: *Leather and Fur. Aspects of Early Medieval Trade and Technology.* Edited by Esther Cameron. 105 p., 22 ill. 1998. London // АВ. СПб., 2004. № 11. С. 350–357.

— архивные материалы

экспедиционные отчеты или рукописи работ:

Шумкин 1994 — *Шумкин В. Я.* Отчет о работах Кольской экспедиции за 1994 г. // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 1, д. 22.

Кирчо 1980 — *Кирчо Л. Б.* Культура ранней бронзы Южной Туркмении: (вопросы происхождения по материалам керамических комплексов). Рукопись дис. ... канд. ист. наук // НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 2-д, д. 271.

прочие архивные материалы:

НА ИИМК РАН, РА, ф. 35, оп. 5, д. 60.

РГАВМФ, ф. 410, оп. 2, д. 1528.

Редколлегия

Научное издание

**ЗАПИСКИ
ИСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
№ 8**

Редактор Е. А. Гольдич
Корректор Е. А. Гольдич
Верстка Л. Л. Подъячева

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию» книга предназначена «для детей старше 16 лет».

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-000-5-93; 95 3001 — книги,
95 3150 — литература по истории и историческим наукам

Подписано в печать 06.09.2013. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Гарнитура Newton. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 12,3. Усл.-печ. л. 15,8.
Тираж 300 экз. Заказ 3823

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12/28

Заказы присылать по адресу:
«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>